

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Институт стран Азии и Африки

В.Б.Куделин

ПОЭЗИЯ ЮНУСА ЭМРЕ

*К вопросу
о гуманизме
в литературе
средних
веков*

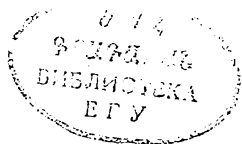

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1980

8И
К88

Ответственный редактор

И. В. БОРОЛИНА

Автор освещает историю изучения жизни и творчества крупнейшего турецкого поэта-суфия Юнуса Эмре (1240—1320), рассматривает его религиозно-философские, социальные и этические воззрения, раскрывает тематику его лирики, систему художественных образов и просодии. В приложении публикуются стихи поэта, большинство которых впервые переведено на русский язык.

К $\frac{70202-060}{013(02)-80}$ 168-80 4603020000

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1980.

В современной Турции широко известны дошедшие до наших дней в изустной передаче стихи Юнуса Эмре (1240—1320). Изучение творчества этого крупнейшего средневекового турецкого поэта, по существу, началось лишь в нашем столетии работами видного английского ориенталиста Э. Гибба и турецкого ученого М. Ф. Кёп-рюлю. За последние два десятилетия сделаны значительные успехи, прежде всего благодаря исследованиям таких турецких литературоведов, как А. Гёльпынарлы, Х. Б. Кунтер, Дж. Озтелли, С. Эйюбоглу и др. И все же многие центральные проблемы творчества поэта продолжают оставаться неразработанными. Одна из них — проблема гуманизма в творчестве Ю. Эмре, связанная с еретическим, антиортодоксальным содержанием его поэзии, ее народной основой.

Исследование этой проблемы, являющейся частью общей проблемы гуманизма в литературе средних веков, и составляет основную задачу нашей работы.

В первой главе мы рассматриваем историю изучения жизни и творчества Юнуса Эмре в нашей стране и за рубежом. Отмечая достижения турецких исследователей, мы вместе с тем подчеркиваем, что ведущее место в их трудах занимают вопросы, связанные с реконструкцией биографии поэта, установлением географии его странствий, места захоронения и т. п. Основным источником этих сведений служат легенды, которые, к сожалению, используются авторами без учета особенностей средневековой культуры с ее неизжитым синкретизмом (в частности, нерасчлененностью образа поэта-святого) и специфики агиографического жанра.

Мы также привлекаем наряду с документами, отно-

сящимися к эпохе Юнуса Эмре, связанный с именем поэта легендарный материал. Хотя в силу своей условности и фантастичности эти легенды и предания не могут рассматриваться как достоверные источники для изучения биографии поэта, они дают представление о той громадной любви, которую на века снискал Юнус Эмре в сердце турецкого народа. Отражая народное восприятие поэта как печальника людского горя, легенды осуждают неприязнь ортодоксального духовенства и власть имущих к Юнусу Эмре как к вольнодумцу-еретику.

Специальному рассмотрению мировоззренческой основы поэзии Юнуса Эмре посвящена вторая глава исследования — «Философские и этические проблемы поэзии Юнуса Эмре». Нами прослеживается, как поэт-суфий развивает идеи мистического пантеизма, согласно которому все сущее на земле и в мире — это бог в его многочисленных проявлениях, это божественное инобытие. Взгляд на мир как на эманацию божества уживается в творчестве поэта со стихийно-материалистическими и рационалистическими тенденциями.

Философские и социальные воззрения Ю. Эмре находятся в резком противоречии с ортодоксальной религией. Учению ортодоксов о божественной справедливости, о потустороннем мире, в котором праведникам уготованы райские кущи, а грешникам — геенна огненная, Юнус Эмре противопоставляет убеждение суфиев в том, что человек, устремленный к познанию истины, отыскивает рай в собственном сердце, что подвижник, достигающий хакиката, т. е. слияния с истиной, становится богом сам. Согласно философской и этической концепции Юнуса Эмре, познание истины неразрывно связано с нравственным самоусовершенствованием. Движущей силой этого самоусовершенствования является чувство любви, в котором органически сливается любовь к богу с любовью к человеку.

Убежденность поэта в высоком предназначении человека позволяет говорить о Юнусе Эмре как о гуманисте, борющемся за торжество добра над злом, верящем в силу разума и безграничные человеческие возможности.

Третья глава работы посвящена основным аспектам лирики Юнуса Эмре. Стремясь очертить круг проблем,

которые находят свое отражение в творчестве поэта, мы подчеркиваем их «глобальный», «вечный» характер. В этой проблематике, как и в других идейно-художественных компонентах поэзии Юнуса Эмре, которые рассматриваются нами в этой главе, мы стараемся проследить отражение основных закономерностей литературного процесса в средние века.

Центральный образ стихов Юнуса Эмре — традиционный для суфийской поэзии образ странника, взыскующего истины. Этот условный образ-схема благодаря огромному поэтическому таланту Юнуса Эмре, силе его вдохновения и исключительной искренности наполняется конкретным жизненным содержанием, неповторимыми деталями авторского самовыражения. Индивидуальность поэзии Юнуса прослеживается в характере использования поэтом ряда суфийских образов и мотивов, в переосмыслении традиционных суфийских иносказаний.

В главе четвертой — «Некоторые вопросы поэтики Юнуса Эмре» — при рассмотрении изобразительных средств, стилистико-композиционной и ритмико-метрической структуры стихотворений Юнуса Эмре основное внимание нами сосредоточивается на раскрытии их народной основы, их непосредственной связи с устно-поэтическим творчеством. Выявляя, в частности, прямую преемственность духовных стихов — иляхи — поэта от народной песенной традиции, мы в то же время отмечаем влияние на них книжной поэзии и стараемся наметить основные каналы, по которым шло это воздействие.

В главе специально затрагивается вопрос о языке Юнуса Эмре, который многие исследователи характеризуют как живой, разговорный язык того времени.

Подлинно турецкий характер стихотворений Ю. Эмре, стоявшего у истоков турецкой литературы, — еще один весомый контраргумент в спорах с теми учеными, которые вплоть до настоящего времени отказывают этой литературе в самобытности, считают ее «подражательной, чрезмерно зависимой» от персидской [70, 270].

Пятая глава посвящена рассмотрению дидактической поэмы Юнуса Эмре «Назидательное послание» («Рисалят аль-нусхия»). Оспаривая распространенный среди турецких литературоведов взгляд на эту поэму

как на произведение, стоящее особняком в творческом наследии поэта и не обладающее высокими художественными достоинствами, мы пытаемся показать, что основная причина такой оценки «Назидательного послания» лежит в забвении исследователями специфики средневековых дидактических жанров.

В «Заключении», подводя общие итоги своего исследования гуманистической концепции человека в поэзии Юнуса Эмре, автор стремится подчеркнуть основу основ юнусовского учения о человеке — гуманоцентризм, гуманистическую диалектику Юнуса Эмре. Осознавая диалектичность тождества «Я есмь Он», поэт утверждает абсолют человека во времени и пространстве.

Другой вопрос, на котором автор останавливается в «Заключении», — воздействие творчества Юнуса Эмре на ашикскую поэзию, зарождение которой традиционно связывается с именем поэта. Однако влияние Юнуса Эмре на турецкую литературу не ограничивается рамками ашикской поэзии. Гуманоцентризм творчества Юнуса Эмре позволяет говорить о поэте как об основоположнике гуманистического течения в турецкой литературе вообще.

В связи с тем, что стихи Юнуса Эмре до недавнего времени почти не переводились на русский язык, мы сочли необходимым включить в работу в качестве приложения свой перевод ряда иляхи поэта. Автор стремился выбрать те стихи Юнуса Эмре, которые наиболее полно раскрывают многогранность его творчества.

Автор считает своим долгом выразить искреннюю благодарность И. В. Боролиной, без чьей многолетней помощи и поддержки он не мыслит этой работы. С признательностью он вспоминает тех туркологов Москвы, Ленинграда и Тбилиси, которые своими замечаниями, советами и добрыми пожеланиями содействовали завершению этого исследования о Юнусе Эмре.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЮНУСА ЭМРЕ

До последнего времени в турецком литературоведении изучались лишь вопросы биографии Юнуса Эмре. Творчество его в гораздо меньшей степени привлекало внимание ученых. Отчасти это положение может быть проиллюстрировано на примере дошедшего до нас собрания стихов турецкого поэта — его дивана.

Во-первых, до сих пор не установлено время, когда диван был оформлен. По мнению турецкого исследователя Абдулбаки Гёльпынарлы [23, 126], это произошло при жизни поэта, о чем якобы свидетельствуют его стихи:

Yunus olduisa adum ne aceb
Okuyalar bu benim divanımı.

А коль я — Юнус, то, чем же удивительно имя мое
[Станет ясно, когда] прочитают они этот мой диван.

Исследователь полагает к тому же, что диван составлен самим поэтом.

Другой турецкий ученый, Мухаммед Фуад Кёпрюлю, утверждает, что диван Юнуса Эмре был составлен значительно позже его смерти одним из преданнейших последователей поэта из дервишей [27]¹.

Во-вторых, вопрос о количественном составе перво-

¹ Выборочный перевод труда М. Ф. Кёпрюлю сделал немецкий ученый Теодор Менцель (см. [14, 411]).

Здесь и далее в квадратных скобках первая цифра указывает номер цитируемой работы по библиографии, прилагаемой к книге, вторая цифра обозначает страницу. Разные работы приводятся через точку с запятой.

го дивана поэта также не нашел сколько-нибудь определенного решения. Если довериться одной из легенд, таких стихотворений было 3000, тогда как в наиболее полном из сохранившихся диванов, принадлежащем библиофилу Рауфу Елькенджи, всего 282 стихотворения.

В-третьих — и это самый значительный пробел, — до сих пор не существует научного, критического издания дивана², которое отвечало бы требованиям, предъявляемым текстологией.

Отсутствие критического текста дивана объясняется прежде всего труднейшей проблемой атрибуции стихов. Среди основных критериев определения авторства фигурирует упоминание в стихотворении имени поэта. Однако этот критерий может иметь какую-то силу лишь тогда, когда имя поэта приводится в стихотворении целиком³, а таких стихотворений в его диване очень немного. И поскольку критерий имени применим для очень ограниченного числа случаев, возникает необходимость искать новые. Здесь надо учитывать такие моменты, как условия устного бытования стихов, неизбежно порождавшие их вариативность; искажения и отступления от первоначального текста; дальнейшая фольклоризация стихов поэта и характерная для средневековой культуры слабая индивидуализация и, наконец, факты сознательной подделки. Многие мог бы дать

² Наиболее старые рукописи дивана Ю. Эмре датируются предположительно XIV в. Это уже названная выше рукопись, принадлежащая Р. Елькенджи и содержащая диван поэта и его поэму «Рисалат аль-нусхия»; рукопись, находящаяся в стамбульской библиотеке Фатых (инв. № 3889); рукопись, хранившаяся у проф. Г. Риттера (98 иляхи Юнуса Эмре и 15 стихотворений одного из его последователей — Саида Эмре). Библиотека Нури Османа в Стамбуле располагает списком 1533—1534 гг., а стамбульская библиотека Яхья-эфенди — рукописью XVII в. Все издания стихотворений поэта строятся преимущественно на этих рукописях. Полного каталога имеющихся списков дивана Юнуса Эмре до сих пор нет. Подробнее о других рукописях дивана Юнуса Эмре и антологиях, содержащих стихи поэта, см. [23, 128].

³ Известны имена других поэтов — современников и последователей Юнуса Эмре: Юнус, Саид Эмре, Веххаб Эмре, Талиби Эмре и др. Вспомним в этой связи замечание М.-Н. Османова по поводу атрибуции стихов Омара Хайяма: «В некоторых четверостишиях, правда, встречается имя Хайяма, но, строго говоря, это не может служить доказательством подлинности, — ведь автор подделки, например, начал бы именно с этого» (см. [62; 159—160]).

в этом отношении текстологический анализ стихотворений, однако работ в этом направлении пока не велось.

Таким образом, изучение творчества поэта сводится в основном к исследованию его дивана. Нерешенность целого комплекса вопросов, связанных с диваном Юнуса Эмре (атрибуция, неопределенность времени появления первого и последующих списков дивана Юнуса Эмре, количественный состав дивана, отсутствие текстологических исследований и научных изданий дивана), не могла не повлиять и на выяснение и уточнение основных хронологических данных его биографии, о чем говорят противоречивые мнения на этот счет среди турецких и зарубежных эмреведов.

Начало изучению жизни и творчества Юнуса Эмре положил известный австрийский ученый И. Хаммер-Пургшталъ [72, 566]. Однако он, лишь упоминая поэта в своем капитальном труде о турецкой поэзии, ошибочно относит время его жизни к XVI в.

Ошибку своего австрийского коллеги полувеком позже исправляет английский востоковед Э. Гибб, процитировавший в английском переводе хорошо известную строку поэта из его месневи «Рисалят аль-нухсия»:

Söze tarih yedi yüz yedi idi

Yunus canı bu yolda fidiydi

Истории шел семьсот седьмой год

(лунного календаря.— В. К.),

[Когда] Юнус всей душой отдался этому пути.

Эти строки, по мнению Гибба, указывают, что поэт жил в XIV в., а не позднее, на чем настаивают некоторые средневековые историографы [71, 165].

Определяя значение творчества Юнуса Эмре для турецкой поэзии, исследователь заявляет, что он, «кажется, является первым родным поэтом западных турок, оставившим после себя след» [71, 164].

Автор сводит все творчество Юнуса Эмре к пропаганде суфизма, но подчеркивает вместе с тем искренность и общедоступность его стихотворений.

Причину намеренного забвения турецкого поэта средневековыми историками и тезкиристами Э. Гибб видит в «грубом, примитивном стиле» и «ультратурецком характере» поэтических творений Юнуса Эмре. К сожалению, это ошибочное мнение бытует среди многих литературоведов и по сей день.

Написанные в разное время работы других западных ученых сводятся в основном к изложению отдельных моментов биографии Юнуса Эмре и общей оценке его роли в турецкой литературе. Упомянем работы Л. Базана [69, 922—923], А. Бомбачи [68, 268—284] и др.

В течение длительного времени такая заметная фигура в турецкой поэзии, как Юнус Эмре, была практически неизвестна среди русских ориенталистов. Так, видный русский турколог В. Д. Смирнов самыми выдающимися представителями суфийского направления в турецкой литературе наряду с Джалаледдином Руми и его сыном Султаном Веледом называет Ашика Пашу, а Юнуса Эмре даже не упоминает [66, 36].

Более чем скромную оценку турецкому поэту дал акад. А. Е. Крымский, отказавший ему в какой-либо оригинальности: «Содержание своих идей он (Юнус Эмре.— В. К.) рабски черпал из Джеляльеддина Руми» [56, 263—264].

Лишь отход от жизни, весь смысл которой — думы о смерти и подготовка к ней, усматривает в юнусовской поэзии современный азербайджанский исследователь Ф. Касимзаде. По словам ученого, Юнус якобы выступает против науки, противопоставляя ей все ту же смерть, скорейшего прихода которой он желает. Все помыслы поэта, как считает Ф. Касимзаде, связаны с загробным, божественным миром. А посему, пишет исследователь, «все его (Юнуса Эмре.— В. К.) творчество включает в себя религиозно-мистические мысли, (проповедь) устранения от жизни, призыв к народным массам покориться гнету, набраться терпения и искать смерти» [53, 96—97].

Кроме названных работ поэт упоминается в той или иной связи такими советскими исследователями, как акад. В. А. Гордлевский [44, 137 и 201], Г. А. Горбаткина [43, 90], Л. Алькаева и А. Бабаев [33, 19—20]. Отдельные вопросы его творчества рассматривались И. В. Боролиной в разделе «Турецкая литература» университетского учебника [38, 335—339] и в учебном пособии ленинградского турколога В. С. Гарбузовой [41, 48—53].

Интересна и содержательна специальная статья о Юнусе Эмре болгарского ученого Ризы Моллова [61, 3—11]. Исследователь справедливо находит в поэте вы-

разителя тревожных чувств и мыслей народа, определяет его творчество как гуманистическое и народное, пытается проследить истоки противоречивых тенденций человеколюбия и мистицизма в Юнусе Эмре.

Однако предпринятая им попытка воссоздать в общих чертах тенденции развития творчества поэта представляется преждевременной в силу недостаточной изученности его стихотворного наследия.

1. Основоположником научных изысканий о Юнусе Эмре в турецком литературоведении признается выдающийся ученый Мухаммед Фуад Кёпрюлю. Его труд «Первые мистики в турецкой литературе» [27], вышедший в 1918 г., имел принципиальное значение в плане определения и уточнения важнейших моментов биографии и творчества поэта. По его мнению, Юнус Эмре — крестьянин, родившийся во второй половине XIII столетия в деревне, которая расположена недалеко от реки Сакарья, поблизости от Сиврихисара (область Болу).

Одним из первых среди современных турецких исследователей М. Ф. Кёпрюлю констатирует, что стихи поэта были созвучны простому народу, а его влияние «было повсеместным», и определяет главное в творчестве поэта — его народность.

Однако работе Мухаммеда Кёпрюлю присущи ограниченность и субъективизм. Так, исследователь видит в Юнусе Эмре прежде всего моралиста, требующего от каждого строгого соблюдения уложений Корана и добра. Не смог Кёпрюлю преодолеть традиционного определения поэта исключительно как мистика, пусть глубокого, но не более того.

Среди других турецких исследователей творчества Юнуса Эмре (назовем среди них С. Н. Эргуна [17, 52—54], Али Хасана [15, 59—63], Н. С. Банарлы [16, 98—102], Х. Т. Гёненсая [24, 199—203], А. С. Левенда [29, 50—53], Р. А. Севенгиля [31, 8—12], С. Эйюбоглу [18], К. С. Хатипгиля [9]) признанное место занимает доцент Стамбульского университета Абдулбаки Гельпынарлы. Логическим завершением его многолетних исследований стала монография «Юнус Эмре и суфизм» [23]⁴. В книге рассмотрены обнаруженные в последнее время документальные данные о поэте, вопрос о времени его жиз-

⁴ Из работ этого автора, посвященных Юнусу Эмре, см. также: [20; 21; 6; 7; 8].

ни и современниках, связанные с именем Юнуса легенды, произведен анализ стихов в целях отыскания новых биографических данных. Как отмечает в своей книге ученый, стихи Юнуса Эмре дают возможность реконструировать отдельные эпизоды его жизни, предложить гипотезы на этот счет.

Судя по стихам, утверждает А. Гёльпынарлы, поэт провел значительную часть жизни в соответствии с дerviшеским обычаем — в странствиях. Не случайно, по-видимому, тема странствий, тема чужбины занимает у него одно из центральных мест. География этих путешествий четко прослеживается по стихам:

Gezerim Rum ile Şamu yukarı elleri kamu

Сирию, Рум я обошел, верхние страны прошел⁵.

Поэзия Юнуса свидетельствует также и о том, что поэт затем переходит к оседлому образу жизни — становится шейхом.

Наконец, стихи Юнуса содержат свидетельства того, что он прожил долгую жизнь. Процитируем один из бейтов, приведенных А. Гёльпынарлы, который кажется нам наиболее убедительным:

İki kişi söyleşür Yunus'u görsem deyü
Biri deydur ben gördüm bir aşık kocaıymış.

Двое беседуют. Один говорит: «Юнуса бы увидеть».
Другой отвечает: «Я видел его, старый он ашик».

В своей итоговой работе о Юнусе Эмре А. Гёльпынарлы не обошел вниманием и последние важнейшие изыскания других турецких ученых. Исключительную ценность, по его мнению, представляет обнаруженная Аднаном Садыком Эрзи в Стамбульской публичной библиотеке Баязида хронологическая таблица, из которой явствует, что Юнус Эмре скончался в 720 г. хиджры, прожив 80 лет (82 года по лунному календарю). А. Гёльпынарлы не находит возможным усомниться в этих сведениях, мотивируя это тем, что данные о других лицах, приведенные в таблице, являются достоверными. Следовательно, поэт родился в 1240/41 г., а скончался в 1320/21 г. ¹

Сложность разрешения вопроса о времени жизни

⁵ Рум — Анатолия, верхние страны — Азербайджан и Иран.

Юнуса Эмре подчеркивает и крупный турецкий литературовед Васфи Махир Коджатиюрк. Он отвергает точку зрения, впервые высказанную М. Ф. Кёпрюлю, согласно которой основная часть жизни поэта приходится на XIII в. В. М. Коджатиюрк совершенно по-иному комментирует уже приводившиеся строки поэта, служившие Кёпрюлю основным аргументом («Истории шел семьсот седьмой год...»).

Поскольку, заявляет ученый, неизвестно, с каким именно событием в жизни поэта связана эта дата, нельзя точно сказать, когда написаны данные строки. Если дата относится ко времени вступления поэта в дервишский орден, то, судя по ретроспективному характеру бейта, следует предположить, что написан он был много позже самого события. В таком случае, продолжает автор, мысль, что поэт умер в году не слишком отдаленном от 1307-го, не может считаться приемлемой.

Сам исследователь, полагает, что Юнус Эмре жил в XIV в. Стихи поэта, утверждает он, созвучны этому периоду, а самый основательный источник о первых османских писателях «Шакаиик терджемеси» причисляет Юнуса к периоду правления султана Йылдырыма (1389—1403). Средневековый историк Ашикпашазаде указывает, что поэт жил во времена Орхана (1326—1360) и Мурада (1360—1389) [26, 179—185].

Отдав традиционную дань мистицизму поэта (его стихи — «путеводители религиозного духа турецкого народа»), он выделяет в творчестве Юнуса Эмре как дидактическую направленность, так и дополняющую ее лиричность, подчеркивает «спокойный и прозрачный дух, тонкий и приятный язык» его стихов.

Новые биографические сведения о поэте опубликовал турецкий фольклорист Джахит Озтелли [30, 618—622]. Он заявляет, что, по имеющимся документам, поэт — выходец из Эскишехира, но был также непосредственно связан с местными правителями из Караманов. Доказывая наличие контактов поэта с Караманами, автор предлагает в качестве источника «Историю Караманов» («Karamanoğulları tarihi»), которую по повелению правителя из Караманов Алаэддина Али-бея написал в стихах на фарси поэт Ярджани. В XVI в. Шикари перевел это произведение на турецкий язык. Персидский оригинал «Истории Караманов» не сохранился.

Согласно «Истории», Юнуса весьма ценили караманские правители. Он стал шейхом наследника престола и одного или двух беев, построил в Карамане мечети.

В последние годы жизни шейх Юнус был втянут местными беями, начавшими борьбу за власть, в политические интриги, за что и поплатился жизнью.

Вряд ли можно сомневаться, что «История Караманов» не является сколько-нибудь достоверным изложением жизни поэта: слишком характерны умолчание о ней или серьезные критические замечания в трудах известных турецких литературоведов.

Из-за утраты оригинала Ярджани сейчас невозможно выяснить, обязана ли эта малоправдоподобная история своим происхождением самому оригиналу или «искусству» переводчика. Однако довольно легко представить себе причины ее появления.

Долголетнее забвение, на которое обрекли поэта придворные круги и послушные им авторы, не смогло воспрепятствовать необычайной популярности Юнуса Эмре среди простого народа. Вот тогда и могла возникнуть идея о своеобразной канонизации поэта: сочиняется история о том, что Юнус Эмре был своим человеком при дворе Караманов, участвовал в политической жизни и стал ее жертвой. Такая версия могла способствовать выполнению двух задач. Во-первых, изображая Юнуса Эмре человеком высшего света, она отдаляла поэта от народных масс, а во-вторых, давала объяснение, почему его имя было не в чести у придворных авторов: Юнус — человек, избалованный в злоумышлениях против власть предержащего и казненный за это.

Таким образом, и эта версия, как и рассмотренные нами выше концепции многих работ о Юнусе Эмре, не освещает главного — еретического характера творчества Юнуса Эмре. Его расхождение с догматами ортодоксального ислама было основной причиной красноречивого умолчания о нем в официальных хрониках средневековья. А ссылки на слишком «простонародный», «примитивный» язык поэта, что якобы отвращало антологистов от его поэзии, лишь уводили в сторону от истинных мотивов отлучения Юнуса Эмре от турецкой поэзии⁶.

⁶ Заметим, что известный турецкий писатель Кемаль Тахир (1910—1973) в одном из последних своих романов (1967) «Devlet

Еще одной группой биографических источников являются легенды. В некоторых из них дается связанное изложение жизни поэта. Однако их значение не следует преувеличивать. Типичные образчики «житийной литературы», эти легенды прежде всего преследовали конкретные политические цели, выполняли задачи религиозной идеологии, во имя которых историческая правда могла быть принесена в жертву.

Наиболее раннее упоминание о Юнусе Эмре содержится в «Вилайетнаме» (конец XV в.) — жизнеописании Хаджи Бекташа, основателя дервишеского ордена Бекташи [20].

Основным, если не единственным источником для турецкого агиографа того времени служила изустная традиция. И поскольку годы жизни святого и создания жизнеописания разделялись зачастую весьма значительным временем, устное предание в зависимости от условий бытования за этот период существенно изменялось и подвергалось неоднократным редакциям.

«Вилайетнаме» не может считаться исключением в этом плане — оно было написано примерно через два века после кончины Хаджи Бекташа [20, XX]. Другие персонажи, в том числе и Юнус Эмре, также были далеко не современниками автора этой легенды.

Ирреальный характер, фантастичность жизнеописаний (включая и «Вилайетнаме») помимо названных причин обусловлены законами жанра. Как писал видный русский историк В. О. Ключевский, существенной и необходимой частью житийной литературы являются чудеса [54, 358].

«Слава Бекташа, — говорится, в „Вилайетнаме“⁷, — распространилась повсеместно, отовсюду начали стекаться к нему мюриды и друзья. Устраивались радения и торжества, собирались меджлисы. Приходили нему-

Апа» (в русском переводе — «Глубокое ущелье», М., 1971) изображает Юнуса Эмре по традиции человеком из народа, странствующим дервишем и относит время его жизни к периоду распада Сельджукского султаната и к самому началу образования Османского государства — правлению Эртогрула (ум. в 1281 г.) и Османа (1281—1324).

⁷ Несколько разнящиеся друг от друга варианты этой легенды приводятся А. Гельпынарлы в указанном выше издании «Вилайетнаме» [20, 48—49] и его же книге «Юнус Эмре и суфизм» [23, 51—53]. Здесь мы придерживаемся последнего варианта.

щие — становились богатыми, обращались стремившиеся достичь желаемого — и получали искомое.

На севере от Сиврихисара была деревня, что называлась Сарыкёй. Жил в ней некто по имени Юнус Эмре. Был он очень беден, занимался земледелием, сеял хлеб. В один год случилась засуха, и урожай не вызрел. Прислушался Юнус про добрые дела Бекташа и решил отправиться к нему».

Далее легенда повествует о том, как Юнус приходит к Хаджи Бекташу, привозит ему в подарок алычу, гостит у него некоторое время, затем собирается в обратный путь.

«„Спросите, — говорит Хаджи Бекташ, — что ему дать: пшеницу или благословение?“ Спрашивают Юнуса. „Что мне делать с благословением? — отвечает тот. — Мне надо пшеницу“. Сообщают слова Юнуса Хаджи Бекташу. „Нужна пшеница — дадим, — молвит Хаджи Бекташ, — но если надо благословение — за каждую ягоду алычи отпущу по два оных“. Юнус возражает опять: „На что мне благословение?“ Тогда Хаджи Бекташ предлагает за каждую алычовую косточку по десять благословений. Но Юнус непреклонен: „У меня семья, дети, мне надо пшеницу; пусть дадут пшеницу, и я отправлюсь, буду есть ее вместе с женой и проживу“.

Владыка распоряжается, и Юнуса отпускают столько пшеницы, сколько может увезти его вол. Он уезжает. Лишь достигнув границы деревни и въезжая на пригорок возле бани, Юнус опомнился. „Что я сделал, — запричитал он, — что я натворил! Мне предложили по десять благословений за каждую косточку алычи, а я не принял. Пшеница кончится через некоторое время, а благословение не иссякнет по самую смерть“».

Юнус возвращается к Хаджи Бекташу, но уже поздно. Тот говорит: «Мы вручили ключ от того замка Тапдуку Эмре, пусть он (Юнус. — В. К.) отправляется к нему и от него получит свою судьбу».

Крестьянин отправляется к Тапдуку и исправно служит у него дровосеком в течение сорока лет, принося в обитель дервишей — текке только молодой и прямой лес.

«Однажды, когда уже прошло сорок лет, собирались блаженные на меджлисы. На меджлисах неизмен-

но присутствует Юнус Гюенде, человек с красивым голосом. Тапдук Эмре приходит в экзальтированное состояние. „Юнус Гюенде, — говорит он, — пой“. Юнус Гюенде молчит. „Ну пой, Юнус, — опять обращается к нему Тапдук Эмре, — поделись с нами, мы послушаем, желание наше сильно“. Гюенде опять безмолвен. Тапдук поворачивается к нашему Юнусу (т. е. Юнусу Эмре. — В. К.), говоря: „Великое благословение владыки нашло того, к кому оно было обращено, настало, пробило время, вот мы и открыли замок на том сокровище, полностью вверили [тебе] твою судьбу, пой ты“.

С глаз Юнуса спадает пелена, море любви, желания выходит из берегов и закипает. Он раскрывает уста и начинает петь. Но слова, слетающие с его уст, — это жемчуг бесценный, добытый из раковин, жемчуг, в который превратились капли апрельского дождя. Его слова становятся „великим диваном“.

Могила Юнуса — в окрестностях Сиврихисара, поблизости от деревни, в которой он родился».

Касаясь вопроса о предназначении житийной литературы, Н. К. Гудзий писал, что такая литература использовалась религиозными кругами для того, чтобы дать пастве образцы практического применения отвлеченных христианских положений [47, 36]. Изложенная история как нельзя лучше иллюстрирует это на мусульманской почве. Разъяснение догмы о непреходящей ценности благословения, которое не в силах якобы затмить никакие материальные блага и преимущества, «препоручается» здесь бедняку Юнусу.

В рассмотренном отрывке из «Вилайетнаме» наличествуют традиционные для биографической схемы любого святого моменты, в том числе обязательный мотив внезапного чудесного «прозрения», который связывается здесь с обретением поэтического дара.

Сказания и легенды о поэтическом вдохновении как чудесном пророческом даре, внушенном свыше, имели широкое распространение у народов Запада и Востока [40, 337—342; 51, 26]. Раскрытие поэтического дара у Юнуса очень напоминает ситуацию с казахскими акынами, которые получают этот дар как благословение от своего учителя. В версии «Вилайетнаме» содержится намек на то, что поэтическое будущее Юнуса Эмре было известно Хаджи Бекташу уже тогда, когда Юнус явил-

ся к нему безвестным просителем. Слова Бекташа в ответ на просьбу Юнуса о благословении: «Мы вручили ключ от того замка Тапдуку Эмре, пусть он отправляется к нему и от него получит свою судьбу», — представляются пророческими. Да и смысл благословения, предлагавшегося Юнусу, заключался в раскрытии предсказанного ему свыше таланта стихотворца.

Сорок подвижнических лет, проведенных Юнусом на службе у Тапдука Эмре, дают право «раскрыть замок на том сокровище»: Юнус начинает экспромтом петь прекрасные стихи в момент знаменательного онемения сладкоголосого Юнуса Гюенде.

Элемент сказочного, чудесного является, как уже отмечалось, необходимой частью всей житийной литературы. Способность творить чудеса — одно из основных отличий святого. На турецкой почве это выглядит, например, следующим образом: святой может переплыть море на молитвенном коврике или шкуре животного; превратиться в голубя или сокола; легко, как огурец, разрезать ножом камень; дунув на гору, заставить ее взлететь в воздух, подобно соломенной трухе, и т. д. (см. об этом подробнее в предисловии к «Вилайетнаме» [20, IV]). Весь этот «арсенал» чудес в житийной литературе восходит преимущественно к волшебной сказке с ее уходящими в язычество (древняя магия и т. п.) корнями.

Такова и легенда о Юнусе Эмре, имеющая хождение в районе Кула и повествующая о том, как дервиш Юнус, служа дровосеком у Тапдука, совершает чудо. Забыв однажды дома веревку, он перевязывает дрова... змеей, неподвижно лежавшей на земле. О том, что вязанка была стянута змеей, сам дервиш узнает лишь по возвращении в текке от заметившей это жены Тапдука⁸.

Особо примечательна легенда о диване поэта. Рассказывают, что Юнус пропел три тысячи стихов, кото-

⁸ Этот сюжет развивает Незихе Араз в своей книге «Колесо печалей» («Dertli dolar»). Во время рубки дров за Юнусом наблюдает вся лесная живность: звери, птицы, насекомые. Он беседует с ними, ласкает их. Все эти чудеса, подобных которым так много, например, в памятнике итальянской литературы XIV в. «Цветочках Франциска Ассизского», Юнус совершает якобы для того, чтобы исполнить веление шейха: «Возлюби меня во всем сущем» (см. [3, 120—122]).

рые и были собраны в диван. После смерти поэта его диван попадает в руки человека по имени Молла Касым. Тот, взяв диван, приходит на берег и углубляется в чтение. Первое стихотворение Молла Касым рвет в клочья и сжигает, поскольку по духу своему оно противно шариату. Такая же участь постигает всю первую тысячу стихов поэта. Мнение случайного судьи поэтического творчества Юнуса Эмре не меняется, когда он прочитывает и тысяча первое стихотворение. Он бросает это стихотворение, а за ним и всю вторую тысячу стихов в воду. Приступив к чтению третьей тысячи, Молла Касым наталкивается на такое двестишестое:

Не говори, что неверны и лживы эти дервиша Юнуса слова,
Тебя испытать придет некто Молла Касым.

Увидев эти строки, Молла Касым проникается мыслью о пророческом даре Юнуса Эмре, понимает, что он принадлежит к числу святых. Он хватается за диван, целует его и, как священную книгу, прикладывает к голове.

Легенда заканчивается словами о том, что ныне сожженную тысячу стихов поэта читают ангелы на небе, тысячу, брошенную в воду, — рыбы, а оставшейся тысячей наслаждаемся мы.

Легенда о диване Юнуса Эмре интересна прежде всего в том смысле, что она подчеркивает сложившееся к поэту отношение как к еретику, чьи стихи должны уничтожаться. Вовсе не случайно то обстоятельство, что выносит суждение о стихах именно молла — духовное лицо, — который находит их вначале противоречащими ортодоксальным мусульманским догматам.

Построена легенда в духе традиционных преданий о посмертных чудесах святых. Чудо в данном случае заключается в «прозрении» моллы, решительно настроенного против поэта. Он поражен до глубины души даром провидения Юнуса, угадавшего, кому на суд попадут его стихи. Магическая власть, которую обрел Юнус в этом мире над стихиями и дикими зверями, сохраняется и после его физической смерти — в стихах, оставленных им.

Предание о диване очень поэтично, особенно его заключительная часть, повествующая о бессмертии поэта, почитаемого и на земле и в небесах.

Известны и другие легенды о Юнусе Эмре. Такова, например, услышанная Азизом Махмудом Хюдаи (ум. в 1628 г.) от своего шейха Уфтаде: прослужив тридцать лет Тапдуку, Юнус Эмре, однако, не «прозрел». Разочарованный, он отправляется странствовать. Как-то в пещере, где Юнус решил переночевать, он встречает семерых мужей-чудодеев. Каждый вечер один из них творит молитву, благодаря которой перед странниками появляется стол с яствами. Наконец приходит очередь Юнуса. Он возносит молитву о том же человеке, о котором молились чудодеи. И в результате юнусовской молитвы появляются сразу два стола с едой. Пораженный, Юнус обращается за объяснением к странникам, с которыми его свела судьба. И тогда выясняется, что они молились за того блаженного, который тридцать лет прослужил у Тапдука Эмре, т. е. за самого Юнуса. Дервиш тотчас «прозревает», бросается к своему шейху, припадает к его стопам. Тапдук вопрошает Юнуса, потому ли он вернулся, что понял свое положение и значимость.

Другой, более распространенный вариант концовки этой легенды таков. «Прозревший» Юнус прибегает не к самому Тапдуку Эмре, а к его супруге — анабаджи. Та советует Юнусу, когда Тапдук уйдет совершать утренний намаз, лечь на пороге. Почти незрячий шейх, наткнувшись на Юнуса, должен будет, по расчетам анабаджи, спросить: «Кто это?» Анабаджи ответит: «Юнус». Если Тапдук спросит: «Какой Юнус?», тому надо убежать без оглядки. Если же шейх скажет: «Наш Юнус?», — это будет означать, что Юнус прощен и ему следует просить благословение у Тапдука Эмре. Все кончается благополучно для Юнуса, поступившего так, как ему посоветовала анабаджи. Шейх Тапдук горячо обнимает Юнуса, вернувшегося из дальних странствий [23, 54—55].

Любопытна легенда о поэте, изложенная в стихах неким Каддуси (ум. в 1848/49 г.). Как повествует автор, герой служил своему шейху сорок семь лет (в других легендах и преданиях — тридцать или сорок). Тапдук Эмре разочаровался в своем послушнике — мюриде и, наградив пощечиной, велел прогнать его. Когда выполняли приказ шейха, голова Юнуса застряла в дверях текке. Это Тапдук расценил как добрый знак.

«Ты напрасными наши дела не счел»,—сказал он и вернул дервиша [23, 56].

В ряде мест Турции, например в районе Кулы в деревне Эмре, бытуют легенды, сложившиеся под несомненным влиянием некогда широко популярных историй о походах за веру — «газаватнаме». Во время войны с «френками» — христианами, рассказывается в них, Юнус попадает в плен и предлагает одному из монахов испытать, чья вера истинна. Для этого надо погрузиться в кипящий котел. Кто выйдет оттуда живым, тот и прав. Первым, поминая имя Аллаха, в котел вступает Юнус Эмре. Котел закрывают крышкой. Через некоторое время изнутри раздается стук. Крышку поднимают, из котла выходит живой и невредимый Юнус, с разругавшимися щеками, и оттирает пот со лба. Тогда в котел бросается монах, который там и сваривается заживо.

В той же деревне Эмре до сих пор можно услышать и легенду о «вине любви»: Тапдук вручил Юнусу вино и наказал вылить его там, где не ступала нога человека. Все поиски оказываются тщетными. Тогда Юнус выливает вино до последней капли себе в рот и становится поэтом.

Согласно преданию, рассказанному каймакамом Наллыхана, Тапдук по прошествии долгих лет преодоления Юнусом искуса, убедившись в зрелости Юнуса, решает, что более им нет необходимости быть вместе. Он далеко забрасывает свой посох, предлагая Юнусу пойти и отыскать его. Место, где посох, обнаружится, должно стать последним пристанищем Юнуса. Тот искал заброшенный посох целых пять лет и наконец нашел его в деревне Сарыкёй, где прожил до своей кончины [23, 61].

Неоднократные упоминания Юнусом Эмре в своих стихах имени выдающегося персоязычного поэта Джалаледдина Руми (Мевляна), их возможные, как полагают некоторые исследователи, встречи стали, вероятно, источником для следующего приписываемого Мевляна высказывания:

«До какого бы божественного уровня я ни поднимался, всюду перед собой я обнаруживал следы „туркменского мужа“ (Юнуса Эмре.— В. К.) и не мог их переступить, как ни старался». Рассказ об этом содержится в

книге шейха Сулеймана из Кестендиля (ум. в 1819 г.) [23, 58].

Среди преданий о Юнусе Эмре особый цикл могут составить легенды, связанные с местом захоронения Юнуса — его макамом. Всего в Турции насчитывается пятнадцать мест, претендующих на право считаться макамом поэта. Это Бурса, Чайкёй, Эрзурум, Унье, Дегер, Тире, Сивас, конийский Аксарай, Кыршехир, Болу, Кечиборлу, Улуборлу, Кула, Караман, Сарыкёй (см. [28, 43—93]).

В бытующей в Куле легенде повествуется, что шейх Юнуса якобы распорядился похоронить своего ученика у входа в собственную гробницу, дабы те, кто не желают посетить могилу Юнуса, не смогли пройти и к могиле его учителя. В другом варианте рассказывается, что так было устроено по просьбе Юнуса, пожелавшего, чтобы приходящие поклониться праху Тапдука прежде попирали ногами останки его смиренного мюрида [23, 60].

Бурсская могила, находящаяся рядом со старым текке в местечке Шибли, появилась, как гласит легенда, согласно повелению известного суфия Ниязи Мысри (ум. в 1693 г.), который заявил, что в Шибли «витают дух Юнуса Эмре», — этого оказалось достаточно для того, чтобы там была сооружена гробница поэта (см. [45, 338]).

Макамы Юнуса Эмре становились местом паломничества. У могилы в Чайкёе в старые времена собирались бездетные женщины. В урочные дни — по понедельникам и субботам — тридцать-сорок женщин, взявшись за руки, начинали движение вокруг могилы, приплясывая и приговаривая: «Создатель, даруй мне сына, я назову его Юнусом».

Как явствует из другого предания, в деревне Тапдык (каза Аксарай, вилайет Конья) со стороны холма, где находятся могилы Юнуса и его учителя, иногда якобы слышится пушечный выстрел, что связывается с посмертными чудесами Юнуса.

Предание о макаме в Кечиборлу гласит, что на северо-востоке района похоронен святой, известный в народе под именем Шейх Шикем («Шейх чрева»). Такое прозвище святого связано, как уверяют, с целебными свойствами земли на могиле шейха, будто бы излечи-

вающей желудочные заболевания. Это, по сути безымянное, захоронение одним из турецких исследователей также было названо макамом Юнуса Эмре.

Приведенные легенды о макамах поэта почерпнуты нами из исследования Халима Баки Кунтера, специально посвященного изучению преданий относительно места захоронения Юнуса Эмре. Отметим, что Х. Б. Кунтер, отдавший около тридцати лет исследованию макамов Юнуса Эмре, все же считает наиболее вероятным местом захоронения великого поэта гробницу в Сарыкёе, неподалеку от слияния рек Порсук и Сакарья. В подтверждение сарыкёйской версии, фактически уже ставшей общепризнанной, Х. Б. Кунтер приводит ряд новых документов, в частности полученных им от последнего хранителя гробницы и обители Юнуса Эмре в Сарыкёе Мустафы Кямиля Якана, в которых зафиксирована принадлежность в прошлом вакуфа в Сарыкёе шейху по имени Юнус Эмре. Частичное представление о судьбе этих вакуфных земель, временами приходивших в запустение, а затем снова оживавших, дают документы XVII—XIX вв. [28, 43].

Резюмируя сказанное об изучении жизни и творчества Юнуса Эмре, хочется еще раз подчеркнуть, что значительные препятствия, возникающие здесь на пути исследователя, коренятся как в отсутствии более или менее достоверных сведений о поэте, так и в их противоречивости. Если официальная литература, стоявшая на службе феодальных, ортодоксально-клерикальных кругов, игнорировала Юнуса Эмре как «безбожника», еретика, то безымянные создатели легенд о дервише Юнусе, донесшие до нас благодарную народную память о поэте-страдальце, печальнике людского горя, следуя традициям агиографического жанра, сводили его образ к некой абстрактной условной схеме, как бы растворенной во времени и пространстве.

Отмеченные трудности уведили эмреведов от основных проблем творчества поэта. Внимание исследователей часто занимали (и занимают) не имеющие принципиального значения вопросы легендарной биографии Юнуса Эмре (уточнение срока дервишества, места захоронения и т. д.), причем освещались они без учета особенностей средневековой литературы с ее синкретизмом, в частности, образа поэта-пророка (святого), обусло-

вившим специфику легендарного материала и характерные черты агиографического жанра.

В Турции осуществлены мероприятия с целью увековечить память великого поэта. В декабре 1948 г. в Анкаре было создано Общество Юнуса Эмре, в число устроителей которого вошли литературовед Х. Б. Кунтер, известный композитор, автор оратории о поэте Аднан Сайгун, тогдашний вали (губернатор) Эскишехира Даниш Юрдакуль, инспектор министерства народного образования (он же составитель дивана Юнуса Эмре) Бурхан Топрак и др. Сфера деятельности Общества включала вопросы публикации стихов Юнуса Эмре, поощрения авторов научных работ о поэте в Турции и за рубежом, а также завершения строительства памятника на могиле поэта в Сарыкёе и пр. В 1957 г. на смену Анкарскому обществу, деятельность которого перестала быть достаточно эффективной, пришло Эскишехирское общество памяти Юнуса Эмре (впоследствии — Общество Юнуса Эмре в Эскишехире). В 1965 г. было создано Эскишехирское общество информации и туризма. Располагающее поддержкой местных властей, Общество одной из своих важнейших задач считает благоустройство района, где находится могила Юнуса Эмре, и окончательную отделку поставленного там памятника. Заметна издательская деятельность Общества: оно выпустило диван поэта, снабдив его предисловием и примечаниями А. Гёльпынарлы, названную выше работу Х. Б. Кунтера, а также несколько брошюр о поэте [28, 31—39].

В сентябре 1971 г. по решению ЮНЕСКО отмечалось 650-летие со времени смерти Юнуса Эмре. В Стамбуле состоялся трехдневный международный семинар, посвященный жизни и творчеству поэта. Отраднo, что на этом семинаре, хотя и ставшем ареной жарких споров на традиционную тему о месте рождения и захоронения поэта, все же прозвучали отрезвляющие слова о необходимости отдать приоритет изучению творчества поэта. С таким призывом к участникам семинара обратился фольклорист Сади Явер Атаман, подчеркнувший несущественность дискуссий относительно частных моментов биографии Юнуса. Турецкий ученый высказался за тщательное изучение особенностей человеческой личности и произведений поэта. Выступление Атамана, по

существо, было поддержано известным эмреведом Незихе Араз, которая также поставила под сомнение правомерность схоластических споров, ведущихся учеными Турции вокруг легендарной биографии Юнуса Эмре, и заявила, что великий поэт «принадлежит всем нам», не только истории, но и современности (газ. «Son havadis», 6.IX.71).

Творчество Юнуса Эмре живет в памяти потомков и ждет новых исследований.

ФИЛОСОФСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПОЭЗИИ ЮНУСА ЭМРЕ

При рассмотрении мировоззренческой основы поэзии Юнуса Эмре прежде всего следует исходить из особенностей средневековой идеологии, пережиточно сохранявшей синкретический характер. Общественное сознание выступало еще в нерасчленённом единстве, необособленности абстрактного и образного мышления. Весь комплекс средневековой идеологии и культуры определяла религия — «мировоззрение средних веков было по преимуществу теологическим» [2, 495]. В религиозную одежду облекалась и общественная борьба.

Одной из форм религиозной оппозиции был мистический пантеизм, представлявший на мусульманском Востоке наиболее распространенную разновидность суфизма. Идеи пантеистического суфизма в трактовке Ибн аль-Араби (1165—1240) были восприняты Юнусом Эмре. Ибн аль-Араби учил, что истинным бытием всех вещей является бог, кроме которого ничто реально не существует. Все вещи находятся в субстанциональном единстве, следовательно, любая часть мира адекватна всему миру. Истинно реально лишь единство мировой божественной субстанции, в то время как внешнее бытие иллюзорно, призрачно; люди полагают его реальным, но это лишь их грезы. Таким образом, все в мире — эманация божественного первоисточника [65, 336].

В силу средневекового восприятия мира в неразрывном рациональном и образно-поэтическом единстве эта система миростроения представлена рядом картин-истолкований, призванных пояснить «единую сущность многообразного» («вахдат-и вуджут»). Согласно одной

из них, предложенной суфием Фахреддином Ираки в подтверждение «единой сущности многообразного», атомы воды, которые улетучиваются из моря, есть пар. Собираясь в небе, он становится тучей. Когда туча низвергается в виде капель вниз,— это дождь. Поток превращается в речки, речки — в реки, они текут и, изливаясь, вновь становятся морем. Все это, резюмирует Ираки, различные виды воды, суть всего этого — вода. Точно так же все вещи во вселенной — разнообразные проявления бога. Суть каждой из них одна и та же и является богом [25, 81—82]. Мир выступает эманацией божества, это «тень бога», «зеркало, отражающее лик бога», «волна божественного моря — вселенной».

В соответствии с концепцией «вахдат-и вуджут» Юнус Эмре полагает, что весь мир, вся вселенная и все существующее в ней — небо, земля и т. д. — это бог и не что иное, как бог, что, кроме бога, нет ничего и нигде нельзя отыскать такого предмета или явления, которые хотя бы на один атом состояли из какой-нибудь иной, а не божественной субстанции.

Тот бог непременно собой заполняет и этот и тот мир,
и небо, и землю [7, 85];

Мои глаза не видят вещи, которая хотя бы мельчайшим
атомом своим не была богом [7, 50];

Сердце мое забравший заполнил собой весь мир.
Куда бы я ни посмотрел, я не увижу места, где бы
не было Его (бога.— В. К.) [7, 85].

Не смог я найти места, где бы не был Он [7, 85]¹.

Мистический взгляд на вселенную как эманацию божества, его инобытие уживается в учении суфиев со стихийно-материалистическими представлениями о ре-

¹ Шейх Бедреддин Симави (1360—1419), руководитель одного из мощных крестьянских восстаний в Турции, в своем трактате «*Va-rîdat*» учит: «Это Он (бог.— В. К.) говорит лично сам: „Ничто не существует, кроме меня“. И основная цель — это Он. Слова святых, произносящих: „О цель!“ и „О сущий!“, подтверждают это. Бог входит во все вещи. Хотя бы некоторые из них и противоречили друг другу. Совокупность вещей заключена в понятии „бытие“. Каждая вещь является проявлением этого единого „бытия“... Оказывается, весь мир состоит из „божьего обличья“» [10, 143—145].

альной подоснове мира, присущими древним грекам и воспринятыми средневековой рациональной философией. Согласно этим представлениям, видимый материальный мир создан из четырех первоэлементов: огня, воды, земли и воздуха (ветра). Эти первоэлементы лежат в основе неорганической природы, растительного и животного мира, а также человека.

Из четырех элементов разных я появился, знай,
вот доказательство,
Огонь и воду, землю и ветер положил я, бог, в основу
[мира] [7, 88].

Четыре элемента суть первооснова мира и одновременно формы инобытия бога. Юнус Эмре называет восемнадцать основных форм этого инобытия: Абсолютный разум (Акл-и кюль), Абсолютный дух (Нефс-и кюль), девять небес, четыре элемента, три вида природы: неживая, растительная и животная². Человек — высшее творение бога — имеет, таким образом, изначальную общность с миром-богом. «Четыре матери, девять отцов у меня», — говорит Юнус Эмре, подразумевая четыре первоэлемента и девять небесных сфер [23, 90]. Или еще яснее: «Вот этого тела строение — огонь и ветер, земля и вода» [8, 391]³.

Опираясь на основные положения космогонии Аристотеля, впоследствии разработанной Птолемеем, Юнус Эмре считает Землю центром шарообразного мира, вокруг которой вращаются особые сферы и небо с укрепленными на нем семью планетами — Луной, Марсом, Венерой, Солнцем, Меркурием, Юпитером и Сатурном, а также созвездиями Зодиака. Поэтическая картина сотворения мира ярко представлена в одном из иляхи Юнуса:

До того, как были созданы Земля и Небо, бог сотворил
драгоценность, бросил взгляд на эту драгоценность —
она необъятна, и начал ее вращать,

² См. об этом подробнее в главе, посвященной поэме «Рисалят аль-нусхия».

³ Отметим здесь, что в своих стихийно-материалистических взглядах, в частности, на происхождение человека Юнус Эмре, как видно, последовательнее Дж. Руми, провозглашавшего в «Месневи»: «Человек божий — не из ветра и праха, Человек божий — не из огня и воды...» (см. [52, 224]).

Из драгоценности вышел дым — из того дыма небо сотворил,
в украшение небу — много звезд создал.
Небо, Луну и Солнце привел он в движение, воду держа
подвешенной, Землю на ней сотворил.
Мир вращался, не останавливаясь, ни на миг не приходи
в состояние покоя.
Высочайшие горы бог к нему приколотил... [8, 242].

В философской концепции мироздания Юнуса Эмре реальный, чувственно воспринимаемый мир и ирреальный, сверхчувственный взаимопроникают друг в друга. В то время как многие суфии-мистики погружались в себя, отвращая взор от внешней красоты мира и объявляя внешний конкретно-чувственный мир «лживым», «бренным», «ничтожным», «иллюзорным», Юнус Эмре в своих стихах любит многообразие и многоцветие проявляющегося в природе «божьего лика» («Божественные проявления бывают в самых разных красках») [7, 71].

Воспевая бога, растворенного в природе, Юнус Эмре славит самую природу, которая предстает в воображении поэта молодой невестой в зеленых и красных одеждах [7, 26].

И хотя у Юнуса Эмре можно встретить традиционные суфийские определения земного мира как «преходящего», «обманчивого», «неподлинного» и призывы не обольщаться «миражем земного бытия», мы находим в его стихах любовное чарующее красотою земли и прославление ее милостивых даров [7, 72]⁴.

Двойственность мира как инобытия бога и одновременно как главного препятствия на пути достижения все того же бога снимается, согласно представлениям Юнуса Эмре, в момент обретения истины. «Раскрытие завесы», скрывающей божественный лик, составляет смысл человеческого бытия.

Главное средство, инструмент познания истины-бога — это любовь. Человек, взыскующий истины, поэтически осмысливаемый как влекомый любовью странник — ашик, в момент слияния с богом приходит к высшей стадии — хакикату, т. е. к постижению истины. Высшая ступень достигается в процессе преодоления

⁴ У современного турецкого народного поэта Вейсея земля — это то, чем «глаза его не успели насытиться», это «самая верная возлюбленная» [64, 282].

предшествующих этапов: шариата (обшемусульманский религиозный закон), тариката (чисто суфийский «путь») и марифата (познание Аллаха)^{5.1} С каждым этапом этот единственный и обязательный для ашиков путь постижения истины становится все труднее и сложнее:

Шариат, тарикат — это путь для отправляющегося
[на поиски Истины],
Хакикат, марифат — глубины его (пути.— В. К.) [8, 194].

Образно сравнивая изначальный этап на этом пути — шариат с кораблем, Юнус Эмре говорит о том, что вступление на борт корабля (овладение шариатом) отнюдь не означает выход на просторы хакиката [8, 168]. Этот конечный, высший этап, включающий в себя все предыдущие, величествен и необъятен, как море. Напор волн истины, утверждает Юнус Эмре, не выдерживают доски корабля шариата, несмотря на их видимую прочность [8, 165].

Ясно, что ашик не может миновать шариата — этапа обязательного, требующего от любого мусульманина освоения исламской теологии, ее законов, соблюдения определенных норм поведения и т. д. Но цель суфия выше и значительнее сведений, почерпнутых из книг. Чтобы подчеркнуть эту мысль, Юнус Эмре идет на сознательную клевету на самого себя, неоднократно объявляя себя неграмотным, даже не знающим алфавита:

Несчастный Юнус, ну что ему знать — ведь он ни черного, ни белого не читал (т. е. не знает грамоты.— В. К.) [8, 27].
Я ни алифа не изучил, ни джима,
Мои слова — в его бытии [8, 27].

Подобным заявлением Ю. Эмре, человек весьма образованный (о чем свидетельствует его творчество), стремится показать, что в отличие от «книжника» или «слепого ортодокса» он не превращает науку в знание, а неукоснительное исполнение религиозных ритуалов — в самоцель.

Догмам «сынов шариата», их толстым фолиантам «ученых трудов» Юнус противопоставляет науку в сво-

⁵ Е. Э. Бертельс указывает, что на всем протяжении истории суфизма преобладают три этапа мистического самоусовершенствования [35, 36], те же, что и у Юнуса Эмре, но без марифата, который, судя по всему, инкорпорируется другими суфиями в хакикат.

ем понимании. Божественные книги, свидетельствует поэт, с успехом заменяются единственным «алифом», той первой в арабском алфавите буквой, которая в суфийской терминологии означает изначальное проявление «единства бытия». И подобно тому как в одной букве заключен весь алфавит, в сердце одного человека заключены все сердца, растворен бог. А потому, утверждает Юнус, «войти в одно сердце лучше, чем совершить тысячу хаджжей» [7, 100].

Ортодоксальное богословие превращает все живое в мертвую догму. Следование такой «науке» с ее культом обрядности Юнус Эмре пренебрежительно характеризует как «бесплодный труд» [7, 100]⁶.

К истинному знанию не приведет и изучение бесчисленных томов богословских «комментариев»:

Ты досконально изучил Коран, сколько послушания проявляешь,
Все потому, что к цели не пришел. Что ж, давай читай себе сто лет
О ты [факих], читающий много книг, ты ли упрекнешь меня
В твоём чтении нет особой надобности, поскольку
божественная тайна ясна и без этого [8, 269].

Поэт недвусмысленно выделяет два враждебных друг другу полюса: истину и заблуждение. На одном стоит факир (странник любви), озаряемый божественным светом, на другом — факих, погрязший в грехах:

Ты — факих, а я — факир, я с тобой совсем незнаком.
Ты изучил науку, а цели у тебя нет, ты погряз в грехах [8, 270].

Если истинное знание, по мысли Юнуса, заключается в проникновении в самую суть человеческой души, а через нее — в бога, то одним из главных инструментов в приобретении истинного знания является слово. Знать

⁶ Ср. у Б. Симави в его «Varidat»: «Цель совершения молитвы — направить сердца и охватить их вечным и великим бытием. Если же ты в течение года совершал намаз и соблюдал пост, но при этом сердце твое было погружено в мирские дела, ты не узнаешь никакой истины и не получишь вознаграждения» [10, 143—145].

⁷ Ср. Б. Симави, вопрошающего: «А ты, с этим обманутым сердцем, полагаешь, что знаешь Аллаха или что понял истину путем чтения книг? Будь уверен, что, покуда ты будешь это исповедовать и утверждать, ты будешь в той же степени удаляться от постижения истины» [10, 143—145].

суть слов — это понимать, что все они — «божий призыв», повеление бога, указавшего путь слова к душе. Божественное бытие и слово в принципе — единая субстанция, а потому словесный дар обретается не грамотностью, не умением писать и читать. Именно оттого, что слово — эманация божества, дар слова получает особое, магическое значение. Слово может вызвать как заботу, так и радость, сделать друга чужим, обречь человека на презрение и возвысить его к почету [8, 270].

Совершенно очевидно, что Юнус Эмре решает философские проблемы бытия в тесной взаимосвязи с вопросами этическими. Эта синкретичность философских и моральных категорий у суфия закономерна: обретение истины, слияние с богом — высшая стадия, основная цель — требует самоусовершенствования ашика, вставшего на путь постижения. Лишь человек, одолевший все искусы и соблазны и прошедший долгую и суровую школу самоусовершенствования, сливается с богом.

Путь в «город Друга», к «сути истины» характеризуется нарастанием сложностей, встающих перед странником — саликом, «опоясанным поясом любви». Используя характерные для средневековой литературы приемы аллегории, символики чисел («сакральной арифметики»), Юнус Эмре говорит, что ашику встретятся здесь и триста морей, которые надо переплыть, и семь адов, где надо сгореть в огне, и, наконец, семь дверей, через которые надо пройти. (Эти двери — семь макамов — стоянок на пути ищущего, каждая из которых представляет собой «известное психическое состояние, свойственное данному этапу» [35, 36—38].) У первых дверей стоит человек, призывающий путника проявить покорность и обратиться в нищего, у вторых дверей — два льва, пугающих своим грозным видом и как бы предупреждающих о грозящих испытаниях и о необходимости преодолеть страх. Третья и четвертая двери — стоянки приобщения к таинству, их охраняют мудрые старцы. Пятая дверь как бы предостерегает от возможного увлечения неистинной, «гяурской» верой. Возле нее находятся пять монахов, продающих товар (свою веру), который не следует покупать. Шестые двери — сигнал к избавлению от плотских вожделений. Надо отринуть призывы гурий войти в дверь плотских желаний, иначе

собраться с избранного пути. И, наконец, седьмая дверь. Возле нее сидят семеро возглашающих, что путник избавился от всех соблазнов, преодолел мешавшие ему препоны и теперь может увидеть божественный лик [8, 283—284]⁸.

Здесь происходит качественная трансформация субъекта, взыскующего истины. «Мы были сухими — зелеными стали, ногами были — головою стали, окрылились — птицами стали, улетели... разрозненными ключами были, объединились, рекою стали, потекли, влились в море, разлились... незрелыми были — созрели» [7, 82—83] — так комментирует поэт свой и других ашиков многолетний, опасный, изнуряющий путь к «свиданию с возлюбленной» — обретению истины, бога. Духовное и нравственное возмужание ашика, очищение его от мирской скверны уподобляются поэтом превращению ашика в благородные металлы, которые стойки к разрушительному воздействию извне.

Странник, облагороженный своим неустанным подвижничеством, постигает «смысл сокровенного» — еще при жизни обретает для себя рай в собственной душе, в чистоте помыслов своего сердца. Именно поэтому для ашика Юнуса абсолютно неприемлемы цепи условностей, созданных исламской ортодоксией: исполняющий обряды, повинующийся, верующий приуготован для рая, а тот, кто отринул религию, — для ада. «Тот, кто любит Друга, — утверждает Юнус, — у кого Друг стал делом и силой, свободен от забот о рае и аде» [7, 93]. Рай и ад, как и все остальное, обретаются в единстве бытия, в единении с богом [7, 91]⁹. Только в божест-

⁸ В другом иляхи поэт вновь обращается к этим семи макамам, называя их «вещими знаками». Первый из них символизирует искоренение недостатков, могущих помешать «отправившемуся в этот трудный путь», второй — преодоление зова плоти, третий — отказ от всех других вожделений и сильных желаний, четвертый — очищение от скверны мира. Три оставшихся макама в силу их сокровенности, «изнутреннего смысла» Юнус отказывается определить публично, общая сделать это для тех, кто стремится к уединению [8, 397].

⁹ Ср. со взглядами на рай, ад и другие «загробные дела» шейха Бедреддина Симави: «О человек, стремящийся познать бога и истину! Знай, что то, что творится на том свете, выглядит вовсе не так, как это представляют себе невежды. Загробные дела относятся к миру духов. Считать их такими, как их видят и представляют себе непосвященные, совершенно ошибочно. Истинно то, что говорят по этому поводу пророки. Они никогда не говорят неправды. Однако

венной любви находит Юнус Эмре для себя рай и вечное отдохновение. Другого рая для него не существует. В потусторонней жизни, если она не в слиянии с богом, нет ничего. Это — беспросветный смертный мрак, где нет ни рая и ни ада:

Твой приход — это не приход и твой уход — это не уход,
Твоя последняя стоянка — это смерть, если ты не услышал весть
о любви [7, 31].

Рассуждения о семи адах столь ничтожны, что не стоят даже одного вздоха суфия [7, 32]. Столь же ничтожными представляются поэту красавицы-гурии из восьми раев [7, 55].

Если возжелать восемь раев, если придут семьдесят тысяч гурий, Это не обманет душу мою — здесь я как обманусь? [7, 34].

Вывод Юнуса Эмре суров и категоричен: рай — это не что иное, как ловушка для душ правоверных, в которую они попадают в надежде на лучшую жизнь в загробном мире. У ашика, говорит поэт, «нет веры в рай и нет страха перед адом» («Uçmaktañ umusu yok, tamudan korkusu yok» [7, 77]). С явным скепсисом, даже с издевкой рассуждает поэт об утверждениях ислама, что в рай ведет мост Сырат, что местоположение человека в загробном мире определяется его поступками, взвешиваемыми на весах. Ведь, по мысли Юнуса Эмре, этот мост возводится «рабами божьими» — людьми, это их изобретение. Переход по нему можно совершить с одной-единственной целью — выявить истину, а вовсе не для того, чтобы оказаться в куцах рая. Точно также бессмысленно взвешивать грехи людей, определяя предназначение человека для геенны огненной или райских куш, если пороки, будучи известными, остаются ненаказуемыми при жизни.

Да разве может пройти человек по мосту толщиной с волос?
Он или упадет, или удержится, или вознесется.
Мост рабы делают во имя блага,

наука постигает их (загробные дела.— В. К.) и истину. Нисколько не сомневайся, что те вещи, о которых пишется в священных книгах или рассказывается: дворцы, реки, рай, гурии, мучения, ад и прочее,— имеют другой, отличный от общезвестного, смысл. И этот смысл ясен лишь тем, кто постиг истину (разрядка наша.— В. К.)» [10, 143—145].

Это благо таково, что переходят с целью увидеть [Его лик].
Самое истинное основание его (моста.— В. К.) прочным станет,
Те перешедшие идут той праведной дорогой [8, 354—355].

Постигнув истину, Юнус Эмре не может, вернее, не намерен принять ту несправедливость, которую ортодоксальная религия ханжески оправдывает, прикрываясь именем бога. И поэт бросает упрек самому богу, всевидящему и всеильному, который безучастно взирает на царящие в мире нищету и бесправие, и справедливости вопреки обрушивает свою кару не на тех, кто «над златом чахнет», а на униженных бедностью и горем.

Ты весы налаживаешь, чтоб взвешивать пороки,
Ты определяешь, бросить ли меня в огонь.
Ты его (этого грешника.— В. К.) милостью своей прикрываешь,
А после этого какой смысл Тебе вскрывать пороки
и их взвешивать?

Юнус решительно отвергает ортодоксальную концепцию божественной справедливости, показывая ее противоречивость, не оставляя камня на камне от рассуждений фарисействующих улемов о боге как о всевидце, как о справедливом судье над всеми людьми.

Ты (бог.— В. К.) — всевидящ и хорошо знаешь мое положение,
К чему же тогда взвешивать мои поступки? [8, 354—355]
Я еще не пришел, а Ты ограничил мои права,
Я еще не родился, а Ты меня назвал мятежным Адамом.
Ты извечно меня числишь мятежником,
Криками [об этом] наполняешь мир [8, 354—355].

Эта божественная несправедливость столь сильна, что она не оставляет Юнуса Эмре в покое даже тогда, когда, достигнув состояния хакиката, он становится богом сам:

Я такой милостивый и милосердный господь, у которого
один не имеет ни гроша,
Тогда как другого своего раба я одариваю и лошадьми,
и женщинами, и драгоценностями, и поместьями [7, 88].

Не бог, но человек должен отвечать за угнетение себе подобных. Однако «завесу», скрывающую причины несправедливости социального мироустройства, Юнус Эмре даже в момент озарения не в состоянии приоткрыть и потому ограничивается пассивным протестом.

Хотя поэт и не идет в обличении миропорядка дальше бессильного протеста, тем не менее он не ищет для себя утешения в небесных высях, там, куда ортодоксальная религия призывает верующих обратить свои взоры.

Юнус Эмре утверждает, что земля — то место, где человек обретает свое счастье, именно здесь, а не где-то на небесах получает он свое благословение:

Я свой месяц увидел на земле — чего мне искать на небе?
Нужно мое лицо на земле, милость ко мне нисходит с земли [7, 72].

Здесь уместно привести высказывание Ф. Энгельса, писавшего: «Рай не является чем-то потусторонним, его нужно искать в этой жизни, и призвание верующих состоит в том, чтобы установить этот рай, т. е. царство божье, здесь на земле» [1, 370].

О таком «царстве божьем», где «каждый полагает себя равным другому», по всей видимости, и мечтал поэт, ставивший под сомнение святая святых основных религий — их священные книги:

Sen sana ne sanırsan ayrığa da onu san
Dört kitabın ma'nisi budur eğer var ise [8, 398].

Кем бы ты ни считал себя, другого [не ниже] полагай,
Таков смысл четырех священных книг, если есть он.

Утверждая высокогуманный принцип абсолютного равенства всех людей, поэт осуждает попытки религиозных мракобесов утвердить приоритет той или иной веры, выдать ее за «самую истинную»:

Hâs ü âm, muîf, âsi, dost kuludur cumlesi [7, 91].

Знатные и простые, правоверные и еретики — все они рабы Друга.

Люди, учит Юнус Эмре, равны и свободны независимо от своих убеждений, веры и цвета кожи. Нельзя чернить чужую веру, объявлять одних правоверными мусульманами, а других — безбожниками, неверными, «гяурами»:

Kimse dinine biz hilâfe demeyiz [7, 96].

Ничью веру мы не называем ложной;

Naktan gayri kimse bilmez kâfir kim müslümân kimdir [7, 96].
Никто, кроме бога, не знает, кто неверный, а кто мусульманин¹⁰.

И поэт не видит ничего удивительного или противостественного в том, что один из святых ислама целует крест и ударяет в колокол¹¹.

Подобные идеи равенства, братства и веротерпимости проистекают из взгляда суфиев на мир как на эманацию божества. Все в мире озарено любовью бога, будучи многообразным проявлением его «инобытия». Нельзя не любить то, что озарено истинной любовью, нельзя не быть расположенным к тому, что является «божественной субстанцией»:

Надо любить то, что любит возлюбленная [7, 90];
Если ты истинный ашик — другу Друга будь другом
(т. е. подружись, живи в мире со всеми бесчисленными
проявлениями истинной сути.— В. К.),
Если же ты не таков — «мой Друг» не говори [7, 90].

¹⁰ Ср. у Дж. Руми:

Есть равнина в стороне от ислама и неверия.
У нас в том просторном месте находится любовь.
Святой, придя туда, преклони голову: там нет
Места ни для ислама, ни для неверия [5, 151].

Или:

Для хаджжа ищу попутчика. Пусть он будет индеец, турок или араб. Не смотри на его облик и цвет кожи, смотри на его цель и стремления. Даже если он чернокож, но стремится к одной с тобой цели, называй его белым (т. е. равным себе.— В. К.) [5, 66].

Или:

Как часто бывает, что два турка чужды друг другу,
Как часто бывает, что турок и индеец единодушны, —
Значит, дело не в общем языке:
Единодушие дороже единополья (цит. по [39, 205]).

Веротерпимость Юнуса Эмре небезынтересно сопоставить и со взглядами, высказанными Афанасием Никитиным в его «Хождении за три моря», которые противоречат официальной религиозной догме и являются рационалистическими в своей основе. «Прежде всего это идея о равноправии языков и вер, и совсем не случайно так часто употреблял Никитин нерусские слова, мешая их из разных языков, и имя бога он писал на разных языках, — справедливо отмечает А. М. Сахаров. — Ведь согласно религиозной идеологии только одна вера — православное христианство — „истинна“, исповедующие другие веры — это „поганные“, „иноверцы“» [63, 77].

¹¹ Юнусу Эмре словно бы вторил современный народный поэт Турции ашик Вейсель: «Позор разделять людей по верам и расам» [64, 282].

Нерасчлененность космических и социальных категорий средневековой «модели мира», их взаимопроникновение и взаимозаменяемость оправдывает, на наш взгляд, комплексное рассмотрение вопросов, связанных с философскими и этическими проблемами, поставленными в поэзии Юнуса Эмре. Попытаемся реконструировать кодекс поведения человека и нравственных норм, которым руководствовался Юнус Эмре. Он неустанно утверждает среди людей любовь и правду, мужество и непреклонность, стойкость и терпение, искренность и скромность, душевную щедрость и аскетизм. Столь же последователен поэт и в призывах преодолеть себя, т. е. изжить корыстолюбие и жадность, лживость и двуличие, себялюбие и надменность, относимые им к составным элементам низменного «плотского начала».

Подлинное душевное богатство, которым безмерно дорожит ашик,— это его любовь к Другу, возлюбленной, т. е. к богу. Ведь любовь, как мы помним, главный инструмент самоусовершенствования человека на его пути к Истине.

Говорят, будто дорого обходится моя любовь к Тебе,
Но если отдам [за нее] богатства двух миров, и этого будет мало
[8, 103].

Любовь поэта следует трактовать в самом широком смысле, памятуя о том, что мир, в его представлении, есть эманация божества, т. е. все на свете — это бог, его неисчислимые проявления. Следовательно, любя окружающий мир и человека в нем, приходишь к истинной любви. В этом заключается гуманистический смысл любви, которую проповедует Юнус Эмре. Иными словами, любовь к богу и к человеку столь же цельное, нерасторжимое чувство, как неразрывны человек и бог. Поэтому каждое слово о любви, произнесенное Юнусом Эмре, следует рассматривать как выражение любви к людям. Поэт убежден, что в сердцах тех, кто осчастливлен, осенен любовью, не остается ничего ущербного, несовершенного. Любовь несет в себе избавление души и характера от всех изъянов.

В таком ключе и трактует современный турецкий критик Сабахаттин Эйюбоглу Юнусов афоризм: «Aşk gelicek cümle eksikler biter» — «Придет любовь — и сгину́т все недостатки». «Будучи турком,— пишет он,— я

радуюсь, что такие слова сказаны на языке, на котором говорю я... Придет любовь — какие только неприступные горы не будут одолены, какие только пророчества зловещих надписей не станут светлыми, какие только запутанные узлы не будут распутаны, какие только несчастные земли не обратятся в райские уголки.

Не придет любовь — не будет ни знания, ни искусства. Не придет любовь — и не будет надежды на доброту и честность сына человеческого. Не придет любовь — и мы с трудом спасемся от сухого начетничества, темноты, страха и подозрений, с трудом вызовем улыбку на лице бедноты, с трудом избавим наш народ от вшей и блох» [19, 123].

Благороднейшее чувство любви, по мысли Юнуса, существует только потому, что основано на самой глубокой взаимной приязни всех без исключения людей. Человек не навсегда остается в этом мире, и его жизнь наполнится смыслом, если он узнает любовь и станет не только ее носителем, но и объектом этого чувства. Юнус Эмре прекрасно выражает эту гуманнейшую мысль в афоризме, который высечен на надгробном памятнике поэта близ Сарыкёя: «Sevelim sevilelim» — «Давайте любить — будем любимы».

Любовь к людям Юнус хранит в своем сердце как величайшую ценность, как зеницу ока:

О Юнус, теперь ты проводишь дни, озаренный своей любовью, Человек, которого ты любишь, стал душою твоей души [7, 29]¹².

По словам Юнуса, обрести Друга помогает правда, когда она слита с любовью. Ведь путь к Другу невероятно труден, проходит через тончайший, как волос, мост Сырат. Правда — это такая ценность, которая и на этом и на том свете непреходяща, а поэтому Аллах и любит всех тех, в ком есть правда. Наконец, правда — это такая черта характера, которая позволяет справиться с плотским началом, мешающим человеку отринуть суетное, преходящее ради обретения единственно истинного и верного:

¹² Ср. у Дж. Руми: «Если хочешь быть на высоте, будь другом всех людей. Не питай в своем сердце ненависти к кому бы то ни было. Говоря о своем друге, ты ведь чувствуешь удовольствие, это (чувство.— В. К.) прекрасно, как рай. Когда ж ты говоришь о своем враге, твое сердце пронзают шипы и обвивают змеи» [32, 8].

Катапульта правды камнем отпущения грехов попала
В цель — плоть была уничтожена, рассыпалась в прах [8, 406].

Юнус говорит, что лжецу, покусившемуся на любовь, не миновать кары в загробном мире:

Не прибегай ко лжи, не клевети на любовь,
Тот, кто лжет здесь, окажется в темнице на том свете [8, 129].

Юнус твердо знает, что лжец теряется в пути:

Однажды искомое обрящет тот, кто с Истиной пришел [8, 108].

Поэт убежден, что тот, кто «солжет сегодня, устыдится завтра» [8, 165]. Правда для Юнуса — это то, что можно отыскать в «божественной стране», это то, что призвано охранять «врата Друга» [8, 165].

Высоко ценит Юнус веру. Он считает ее даром только избранных, посвященных. Вера принадлежит к числу главных достоинств блаженных [8, 295]. Она позволяет оптимистически смотреть в будущее, призвана спасти человека:

Нет у меня ни знаний, ни послушания, ни силы и ни мощи,
Разве только вера в тебя просветлит мое лицо, господь [8, 310].

Вера у ашика находится в самом тесном соседстве с надеждой, они взаимодополняют друг друга. Юнус говорит о том, что все ашики преисполнены надеждой когда-нибудь стать жертвой на алтаре Друга [8, 301], выражая таким образом свое стремление к слиянию с ним («фана»).

Взыскующий истины не должен впадать в сомнения и испытывать страх. На подвижническом пути нет места робким индивидам, отступающим при одной мысли о тяготах предстоящего. Принять вызов и смело выйти на ристалище любви — удел поистине смелых людей. «Каждый, кто мужествен, пусть выйдет на арену» [8, 321].

Лишь укрепившийся морально встречает грудью грозящие опасности: «Мужественный выдерживает, а трус убегает», — гласит народная мудрость.

К числу моральных достоинств Юнус относит также терпение и убежденность, которые, по его мнению, «приносят добро» [8, 396]. Убежденность в правильности сделанного выбора в сочетании с терпением даст ашику

возможность много вынести и обрести выстраданное [8, 303].

«Вместилищем» всего доброго и хорошего в человеке Юнус Эмре называет сердце. Сердце — выше, чем Кааба, поскольку именно в нем разместились «стоянка Друга» [8, 324]. Сердце, в его представлении, — это вечная материя, «полюс» которой надо коснуться, — тогда обессмертишься и сам. Проповедуемый Юнусом «культ сердца» заставляет его бороться за сердечную чистоту, за то, чтобы не разъели сердце алчность, ненависть и гордыня — презренные пороки, заслуживающие самого сурового наказания — предания адскому огню, ибо они не совместимы с представлением об ашике, с представлением о человеке [8, 271].

Вера просветляет лицо и устремления, позволяет радостно смотреть в будущее. У тех, чьи помыслы направлены только на удовлетворение плотских желаний, с лица не сходит чернота. Юнус предостерегает, что на пути праведников множество таких обманщиков веры [8, 406]. Плотские вожделения и пороки — злейшие враги на пути к истине, потому-то с ними следует беспощадно бороться.

Если постигнешь Истину, то поймешь: твоя плоть — большой враг тебе,

Теперь отправься, сражайся с той плотью, бойся — и шагай.

Плоть блаженный в пути оставляет, теряется в пути тот, кто плоти подчиняется,

Что за дело есть у тебя с кем-нибудь? Порница плоть, освободись от нее — и шагай [8, 410].

В отрешенности от материального мира и земных богатств видит Юнус Эмре свободу. Он неустанно поучает, что истинный ашик — это тот, кто не обременяет себя земными богатствами, кто оставляет их без всякого внимания. Юнус предупреждает об опасности, грозящей тем, кто «чахнет над золотом» [8, 48].

Истинное богатство в щедрости, говорит он, ибо только щедрость может обратить человека к добру. Богатства же, подобные тем, которыми владел мифический богач Карун, никогда не принесут покоя их владельцу [8, 83], пока тот не расстанется с ними ради обретения бога [8, 86].

Говоря о том, что «мужа любви» не прельщают в

этом мире никакие мирские блага, Юнус продолжает перечень достоинств ашика:

Что значат в этом мире для мужа любви шелка и ковры?
Истинный муж — это тот, чье сердце не затронула ржавчина
гордыни [8, 318].

Гордыню поэт осуждает так же, как жадность и алчность, однако строго различая гордыню и чувство внутреннего достоинства. Тех, в ком есть достоинство мужа, рассуждает он, отыскиали в нищете, тогда как многих из тех, кто смотрит на все свысока, «столкнули с лестницы» [8, 398]. Люди, которых обуяла гордыня, идут ощупью, не углубляясь в суть вещей, и поэтому постоянно сбиваются с дороги.

С гордыней рядом находится и ненависть. Это злейшие враги человека. Они столь близки, что в поэтическом лексиконе закрепились в нерасторжимом фразеологическом сочетании «кибр у кин». Человек, ставший «пленником гордыни и ненависти», по существу, никчем и пуст, что выявит со всей очевидностью беспощадное время:

Стань же несчастным, [стань] несчастным — покинут тебя
гордыня и ненависть,
Время сменяется, проходит — кому и что останется потом?
[8, 278].

Не ограничиваясь классификацией добродетелей и пороков, поэт говорит, что основы добра и зла заключены в самом человеке:

Добронамеренный человек
Добро творит в силу своей природы¹³.
Злонамеренный человек
И доброе в себе посвящает злу [9, 78].

Юнус Эмре подчеркивает, что идущие от сердца деяния не остаются без ответа — они вознаграждаются ответными вниманием и чуткостью. Помощь несчастным, больным, сирым и убогим — священный человеческий долг:

¹³ К добродетели, считает итальянский гуманист Альберти (1404—1472), люди склонны по своей природе. Она такой же дар человеку, как и разум, и такая же сила в его жизненной борьбе (см. ст. Л. М. Брагиной «Человек и фортуна в этический концепции Л. Б. Альберти» [49, 335]).

Если пришел ты к больному и дал ему глоток воды,
Завтра он восстанет там, будто исполнил божьего вина [8, 53].

Анализируя в одном из иляхи обычную человеческую жизнь, Юнус Эмре показывает, к чему ведет бесцельная растрата сил или использование их во вред окружающим, и одновременно утверждает идеал доброго дела, который должен быть неизменным путеводителем человека. В чреве матери, повествует поэт, человек становится плотью и кровью. После появления на свет — люлька, пеленки и материнская грудь, робкие первые шаги по земле. Затем ребенок (это мальчик) «становится султаном», т. е. набирается ума, входит в пору возмужания. У него пробивается борода, а вместе с ней возникает влечение к красавицам, у которых он проводит дни и ночи. Оказавшись во власти плотских желаний, герой проявляет склонность к недобрым делам. В сорок пять лет у человека в бороде появляется первая седина, запоздалой оказывается попытка «отправиться в путь» (посвятить себя главному делу) — силы уже не те. За старческую немощь человека начинают оговаривать собственные дети, желающие как можно скорее от него избавиться. Он сам с собой ведет невеселый разговор о том, что, если умрет, дети его возблагодарят бога, положат его на покойнический стол, затем усадят на «деревянную лошадь» (т. е. положат в гроб) и отнесут на кладбище.

Поэт осознает, что и ему, так же как и всем другим, уготована кончина, и надеется оставить по себе добрую память. А для этого он стремится направить свои помыслы и дела ко всему светлому, благородному [8, 366—367]. Юнус Эмре подчеркивает огромную значимость добрых дел как для тех, кто совершает их, так и для тех, к кому они обращены:

Если ты пошел по праведному пути, если ты коснулся
попы блаженного,
Если ты сделал добро для кого-то — это очень много,
а не мало [8, 382].

Абстрактные этические принципы ашика Юнуса проходят испытание в окружающей поэта социальной среде. И душевный надлом, временами повергающий его в состояние абсолютной протрации и самобичевания, может быть истолкован как следствие очевидного разры-

ва между благими призывами к свершению добрых дел, с которыми выступает взыскующий истины, и вопиющим беззаконием и произволом, царящими в окружающем его мире.

С одной стороны, поэт как будто обретает истину, утверждая идеал равенства, благородства и величия всех людей:

Ты на кого-то смотришь свысока — а ведь его суть
Не считай, что он низок, считай, что высок, — именно возвышенна,
такова Истина [7, 105].

С другой стороны, душу Юнуса смертельно ранит мысль о том, что Человек, которого он любит, становится объектом жесточайшего гнета кучки богатеев, утративших стыд и совесть:

Растеряли беи свою доблесть, оседлали они коней,
Питаются они мясом бедняков и пьют их кровь [8, 369].

Поэт клеймит власть имущих за их глухоту к страданиям бедноты и развращенность:

Бей сбились с пути, не знают положения бедняков,
Они покинули озеро милосердия и погрузились в озеро
плоти [8, 368].

Пытаясь разобраться в истоках царящей в мире социальной несправедливости, Юнус Эмре идеалистически объясняет ее тем, что люди забыли веру, ввергли себя в пучину сиюминутных страстей и суетных дел. Ни один из тысячи, сетует поэт, не идет по пути, ведущему к господу. Он просит показать ему хоть одного человека, которого не завлек бы дьявол. Люди, населяющие мир, погрязли в бесконечных пустых делах, никчемные заботы занимают как мужчин, так и женщин [7, 30].

Столь же идеалистичны и абстрактны предлагаемые поэтом средства излечения пороков, в частности социальных. Его призывы к свершению добрых деяний и поступков не имеют конкретного содержания. Но это ни в коей мере не может умалить, пожалуй, основное достоинство Юнусовой поэзии, утверждающей Человека венцом мира. Главное в Человеке — постоянное, через

борьбу добра и зла преодоление и отыскание самого себя, познание собственного безграничного могущества.

Укажем в этой связи, что особенность средневекового миросозерцания [48, 12] реализуется, в частности, путем проекции макрокосма (мира вселенной) в микрокосм (мир индивида). Высшее творение бога, венец его созидательной деятельности — человек представляет собой зеркальное отражение мира с его четырехэлементной основой и зиждется на тех же «сакральных» числах, что и само мироздание. Антагонистические в своей основе четыре первоэлемента предопределяют всю ту борьбу добра и зла, нравственных принципов, которая будет неизменно вестись человеком, устремленным к постижению божественной сути как внутри себя, так и в социуме, в сфере его общения с другими людьми. В этой нравственной и социальной борьбе и выковывается идеал того «совершенного Человека», который соразмерен масштабам великой задачи, стоящей перед взыскующими истины.

Я шагнул по другую сторону семи, четырех и восемнадцати,
Девять оставил в пути, указу Шаха подчиняться буду [23, 409].

В этом стихотворении — комментарии к «тельвину» («окрашивание»), т. е. трансформации, метаморфозе в состоянии взыскующего истины, показывается все величие пройденного саликом пути: в неудержимом стремлении к богу он оставляет позади и семь планет, и четыре первоосновы, и девять небес и, наконец, все восемнадцать форм инобытия. Ни мир, ни собственное тело уже не властны над ашиком, попадающим в поле божественного притяжения.

Здесь и кончается многолетний путь — мучительный поиск — странника. Этот поиск был безрезультатным до тех пор, пока Юнус Эмре не проник в человеческую душу, хотя до того «перерыл» весь этот мир, землю и небо, небесный престол, видел скрижали и перо, которым пишется божественная книга судеб. Тем знаменательнее, что возлюбленная-бог отыскалась именно в человеке, а не вне его. Так Юнус Эмре совершает обожествление человека.

Çok cehdedip istedim, yeri göğü aradım,
Hiç mekânda bulmadım, buldum insan içinde [7, 85].

Желая [обрести Истину], я много усилий приложил, землю и небо
Нигде [бога] я не нашел, нашел в самом человеке. я обыскал,

Обожествление человека — это та крамола, за которую расплачивались жизнью. Вспомним, например, Мансура Халладжа, воскликнувшего: «Я есмь Истина», вспомним азербайджанского вольнодумца XIV в. Имадеддина Несими и многих других еретиков.

Бог и я, а следовательно, и любой человек, живущий на земле,— это одно и то же, это то, что нельзя разъединить, провозглашает еретик Юнус Эмре, бесстрашно ломающий рамки ортодоксальных представлений, держащих человека на недосягаемом расстоянии от божественного престола:

Yunus Hak tecellîsin senin yüzünde gördü
Çare yok ayrılma, çün senden göründü Hak [7, 53]

Юнус, ты божественное проявление. Он [это] увидал в твоём лице, Нет сил разделиться, коль скоро в тебе виден бог.

В поэте настолько укоренилась мысль о слитности бога и человека, что в его представлении и тот и другой оказываются одинаково древними:

Бог — древний и раб — древний, неразделимы ни на шаг. Взгляни: кто — раб и кто — бог, и пойми, о внимающий [7, 97].

Уподобивший человека богу Юнус Эмре показывает беспредельность человеческих возможностей. Человек-бог властвует над всеми мирами, создает все живое на земле, закладывает основы вселенной из четырех элементов, является началом и концом всего. Он беспредельно могуществен в пространстве и во времени [8, 195—198]¹⁴.

¹⁴ Ср. у Дж. Руми:

О те, кто взыскуют бога, бог — вы!
Нет нужды искать его: вы, вы!

«Именно такое обожествление человека,— пишет И. С. Брагинский,— конечно, не всякого, а человека высокого в своих нравственных, гуманных качествах, составляет суть поэзии Руми, в которой совершается свойственное суфийской поэзии двойное переосмысление поэтического образа, его удивительная метаморфоза, благодаря которой язык символов превращается в язык любви к человеку, воспеваания ценности человеческой личности» [67].

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИРИКИ ЮНУСА ЭМРЕ

В настоящее время турецкими исследователями наиболее подробно изучена тематика иляхи Юнуса Эмре. Правда, в подавляющем большинстве случаев она рассматривается в самых общих чертах, без анализа принципов образного воплощения содержания, и практически исследования этого аспекта творчества Юнуса Эмре сводятся к выделению в его лирике определенных тематических циклов. Некоторые издатели стихов поэта тематический принцип кладут в основу составления сборников, как, например, в книгах стихов Юнуса Эмре в серии «Турецкие классики», многократно выпускавшихся на протяжении последних лет по рекомендации министерства национального просвещения Турции [7]¹, а также в завершающей на данный день работе А. Гёльпынарлы «Юнус Эмре. Его жизнь и все стихотворения» [8]. В поэзии Юнуса Эмре А. Гёльпынарлы выделяет следующие темы: «Земной мир и мир загробный» («Dünya — Ahret»), «Таков вот мир» («Alem bu işte»), «Обращение к богу-истине» («Hakka dönüş»), «Постигшие» («Erenler»), «Жизнь и „тельвин“» («Hayat ve telvin»), «От любви преходящей к любви истинной» («Geçici aşktan gerçek aşka»), «Спасение от смерти» («Ölüm-den kurtuluş»), «Шариат — хакикат» («Şariat — Hakikat»), «Наука — познание» («İlim (İrfan)»), «Призыв к

¹ Мы располагаем шестью изданиями этой книги, выходившими в Стамбуле в 1952, 1954, 1957, 1960, 1963 и 1968 гг. Все они идентичны первому, включая, к сожалению, неточности и опечатки.

праведному пути» («İrşat»), «Раскаяние, самобичевание» («Melâmet, kıpayış») [7, 112].

В последнем сборнике, выпущенном А. Гельпынарлы, стихи Ю. Эмре получили такое тематическое деление: «Смерть — Бессмертие» («Ölüm — Ölümsüzlük» [8, 42]), «Аскетизм» («Zâhitlik» [8, 77]), «Переходящая любовь — Истинная любовь» («Mecazi aşk — Gerçek aşk» [8, 97]), «Путь к истине (Сулюк)» («Gerçek yolculuğu [Sülük]» [8, 161]), «Оставление себя — Окрашивание в различные цвета» («Джезбе — Тельвин») («Kendiden geçiş — Türlü boyalara boyanış [Cezbe—Telvin]» [8, 77]), «Истории, связанные с поверьями» («İnança ait kıssalar» [8, 233]), «Чужбина» («Gurbet» [8, 247]), «Наука — познание» («İlim — İrfan» [8, 255]), «Призыв к праведному пути (Иршад)» («Doğru yola çağrı [İrşad]» [8, 273]), «Самобичевание (Меламет)» («Kendini kıpayış [Melâmet]» [8, 339]), «Представление о мире» («Dünya görüşü» [8, 359]).

Обращает на себя внимание глобальность тем юнусовской поэзии, получившая отражение в попытках исследователей классифицировать их. Такая крупномасштабность тем обусловлена спецификой средневековой литературы. Акад. Д. С. Лихачев, говоря о древнерусской литературе, определяет ее как литературу «одной темы и одного сюжета. Этот сюжет — мировая история, и эта тема — смысл человеческой жизни» [60, 56].

Мы уже показывали, что смысл бытия для суфия-пайтеиста, каковым был Ю. Эмре, — обретение в себе бога, слияние с богом. Конкретно-образное воплощение этой темы, принятое в суфийской литературе, — человек-странник, совершающий тернистый путь к истине. Здесь имеет место взаимопроникновение двух планов: реального (путь, действительно пройденный саликом по земле) и аллегорического («дорога сердца», этапа нравственного самоусовершенствования ашика, осмысляемого посредством конкретных, в том числе географических, реалий).

Юнус Эмре, если довериться его стихотворениям, провел многие годы в странствиях: побывал в Сирии, Иране и Азербайджане, хорошо изучил родную Анатолию [7, 38]. Можно предполагать, что он посетил и те города, названия которых встречаются в его иляхи: Кайсери, Тебриз, Шираз, Нахичевань, Мараш и Багдад

[7, 70]. На долгом и трудном пути ашика подстерегали многочисленные препятствия и опасности: дорогу преграждали «горы-исполины и бурные реки, в пути застава-ла суровая зима, ветер дул в лицо, глаза слепил снег». Но самым тяжелым было одиночество, жизнь на чужбине, вдали от родины и любимой.

Очевидно, Юнус Эмре во время странствий прошел путь собственного самоусовершенствования. И это «странствие сердца» ашика можно восстановить с достаточной полнотой — от начала скитания до периода духовного возмужания, «постижения». Условный, традиционный в суфийской поэзии образ странника, взыскующего истины, наполняется в стихах Ю. Эмре благодаря вдохновению поэта и искренности, а также, возможно, и реальному его подвижничеству, конкретным, жизненным содержанием.

Если целью подвижнического пути, совершаемого странствующим дервишем, является слияние с истиной, то, так сказать, побудительным мотивом такого путешествия оказывается сознание собственного внутреннего несовершенства, ущербности, греховности. Юнус Эмре испытывает это чувство особенно обостренно. Он очень часто говорит о своей неполноценности [7, 38], греховной сути [7, 101]. Обращаясь к цветущему, полному сил молодому дереву и представляя его уже сухим (результат суетности его помыслов и никчемного обмирщения), поэт покаянно говорит, что по сравнению с этим деревом у него недостатков и грехов в тысячу раз больше [7, 101]. Юнус как бы хочет доказать себе, что все отрицательное, темное, осуждаемое его нравственным кодексом [7, 38], наличествует в нем и требует своего беспощадного изжития [7, 35].

Отказ от «плотского», низменного в себе начинается с отказа от немногих мирских благ, коими располагает ашик. Трудно определить, использует ли поэт здесь традиционные для своего времени образные обозначения материального мира или говорит о вполне реальных вещах, которые он имел (здесь опять слияние двух планов), когда сообщает, что он жертвует «горстью земли — единственным своим достоянием», расстаётся с женой и парой волов, которыми его «способил господь». Отказавшись от земли и волов, от дома и жены, Юнус обещает впредь быть аскетом, отшельником и не

обольщаться мирскими благами²⁾ И остается неизменно верным этой клятве. Юнус не сомневается, что те, кто веселится и предается чувственным наслаждениям на этом свете, горько раскаются, когда настанет миг смерти и они поймут, как далеки были от овладения истиной. Поэтому его подушкой становятся не только камни, но и слезы, которые, по его убеждению, должен проливать странник-ашик: бредет ашик по земле со слезами и стенаниями, «с босыми ногами и непокрытой головой» [7, 36]. «Сердце его кровоточит, и кровь эта орошает землю вокруг него» [7, 87]. Лишениям и страданиям нет конца и края. Это — подвижничество до полного изнеможения («Ты денно и нощно совершай свое послушание, не укладывайся [отдохнуть], вытянув ноги» [7, 103]).

Юнус предупреждает, что на долю ашиков выпадают неисчислимые страдания, их воля испытывается по много раз («О, сколько может претерпеть человек, увидевший лик Друга!» [7, 71]; «Я прошел через неисчислимые искушения» [7, 74]).

Подвижничество, аскетизм позволяют разбить оковы «плотского» начала («Если ты не сломаешь ловушку плоти, впустую все твое послушание» [7, 51]). Лишь разрушив «ловушку плоти», ашик очищается от скверны низменных чувств и соблазнов («Изгонишь ты из своего сердца противоречия» [7, 43]).

Во время странствий Юнуса одолевают бесконечные сомнения: сможет ли он, «скиталец любви», «несчастный из несчастных», достичь своей цели — раствориться в божественном бытии? Потому-то он и говорит, что «его горю нет исцеления» [7, 57], что «руки не дотянутся к тому, кто взял меня от меня» (т. е. к богу) [7, 52].

Предельно искренний, он признается, что подчас не может «найти себя» в своих борениях [7, 79]. Происстает это, по его словам, оттого, что до сих пор жизнь его складывалась не так, как у постигших. И он обе-

² Ср. у Навои в «Языке птиц», гл. 154: «Я никогда не клал голову в прах так, чтобы для головы моей не был необходим камень». По этому поводу Е. Э. Бертельс писал: «Слова Навои звучат искренне и тепло, но масштаб здесь совершенно иной, нежели у Аттара. Это уже не мистика...» (разрядка наша.— В. К.). Это чувство, «не взлетающее в беспредельные просторы космоса, как это мы видим у персидского пантенста», т. е. Ф. Аттара [34, 40].

щает проникнуть в их мир, вжиться в их помыслы и чаяния:

Юнус говорит: я не жил жизнью постигших.

По крайней мере из всех моих сил буду стараться
сродниться с ними [7, 51].

Неодолимое желание уподобиться блаженным, постичь истину родилось в нем внезапно [7, 49], но подготовлен к подвижничеству ашика он был уже давно сознанием своей «греховности», горячим желанием постичь истину. И, встав на путь аскетизма [7, 36], Юнус уже исполнен решимости идти этим путем, не сворачивая. Он клянется все принести на божий алтарь, бодрствовать ночами и днями и не изменить этой готовности, невзирая ни на что:

Юнус, пока видят твои глаза, стремись выполнить свое
дело [7, 80];

Пусть он возьмет тело, пусть возьмет душу... я буду
отдан в его власть [7, 48];

Глаза дервишей открыты, они бодрствуют дни и ночи
[7, 40];

Когда станут говорить о моем горении, одни будут меня
ругать, другие будут надо мной смеяться.

Если я и сгорю от своего горя, говорить о своем
состоянии не буду [7, 34].

Того, кто убежден в правоте собственных устремлений, уже не могут тронуть ни насмешки окружающих, ни их фальшивые похвалы, ни чьи-то мимолетные милости, ни долгие притеснения. «Безумец любви» безразличен к ним. Через сомнения и муки одолевает ашик свои временные слабости:

Пусть те, кто хвалит Юнуса, продолжают его хвалить,
а те, кто ругает — продолжают ругать.

Мы с любовью вышли на этот путь, будем следовать ему
днем и ночью [7, 84];

Ашику [выпало на долю] смеяться и плакать, жить
и умереть.

Для него одинаковы как притеснение, так и милость,
он не знает, что такое сокрушенный дух [7, 49].

Страннику Юнусу уверенность в праведности своих дел важна тем более, что он ощущает неуютность одиночества в этом мире. Правда, единожды он возглашает:

Я не одинок, стань ашиком перед взором возлюбленной
(бога.— В. К.).
Подобных мне, кто пожертвовал душой на пути к богу,
сто тысяч [7, 64].

Но это скорее надежда одинокого путника. А в реальности страшное одиночество Юнуса Эмре: не с кем посоветоваться, не с кем облегчить душу, рассказать о своих борениях, поведать о «тайне», к которой он неуклонно идет. И вовсе не случайно он так часто признается:

У нас никого нет, мы одиноки [7, 45];
...мне совсем не перед кем раскрыть душу... [7, 45];
Если я плачу о Друге, кто вытрет мои слезы? [7, 67].

Одиночество Юнуса Эмре еще трагичнее потому, что его высокие мысли и чувства, несмотря на искренность устремлений поэта, не доходят до сердца тех, кто ему внимает лишь для вида («Я говорю, я слушаю, никто не понимает моего языка» [7, 50]).

Как бы ни была сильна преданность поэта завладевшей его сердцем идее обретения истины, сколь бы ни был он тверд в своей вере, его чуткая, трепетная душа страдает от ощущения одиночества. Поэт в своей неприемлемой для других безвестности, на своем изнурительном пути аскета, «блаженного», на которого «показывают пальцем», обречен на одиночество до конца жизни. Горько звучит признание Юнуса:

Видевший меня прежде не ставил меня ни в грош.
Видящий ныне показывает на меня пальцем [7, 40].

Тем не менее Юнус Эмре не позволяет себе «рухнуть в бездну отчаяния». Свою привязанность к светлой конечной цели он делит между самым дорогим, что в нем есть,— душой и сердцем,— и продолжает свой путь. Лишь бы не разбить сердце, это хрупкое как стекло сокровище, лишь бы сохранить свое богатство, за которое борются душа и сердце,— истину, горящую как свет.

Береги сердце, принадлежащее невесте (богу.— В. К.),
оно из стекла, не разбей его.
То, что было хрустальным сосудом, вновь не сделаешь целым
[7, 8];
Я узнал, что богатство мое между сердцем и душою [7, 62].

Ашик Юнус встал на этот путь взыскующего истины, вооружившись самопожертвованием и кротостью³, аскетизмом и горением души. Он рыдает — и слезы его становятся реками, озерами и морями, он страдает в разлуке — и тысячу раз в день сгорает в нестерпимом огне. Он совершает ошибки — и раскаивается в них, называет себя самым греховным, самым неприкаянным скитальцем, страдающим из-за сознания своей неподготовленности к встрече с истиной. Но, ошибаясь и переживая свои просчеты, казня себя сомнениями и становясь жертвой собственной искренности, он не оставляет своего пути⁴. Юнус попадает в «котел любви» — так называет он свою дорогу, «варится» в нем, т. е. одолевает искус путем самоусовершенствования, и, наконец, становится «готовым» к встрече с Другом — истиной, к чему, собственно, долго и мучительно шел [7, 82].

Юнус вступает в обетованный «город сердца». В этом «городе» он претерпевает разительную психическую трансформацию. Вспомним, как в начале пути он сетует на свою внутреннюю незрелость, которая не может быть компенсирована внешней псевдозрелостью.

Внешне я совершенно зрелый, а внутри — сырой, мое бытие
постоянно таково.

Я не сделал еще и шага по дороге, [а уже] даю весть
с небесного трона [7, 101].

Ныне — это некая цельность внешнего и внутренне-го, озаренная единым светом постигнутой истины: «Я внутри и извне стал светом» [7, 51].

Здесь, в «городе сердца», находится тот истинный очаг, тот «божественный огонь», не придя к которому останешься холодным, «неприкаянным», не осененным заревом великой истины:

Покинь место, где нет тепла, не гаси же огонь его
(истины.— В. К.),
Где тебе отыскать огонь, не придя к очагу? [7, 105].

³ О кротости ашиков Юнус Эмре говорит так:

Если сказать мне [, каково] свойство любящих Его ашиков,
На привязи Его любви они стали смиреннее овец [7, 62].

⁴ Весь юнусовский путь, как в зеркале, отразился в его словах: «Yanılıp da azmadan» — «Я [шел], ошибаясь, но не сбываясь с дороги» [7, 41].

У конечной цели, в мире хакиката, в «стране Друга», в «саду Друга», в «божественном море-океане», блаженный становится розой, соловьем, цветочным ковром, дивно помолодев, становится юношей, вольноплавающей рыбой. Это — обретаемый странником рай, где умершие оживают для новой, «истинной» жизни, где сухие деревья становятся вечнозеленым миртом, где сердце ашика поет, как птица, и не может насытиться вдруг открывшейся ему красотой. В поэтическом представлении Юнуса Эмре мир хакиката резко контрастирует с «этим» миром, который он отринул и с которым, однако, не может окончательно расстаться в силу своей очарованности «инобытием» и из-за очень «земной» своей оболочки. Соловьи здесь не стенают, как безнадежные влюбленные, потерявшие свою подругу, а радостно порхают подле алых роз, которым хакикат дарует бессмертие («Даже соловей там стал ашиком пунцовой розе» [7, 51]). Это — неувядающий мир весеннего цветения, буйного обновления природы, обрядившейся в «новый халат». Наконец, это «вечное опьянение» для самого взыскующего истины, для ашика, захмелевшего от божественного вина и не желающего отрезвления.

Здесь опять налицо совмещение двух планов: мир земной, зримый — мир внутренний, о котором поэт не может говорить, не пользуясь земными образами. Юнус, воспевая хакикат, изливает свою душу в самых радостных, самых светлых словах:

В саду Друга я стану соловьем, нарву в нем роз и пойду.
Став соловьем, запою...

Нарву я цветов, буду вдыхать запах роз...

Стану соловьиной стаей, буду кормиться в саду Друга
[7, 31—32].

[Достигнув хакиката, странник Юнус обретает великую радость, сменяющую его прежние печали («Весь мир тебе друг» [7, 32]).

Конечно, он не хочет выйти из этой благодатной про-
страции, очнуться от «вечного опьянения»:]

Люблю опьянение любви, и я не буду трезвым [7, 51].

Он (блг.— В. К.) предложил мне кубок, я испил

и не протрезвею [7, 49];

Взял я кубок, испил вина, теперь сердце мое не умрет [7, 50];

Мы выпьем бокалы, полные до краев,
Пьяными мы не станем — похмелье нам не нужно.
Юнус, опьянев, упал на улице,
Он взывает к своему Тапдуку (шейху.— В. К.) —
стыдиться не нужно [7, 60].

В блаженном состоянии «истинного» опьянения человеку — страннику-ашику ни до чего нет дела, его, познавшего радость откровения, ничто не смущает, не гнетет. Испив там, в «кабаке Друга», кубок вина, он думает, что пьян «до самой вечности», что растворился в постигнутом, слился с ним. Это и есть состояние высшего подъема, экзальтации ашиков, именуемое «фана»:

Кто испил хотя бы каплю вина любви, тот не нуждается ни в чем—
Ни в уме, ни в благоразумии, ни в опьянении, ни в трезвости

Я опьянен до самой вечности, там (в озарении хакиката.— В. К.) [7, 64];
я испил кубок вина [7, 59].

Таково образное выражение Юнусом Эмре «цели», «смысла», «встречи», которые он обретает в конце своего долгого, усеянного терниями пути. В прозрении на конечном этапе — хакикате все искомое получает у него свою абсолютную цену. Проецируясь на «этот», вещный мир, эти ценности контрастно оттеняют никчемность земных сиюминутных страстей и тленных борений. С постижением истины уже не остается той «разоренной» души, моральной опустошенности, которые угнетали ашика в начале дороги,— все становится гармоничным, наполненным смыслом, завершенным:

Нам нужно свидание [с Другом], мир [этот] не нужен.
Нам нужен смысл, тяжба не нужна [7, 59];
Не считайте меня пустым: я увидел лик Друга и пришел.
За вечным богатством, временем, Другом я, следуя, пришел
[7, 87].

И нет ничего органичнее, естественнее этого слияния, этого фана:

Юнус Эмре исчез, все существо его богом стало [7, 86].

Казалось бы, странник в конце пути полностью рвет с его началом, совсем отказывается от реального мира. Юнус Эмре как будто так и говорит:

Я без места в этом [земном] мире, моя стоянка, остановка там
(в краю истины.— В. К.) [7, 86].

Свет [месяца] тьму изгоняет из кельи сердца,
Да и как может тьма со светом вместиться в келье
одной? [7, 72].

Итак, странствие путника продлится до тех пор, пока ашик не обретет истину, чтобы ее потерять, а утратив, найти снова и т. д. Оно будет вечным и прекрасным, как сама жизнь, как земля, вдохновляющая поэта.

Однако этот трудный путь беспредельного самопожертвования может показаться прекрасным лишь тогда, когда человеком владеет такое сильное чувство, без которого этот путь оказался бы невыносимым, непреодолимым. Это чувство — любовь. Тема любви получила в поэзии Юнуса Эмре многогранную художественную трактовку.

В соответствии с суфийской поэтической традицией источник (он же и объект) любви, божественная истина называется Юнусом Другом, возлюбленной, невестой, падишахом и т. д. Этот источник любви извечен, ни от кого не зависит, как и сама любовь, которая им вдохновляется («Не мать [человеческая] родила такую любовь — и любовь [поэтому] рабой никому не стала» [7, 62]).

Любовь — источник жизни и смерти, «душа душ», это сама истина, обретаемая в боге, дающем всему начало («Друг стал тем, кто дает и забирает» [7, 73]; «Когда не было того неба, был тот падишах» [7, 75]).

Любовь, испытывая глубину и силу веры ашика, рождает в его душе сомнение («Любовь превыше всего, но как мне достичь ее?» [7, 37]). Захватывая ашика целиком, она отнимает у него рассудок («О Друг, с той поры как я тебя полюбил, меня покинул рассудок, я остался [таким], я оставил реки и погрузился в море» [7, 51]), убивает («Твоя любовь убивает ашиков, погружает их в море любви» [7, 68]), сжигает его и испепеляет; пусть она пока недоступна, «как звезда в небе или горная цепь, убеленная снегом» [7, 69]), но она отправила странника в дорогу, и ашик сделает все, чтобы припасть к ее живительному источнику («Глаза мои, чтобы Тебя видеть, а руки, чтобы Тебя достать, Сегодня душу в путь отправлю, чтобы завтра отыскать Тебя» [7, 35]).

И любовь, возлюбленная, истина, бывшая доселе неприступной каменной горой, проявляет милость: она

уже больше не каменносердая гора, как разбойник, преградившая путь страннику. Теперь это туча, распутившая свои волосы в тоске по «страдалцу любви» и оплакивающая его [7, 56]. Перестав быть равнодушным к борениям салика, сочувствуя им, источник любви — божественное откровение — щедро одаривает поэта бесценными дарами высочайшего душевного подъема («Он (бог.— В. К.) вновь стал взглядом для этих наших душ... Посмотри, что за сокровища он положил в наш рудник» [7, 83]).

Любовь, далекая и холодная для «непостигших», щедро награждает тех, кто добровольно обрекает себя на муки во имя ее. Она обладает поистине фантастической силой. С чем можно сравнить эту волшебницу, одного атома коей хватило для того, чтобы заставить вскипеть моря, заковать в свои цепи ашика, который, впрочем, и не помышляет от них освободиться? Любви все по плечу: она своими чарами приводит в смятение отшельника — и он забрасывает четки; своей красотой она околдовывает богиню красоты Венеру — и та выпускает из рук чанг [8, 154]. Люди, в «ком есть любовь», прекрасны в своих помыслах и свершениях, те же, кто не ведает любви, — бездушные черные камни, бессловесные животные. Любовь высветляет человеческий лик, делает ашика бессмертным, разносит о нем великую славу по всей вселенной. Она лишает человека богатств в этом мире, смиряет всех, кто оказывается в ее власти, и становится чудесным бальзамом для страждущих сердец, излечивает их горе. Юнус Эмре взывает к такой истинной любви, которая в своем могуществе забрала бы его в полон всего без остатка:

Дай мне божественную любовь, чтоб я не знал, где нахожусь.
Чтобы я потерял сам себя, и не хотел бы себя найти, и не нашел!
[7, 34]

Стрела любви, огонь любви — самое грозное оружие, побеждающее все и вся:

Крепкая броня не устоит перед стрелой любви [7, 69];
Друг, стрела твоей любви пронзает самый прочный камень [7, 56];
Кто устоит перед стрелой любви? [7, 61];

Прочитавшие четыре книги средства не нашли от [этой] любви — Ни бен, ни султаны, ни мюдерисы, ни кади [7, 61];

Своему решению она (любовь.— В. К.) подчинила всех — известных
и неизвестных [7, 62];

Сколько львов-храбрецов затевает тяжбу, чтобы не попасть
под ярмо любви,
Тот, кто прежде негодовал, попав в цепи любви, сейчас смирился
[7, 63].

Убивая ашиков в брэнном мире, любовь своей силой возвращает их к жизни при слиянии с истиной, наполняет постигших «божественным проявлением»:

Если я умру, попаду в могилу, моя плоть, мое тело избегнут
тления.
Поскольку из мира я уйду с любовью [7, 67];
Юнус говорит: «Эта любовь пришла, умершую душу мою оживила»
[7, 42].

Ашикам поэт противопоставляет тех людей, кого любовь не коснулась своей животворной силой: это каменносердые люди, напоминающие суровую долгую зиму, они, словно животные, не способны следовать советам:

Чуждых любви не поучай, они не внемлют советам,
Люди, не знающие любви,— животные, [а] скот
назиданий не понимает [23, 391].
Для тех, кто не познал любви, пусты мои слова.
Те, в ком ни атома любви, чужие среди нас [7, 41].

У Юнуса Эмре есть иляхи, которое с полным правом можно назвать гимном любви. Живописуя ее чудесные деяния (любовь открывает дорогу сердцам, делает рабами султанов, заставляет вскипать и пениться море, говорить скалы и т. д.), поэт восторженно восклицает, что это чувство, осчастливившее ашиков, само по себе — огонь, сила, смелость, дерзание [7, 60] ⁵.

Преданность любви, величайшее самопожертвование ради нее, когда страдаешь и горишь и не ждешь награды,— вот что прославляет Юнус Эмре:

Наконечник стрелы любви вливается в мое сердце —
ради любви я умру [7, 73];
Душа моя Ферхадом стала для кирки любви,
я устремился [к истине],
Неустанно горы прорубаю, совсем не спрашиваю
мою Ширин [7, 74].

⁵ Ср. у Дж. Руми: «Любовь есть не что иное, как счастье, милость, благодать сердца, обретение истины» [5, 162].

Что я сделал с душой и сердцем?
Бросил их в огонь любви,
Даже правду забыл... [7, 73];
Мои богатства — горсть земли, да и ту похитила
эта любовь [7, 37].

Юнус Эмре стремится доказать свою преданность любви делом, знает, что быть самоотверженным в любви — это не только срывать розы, но и больно накалываться шипами:

Когда это (любовь.— В. К.) — венец для всего мира,
На ногах моих грязь из-за этой любви [7, 66];
Согнулся я, высокорослый, из-за этой любви [7, 66].

До высочайшей самоотверженности поднимается поэт, когда заявляет:

Если меня убьют и прах мой развеют по ветру,
То он и тогда будет звать: «Мне нужна ты, ты!»
[7, 68].

Озаренный своей любовью, ашик Юнус воспевает это прекрасное чувство во всем многообразии его проявлений — в горе и радости, в страдании и счастье. Любовь согревает его своими лучами, как солнце [7, 60], дарит смущенной улыбкой, словно несравненная красавица из-под покрывала. Это то, что слаще сахара и меда [7, 62], лучше двух миров [7, 56], это непойманная птица-феникс, это сокровищница тайн, которые надо беречь у сердца.

Самое прекрасное чувство, испытываемое странниками, навсегда изгоняет из их сердец печаль и горе, даже их стенания превращает в лекарство для израненных душ, разносит весть о людях, «пораженных» любовью:

В той душе, которой завладеет любовь, не останется печали,
С той поры как меня осенила любовь, печаль меня покинула,
я смеюсь [7, 72];

Ах, из-за этой любви стенания и горе стали мне лекарством
[7, 75];

Атом [любви] коснулся Юнуса, он стал известным в мире
[7, 63].

Но любовь не была бы цельной, если бы приносила людям одни радости,— она сладостна для странника :

своими страданиями, неисцелимостью причиняемых ею мук. Любовь как бы высвечивает и внутреннюю противоречивость поэта, скрыть которую он никак не в силах из-за своей необычайной искренности. И потому любовь для Юнуса — это не только радость, но и муки: («Из-за мук, причиняемых твоей любовью, я плачу дни и ночи» [7, 43]).

Юнус Эмре — натура ищущая и смятенная, цельная и искренняя⁶. Целостность и искренность проявляются не только в добродетелях поэта, которые он всемерно отстаивает, и в пороках, которые он всячески порицает. Эта цельность — и в той противоречивости, а порой и безысходности, которые обуревают душу поэта, в том душевном разладе, который он нередко испытывает, пройдя даже через озарение любовью. Это так называемое состояние мелямет — определенное психическое состояние ашика, когда мучения и сомнения, которые его гложут, приобретают поистине универсальный характер, распространяясь буквально на все окружающее. «Что из того, что я стремился к Аллаху и нашел его? — вопрошает Юнус. — Что из того, что я плакал дни и ночи напролет, а затем смеялся так же долго?» Одинаково бесполезно, по словам поэта, пытаться отыскать истину в медресе, как это делают улемы, или же в кабаке, как это сделал он сам. Достигнув высшего для суфия блаженства, Юнус уподобился букету красных роз, который украсил беседу постигших истину и увял. Бесплодным оказывается и погружение в смысл сокровенного, которым овладели святые [7, 111].

Раз все оказывается напрасным и ненужным и все, что некогда воспринималось как успех, разрушается сомнением, поэт перечеркивает и достигнутое им.

«Впустую я провел жизнь, — продолжает свои медитации Юнус, — посмотри, в какой огонь я бросил душу. Пусть никто никого не ввергнет в то, во что я вверг себя сам. Я снарядил повозку моей цели, привез ее — и всю

⁶ Турецкая писательница Н. Араз, посвятившая многие годы изучению творчества Ю. Эмре, считает, что его главная особенность — искренность: «Когда читаешь Юнуса, эта искренность, эта святость и стойкость настолько захватывают, околдовывают и заполняют человеческое сердце, что немного погодя постепенно осознаешь, что стал с ним единым целым, сдружился с поэтом, стал подобным ему». — «Eni gazetes», 4.VII.1971.

выгоду обратил в потерю. Из-за того, что я в этом мире — разбитый сосуд, я все свои грехи переложил на чужие плечи. Какова бы ни была моя цель — все это двуличие. Право, я уже забыл о первоначальной чистоте цели. Когда наступит ночь, никто не знает, — так я устремился к неведомому желанию. Я растратил свою жизнь — по убытку видно, что я приобрел. Несчастный Юнус, много у него грехов...» [8, 349].

Но подразумевает ли столь беспощадное самобичевание на почве все яснее осознаваемой пропасти между свершенным и невыполненным, действительным и возможным то, что ашик достиг безысходности, что апатия и безволие должны его парализовать? Конечно же, нет. Если это конец, то лишь такой, который служит началом нового этапа в человеческой жизни, в стремлении людей к самоусовершенствованию, к победе добрых качеств характера над плохими, к беспредельной реализации возможностей человека, становящегося вровень с богом [7, 15]. Болезненная неуспокоенность, неудовлетворенность собой, находящие выражение в состоянии временного отступления — мелямет, благодаря настрою Юнуса, его непоколебимой вере в конечное торжество доброго становятся, как нам кажется, мощным стимулом к покорению новых вершин самоусовершенствования.

Столь же глубоко и поэтически многогранно, подчас внутренне противоречиво освещена в поэзии Юнуса Эмре и тема смерти.

Как человек Юнус Эмре страстно ненавидит смерть-убийцу, смерть-разрушительницу; гасящую семейные очаги, губящую без разбора молодых и старых, богатых и бедных, красивых и невзрачных, приносящую неисчислимы горе и страдание. Человеком, влюбленным в жизнь, смерть может восприниматься именно так:

Сколько она в поясе сгибает, сколько богатства разоряет,
Сколько плакать заставляет — силу бытия уничтожает смерть
[7, 15];

[Ангел смерти Азранл] сделал людей своим огородом [7, 15];

Шел я по земле, набрел на богатея, что [в могилах] лежат...

Кто молодцем был из них, кто — мужем, кто — везиром,

а кто — ходжой.

Их дни превратились в ночи, таких, как они, много лежит

[7, 20].

Творя свое страшное дело, смерть обезличивает людей и тем самым уравнивает их. Она укладывает покойников в «одном доме», беспощадно срывает регалии с именитых, лишает их титулов и богатств, не оставляет им привилегий перед бедными, которым и до смерти терять было нечего:

Где те, кто говорил: богатство — мое, те, которым
не нравились дворцы?
Теперь они в доме одном лежат, над ними поставлены камни
[7, 21];

Пойди теперь и взгляни: не узнаешь, кто из них бед
и кто — рабы [7, 21];

Так и пропали с лица земли и не подают никаких знаков
[7, 21].

Особую скорбь у поэта, жалеющего всех умерших, вызывают все же те, кто скончался, «не достигнув цели», «раньше срока», в расцвете молодости и созидательных сил, «увянув, как роза» [7, 17]:

Одно в этом мире заставляет гореть и печалиться мою душу:
По тем, [горюет моя душа], кто умер молодым, кто был скошен
словно зеленый посев [7, 17].

Особый трагизм в так называемых «кладбищенских» стихотворениях отмечается именно тогда, когда речь в них идет о смерти молодых людей, оплакиваемых своими родными и близкими («Матери охраняют их могилы — они [там] лежат» [7, 20]).

Смерть обрекает людей на забвение. В жизни они шли своим путем, ставили перед собой цель, добивались «богатства» в самом широком смысле этого слова, в зависимости от их стремлений и побуждений. Но со смертью обрывается время их деятельности, кончается их пора. А вот и свежая могила постепенно зарастает, могильный холм сравнивается с землей, память о скончавшемся все больше принадлежит прошлому:

Это бейство не найдут — прошло их (покойных.— В. К.)
время [7, 21];

Пройдут дни, годы сменят друг друга, мой надгробный
камень повалится,
Мое тело сгниет и станет прахом, мой прах развеется,
Друга поминая [7, 80].

В могиле «нет дверей, чтобы войти, нет пищи, чтобы вкусить, нет света, чтобы увидеть». Смерть страшна своей необратимостью:

Не вернулся оттуда ушедший, он не вернется назад [7, 80].

Возвращение [с того света] подобно пути, который нигде не ведет [7, 23].

Горечь смерти воспринимается Юнусом Эмре как следствие быстротекущей жизни, уподобляемой поэтом шумному городу, мельнице, жернова которой размалывают человеческие судьбы, кошелек, содержимое которого так быстро и, увы, так бесцельно растрачивается, куску пищи, разжевав который глотаешь — и наступает конец [7, 25].

Каждый вздох, каждый выдох деньги жизни уносят
из кошелька,

Когда кошелек ополовинен — это значит, что ты
деньги почти растратил,— держись [7, 25].

В перечисленных сопоставлениях особенно рельефно выступает назидательная сторона смерти. Закат жизни не радует, когда ее дни растрочены понапрасну, на удовлетворение «плотского начала».

Впустую я свои дни провел, ах, жизнь, что с тобою
мне сделать?

С тобою я не разбогател, ах, жизнь, что с тобою
мне сделать?

Пришел и прошел я — не зная, заплакал — забот
не вкушая,

Расстанусь с тобою, не сказав, ах, жизнь, что с тобою
мне сделать? [7, 17].

Неизбежность кончины каждого, равно как и ответ за содеянное, предопределены самим мироустройством, записаны на скрижалях судьбы. Это завершение отведенного срока, испытание до дна чаши жизни:

Совершенные мной добро и зло будут записаны на скрижалях,
нить моей жизни будет оборвана [7, 17].
Пришла вечность, завершился срок, кубок жизни наполнен до краев,
кто же тот, кто не испил его? [7, 17].

Смерть с беспощадной отчетливостью выявит все доброе и злое в делах и помыслах человека, он узнает цену содеянного им, обожжется стыдом за свои пороки:

Преследовавшиеся мной цели предстанут передо мной, однажды
я узнаю свои дела [7, 16].
Однажды [смерть] заглянет в мои глаза, в лицо мне ударит стыд.
От волнения я обезумею — как мне быть, что поделать [7, 16].

Для тех, кто не живет согласно моральным уложениям поэта, он, расписывая их ужасную участь в потустороннем мире, не жалеет красок, щедро использует библейско-коранические учения о Судном дне, когда всем грешникам воздастся полной мерой.

Не забываешь ли ты о том дне, вопрошает поэт, когда все люди придут в смятение, когда они не будут знать, что делать, и в полной растерянности понурят головы? Ангел смерти Азраил затрубит в трубу — все живые существа двинутся с места, будут собраны к Судному дню, и судьей им будет господь бог. Ангелы ада будут хватать их, тащить в геенну огненную, на грешниках загорится кожа, и начнут обугливаться их кости. В тот миг будет исторгнут ужасный стон. Ангел, стоящий у врат ада, станет зазывать туда и тащить. От страха перед богом сам ад начнет стенать и плакать. Ангел у врат ада скажет: «Ад, увы, увы». Все затрясутся, перепугаются. Тот, кто не слушался божьих повелений, будет сварен заживо, изжарен в могиле. Горы стронутся с места, от страха расколется небо, разорвется цепь звезд, они упадут на землю и разлетятся во все стороны. Все наши грехи, заключает Юнус Эмре, будут собраны воедино, будет разорвано много завес, и те твои грехи, о которых ты не знал, станут тебе очевидными [7, 21—22].

Однако поэт сомневается в эффективности своих назиданий, их целесообразности:

Несчастный Юнус, если бы это назиданье ты обратил к себе,
было бы лучше.
Этим нынешним созданьям оно не принесет пользы [7, 21].

Вряд ли следует за это упрекать Юнуса — вспомним его жалобы на одиночество, на отсутствие единомышленников. Впрочем, «непосвященным», «не знающим его положения», как и самому поэту, очевидна неизбежность смерти и для тех, кто «служил плоти», и для тех, кто жил в добре. Ведь все равно последний миг — всего лишь последний вздох («Если жизнь твоя

долгие годы в довольстве проходит, Юнус, то ее окончанье — одно лишь дыханье» [7, 25]).

Так в чем же утешение, где воздаяние? Ашик Юнус усматривает его в обретении за порогом физической смерти вечной истины, с которой он останется не на миг, а навсегда:

О блаженные, о братья, боюсь я, что умру.

Но не беспокоюсь, что мне придется умереть, ведь я обрету то,
что делал, чего добивался, чего стою [7, 16].

Парадокс, не так ли? С одной стороны, бояться смерти, с другой — не страшиться ее. Впрочем, это противоречие снимается самим поэтом. Юнуса Эмре страшит физическая смерть, необратимо лишаящая его возможности пребывать в реальном мире — одном из многообразных проявлений истины. Но, с другой стороны, вера в то, что мир — это «завеса» на пути к истине, рождает и противоположные чувства: отбрось эту завесу, т. е. полностью отринь мир, призывает поэт, умри в нем — и возродишься в «истинном» мире, получишь то, к чему всю жизнь идут «странники любви»⁷. Там, в слиянии с истиной, с растворением в ней он надеется обрести бессмертие, настолько неисчерпаемо емкое, что оно должно вместить в себя смерть, ставшую жизнью:

Смерть станет жизнью, бессмертную жизнь обрящешь.

Раненое сердце будет исцелено, бальзамом ему станешь Ты
(бог.— В. К.) [7, 81]⁸.

Когда речь идет о смерти, адекватной бессмертию, сами образы, которыми она воссоздается, становятся «воздушными», словно бы неудержимо рвущимися вверх, как сердце ашика к истине:

Моя душа — это птица, а тело мое — ее клетка,

От Друга весть получим, улетит однажды моя птица [7, 76].

С «клеткой» плоти, с «цепями» земной жизни удастся покончить благодаря праведной жизни, служению

⁷ Ср. у Дж. Руми: «Нет большего преступления, чем собственное бытие, поэтому его надо отринуть» [5, 162].

⁸ Ср. у Дж. Руми в «Месневи»: «Для праведников смерть есть и обновление. Такая смерть — не зло, а с богом единенье» (цит. по [52, 228]).

истине, благодаря пролитым в этом мире слезам, которые «там» станут улыбкой:

Если я был истинным рабом, служил Ему,
Плакал в этом мире, завтра там засмеюсь [7, 76].

Раскаявшись перед смертью в «мирских» делах, укрепившись в своей вере, странник прощается с жизнью, смело входит в небытие, приходит к своей сути. Его могила озаряется светом истины — он уже бессмертен:

О блаженные, о братья, придет небытие, умру однажды,
Раскаюсь в своих делах, к самому себе приду однажды [7, 16].

Когда несчастный Юнус умрет, его могила наполнится светом,
Когда вера станет ему товарищем, он смело уйдет в небытие [8, 128].

Смерть, однако, сулит бессмертие не только «братьям», «постигшим», «блаженным», купающимся в вечном «океане» истины. На смену умершим в этом мире приходят новые жизни:

Тысяча людей родится, тысяча умирает — таково, оказывается,
повеленье [7, 23].

К тем «новорожденным», которые придут после него, обращается поэт:

Biz dünyadan gider olduk kalanlara selâm olsun
Bizim için hayr dua kılanlara selâm olsun [8, 37].

Мы ушли из этого мира, оставшимся — привет,
Возносящим за нас добрую молитву — привет.

Так Юнус Эмре осуществляет «связь времен». Давно уйдя из жизни, он продолжает взывать к людям. Юнусовские иляхи, наполненные гуманистическим содержанием, обессмертили поэта для будущих поколений⁹.

⁹ Выдающийся народный певец Турции ашик Вейсель, скончавшийся осенью 1973 г., незадолго до смерти выпустил книгу под названием «Пусть помянут меня друзья», в которой есть стихи:

Вейсель уйдет, останется имя.
Пусть помянут меня друзья [64, 282].

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЭТИКИ

В первой главе уже отмечалось, что одним из основных препятствий на пути плодотворного и всестороннего изучения творчества Юнуса Эмре является отсутствие критического текста его дивана, что, в свою очередь, вызвано неразработанностью до сих пор объективных научных критериев определения подлинности иляхи поэта. При всей авторитетности некоторых турецких эмреведов (например, А. Гёльпынарлы) нельзя, как нам думается, полагаться на их утверждения, что опубликованные редакции дивана Юнуса Эмре вобрали в себя все, что сохранилось до нашего времени из его поэтического наследия. Равным образом нельзя считать, что все собранные в диване Юнуса Эмре стихотворения принадлежат именно ему¹. Необходимо учитывать и многовековое распространение иляхи Юнуса Эмре в устной передаче, порождавшей их вариативность, и следы книжной обработки при позднейшей записи стихов. Требуют также своего сопоставления и разные редакции дивана.

Постановка этих задач должна стать основой для дальнейшей разработки проблем, связанных с поэзией Юнуса Эмре.

✕ При рассмотрении поэтики юнусовского стиха становится очевидной неразрывная взаимосвязанность поэтических образов его иляхи, с одной стороны, с суфий-

¹ Известны последователи Юнуса Эмре, многие стихотворения которых, вдохновленные юнусовскими иляхи, приписывались и до сих пор приписываются поэту (см. [62, 159—160]).

ской лирикой, поскольку турецкая литература вырастала на богатом арабо-персидском и среднеазиатском культурном наследии. С другой стороны, становление поэта шло под непосредственным воздействием народной песенной традиции, фольклорных мотивов и образов, в том числе основанных на традиционной песенной символической. Органическое сочетание этих традиций составляет одну из характернейших особенностей поэтики Юнуса Эмре.

При всей своей традиционности творчество поэта своеобразно и неповторимо. Внутри сложившейся образной схемы он создавал новое, углублял содержание устоявшихся образов, вносил в них неповторимые поэтические оттенки, детали, придававшие свежесть и особую выразительность его иляхи. По-новому звучат в поэтическом контексте Юнуса Эмре конкретные бытовые реалии. И главное — сквозь традиционную условность пробивается и утверждает себя живое искреннее чувство, неистребимая жажда правды.

Выше уже говорилось, что Юнус, используя традиционные суфийские образы, представляет бога возлюбленной, невестой, красавицей, Другом, а свою любовь к нему изображает то как опьянение, то как стрелу, пронзающую любую преграду; смерть телесную, приводящую к вечной «духовной» жизни, — как избавление птицы из клетки и т. д. Но, воспевая неземную красоту своей возлюбленной — бога, поэт, хотя и прибегает к самым «совершенным» образам, осознает их недостаточность («В словах не описать того, Кто полонил мое сердце» [7, 49]), невыгодность, «ущербность» любых сопоставлений бога, его сравнений с самым лучшим, что известно Юнусу:

Если два мира заполнятся виноградниками и садами,
Не вырастут [в них] роза и базилик с запахом более
прекрасным, чем у Тебя [7, 55].

Юнус воспекает пленительную неуловимость, постижимость красоты возлюбленной, выше которой нет ничего на свете, взор от которой не оторвать, если появится даже сама богиня любви. Возлюбленная горда и свободна, как птица, которую не поймать никаким силком:

Как бы высоко я ни поднялся, любовь все ж идет над моей
головой [7, 71];
Если даже Венера сойдет с небес и начнет перебирать
струны своего саза,
Я не отведу от Тебя моих глаз — только Ты меня опьянишь
[7, 56];
Как нам заманить в ловушку этих птиц, которые не сели?
[7, 43].

Восторженно славит любовь Юнус в своем обращении к красавице, пленительной, как месяц в первой четверти, стройной, словно кипарис, со сверкающими, подобно двум факелам, глазами и с кокетливой родинкой на щеке, ослепительной настолько, что она ввергает в уныние и зависть только что родившийся месяц: зубки и рот у этой прелестницы — это тридцать два жемчуга, показавшиеся из кораллов. В ней все совершенно и гармонично... Все это те же образы, в которых прославлялась красота до и после поэта. Новое в его поэзии — это осознание, что возлюбленная — составная часть мира, земли, одно из прекрасных земных проявлений «инобытия» бога. И не менее замечательны у Юнуса Эмре описания суженой. Он сравнивает чистоту ее облика с булгуром — крупно смолотой пшеницей и вообще с зерном — так в его иляхи врываются реалии повседневной жизни турецкого крестьянина [7, 54—55].

Традиционные образы и сравнения использует поэт, рисуя быстротечность земной жизни, особенно контрастную на фоне того «извечного смысла», который открывается ашику, пришедшему к хакикату. Земной мир уподобляется поэтом шумному городу, мельнице, безостановочно размалывающей своими жерновами души грешных рабов Аллаха, а сам человек в этом преходящем мире зачастую сравнивается с явлениями еще более эфемерными, чем человеческая жизнь.

Один из любимых образов Юнуса, олицетворяющих «суетность мирского», — дерево. В пору расцвета, наивысшего прилива жизненных сил, оно красуется своей пышной кроной, изящными ветвями, нежно-зелеными листьями. Но неумолимое время обрывает пышное цветение, иссушает древесный ствол, который оказывается пригодным разве только для разведения огня в печи, чтобы нагревать котел или плавить железо [7, 30]. Абстрагируя этот образ, поэт превращает его в символ человека, не осененного любовью. Но стоит богу

одарить ашика взором, как происходит превращение «сухого дерева» в юношу, полного молодых сил [7, 51]. Быстротечность жизни символизирует также цветок, который, как и дерево, гордится своей красотой. Время, однако, берет свое: стройное дерево падает на землю как подрубленное, прекрасный цветок увядает, сладко-голосая птица навеки умолкает [7, 31].

Как известно, образы растений (дерева, цветка) и связанные с этими образами мотивы (распускается, цветет, увядает) несут в песенном фольклоре традиционную символическую нагрузку, и Юнус Эмре широко использует эту традицию.

Преходящесть земной жизни Юнус подчеркивает, изображая человека гостем в этом мире. [7, 33]. Образ пришельца, гостя, который зашел ненадолго и непременно уйдет, — традиционный для суфийской литературы.

Традиционны и встречающиеся у Юнуса образ моря, символизирующего истину, ^{истища} хакикат, и образ корабля, символизирующего ^{закон} шариат. Но поэт иногда их переосмысливает, например, чтобы показать величие души перед телом, «вечного» перед преходящим («Кипит моя душа, как море, мое тело кидает, как корабль» [7, 34]).

Традиционные пары образов, противопоставления используются Юнусом, когда он утверждает, что жизнь истинна, бессмертна лишь в контексте божественной любви:

Твоя любовь — море, а я — маленькая рыбка,
Если рыбка море покинет, она тотчас же умрет [7, 69];
Моя душа — это птица, а тело мое — ее клетка,
От Друга весть получим, улетит однажды моя птица [7, 76].

Наконец, Юнус Эмре, выполняя свою миссию проповедника, широко использует суфийские образы свечи — бога:

Зажгли они свечу любви, тот, кто мотылек, пусть придет
(т. е. тот, кто ради света истины готов сжечь себя в ее огне,
подобно мотыльку.— В. К.) [7, 31—32].

Нередко Юнус Эмре использует фольклорные «пейзажные» образы. Природа в его стихотворении всегда очеловечена, сопереживает с человеком. Поэтому весну, ее приход в мир Юнус Эмре неизменно рассматривает как весну души, как ее обновление и передает это в

развернутой поэтической картине мира, обрядившегося в великолепный халат из свежей зелени трав и деревьев. Однако на народную песенную образность здесь насливается суфийская символика: весна приходит в сердце человека после холода зимы, под которым подразумевается мрак сомнений и тревог, испытывавшихся ашиком до встречи со своей возлюбленной. В органичном единстве выступает двуплановость юнусовского восприятия природы — реальное цветение мира и «опьянение» внутреннего мира человека «вином божественной радости»:

Юнус вновь обезумел, преступил совесть и стыд,
Испил из великого кубка ашиков вновь [7, 31—32].

Юнус как бы растворяется в стихии, сливается с ней, воплощаясь в то или иное явление природы — живой и неживой. То он мчится вдаль, как бурная река, то пылит, как дорога, то веет, как ветер [7, 104]. Поэт может стать то алой розой, то соловьем, изливающим в трелях свою душу, то юркой рыбкой, резвящейся в море [7, 35]. Он становится громом и молнией, проливается на землю дождем [7, 89]. В этих «стихийных» проявлениях юнусовского «я» звучат отголоски древних анимистических и тотемистических представлений.

Есть, таким образом, все основания считать, что природа в стихотворениях Юнуса Эмре взаимослитна с человеческим существом, является как бы его сотоварищем в горе и радости. И отрывать природу от человека в юнусовской поэзии столь же ошибочно, сколь неверно полагать, что мир природы в его стихотворениях не существует, как таковой. Нельзя согласиться с мнением Бурхана Топрака, категорически заявившего: «Что касается Юнуса Эмре, то этот поэт был настолько безразличен не только к природе, но и ко всему, кроме самого себя, своих мыслей и своей любви, что из его громадного дивана невозможно извлечь самых простых сведений о материальной жизни» [12, 29—30]. Более верно, как нам кажется, еще раньше писал Мухаммед Фуад Кёпрюлю: «Ашик Юнус, как и все турецкие суфии, не может оставаться равнодушным перед лицом природы. В произведениях Юнуса, бродившего в лесах Сакарьи, в большей или меньшей степени присутствует радость от общения с природой» [27, 331].

Роль в образной системе юнусовских иляхи народной песенной традиции огромна. Поэт постоянно припадает к этому роднику, о чем свидетельствует самое беглое сопоставление его стихотворений с огузским героическим эпосом «Книга моего деда Коркута». Тот факт, что «Книга» циклизовалась примерно в тот же самый период, когда жил поэт, делает это сопоставление достаточно правомерным. В «Книге» довольно часто встречается образ дерева, например в заговорах-заклинаниях старца Коркута, замыкающих каждое сказание: «...твое тенистое, крепкое дерево да не будет срублено» [13, 21]; «...твое тенистое дерево черное да не будет срублено» [13, 59; 31, 48, 63, 76, 89]; «Твое крепкое дерево, сук твоего тальника высохли» [13, 90].

Не менее любим Юнусом Эмре образ кровавых слез, кровавых рек, который также встречается в «Книге»: «Ее глаза, обведенные черной каймой, наполнились кровавыми слезами» [13, 47]. В одном из иляхи поэт, рассказывая о мучениях ашика, идущего через многие страдания к своей любимой — к истине, воплощает ее в образе тучи, распутившей волосы (признак печали). Юнусовский образ волос близок образу в «Книге»: «С тех пор как ушел Бейрек... рвала свои черные, как ворон, волосы много раз...» [13, 46—47]. Образы «горящего сердца» и печени, как и многие другие, пришли в юнусовскую поэзию из фольклора. Они широко используются в «Книге моего деда Коркута», например в песнях-плачах («Где мой единственный бек; его не видать; моя печень горит!» [13, 53]).

Чтобы показать величие и неприступность любви, Юнус Эмре прибегает к образу заснеженной, каменносердой горы². Тот же образ нередок в «Книге» (например: «Лежащие против [нас] снежные черные горы» [13, 29]).

Можно, следовательно, говорить о народной песенной традиции в поэзии Юнуса Эмре как обо одном из главных компонентов ее образной системы. Понятия и образы, заимствованные из фольклора и используемые в его поэзии, являются отражением народной жизни.

Так, например, обильные слезы, льющиеся из глаз ашика, поэт сравнивает с родником («Струящийся род-

² О символике образа горы в турецком фольклоре см. [37, 65].

ник — что за пример для слез, струящихся из глаз» [7, 43]).

А свою приверженность идее истины Юнус поэтически воплощает в столь близких крестьянину образах меда и улья:

Юнус, до чего хорошо ты сказал, будто это — сахар и мед,
Всем медам мед я нашел (свою веру.— В. К.), мой улей
да будет ограблен (поэт призывает отринуть преходящий
вещный мир.— В. К.) [7, 74].

Образы пищи — меда, сахара, масла и т. п. — занимают значительное место в поэтическом лексиконе Юнуса Эмре:

Юнус эти слова чеканит, словно мед на масло накладывает
[7, 105];

Взявший в рот сахар и вперивший глаза в Тебя,
Забудет разжевать сахар и проглотить [7, 55];

Я протянул палец к яду, думая, что это мед,
Я положил в свою еду змеинный яд [7, 107].

Здесь образы яда и меда следует толковать как образы мира земного, материального, который ашик отвергает в своем устремлении к истинной, духовной пище. Поэтому поэт и считает, что он «ошибся, когда съел пшеницу» [7, 87], поэтому он сомневается в том, смогут ли прийти к цели те, кто не сделал своей «пищей» горение божественной любви [7, 65].

Образы Юнуса Эмре отличаются своей жизненной конкретностью, и эта конкретность, в частности, получает свое выражение в тех понятиях меры (величины и объема), которые позволяют ему наглядно представить величие, масштабность задачи взыскующего истины, с одной стороны, и ничтожность, неубедительность всего остального — с другой:

Дервишество — это кусок, величественнее неба и земли,
Пусть придет тот, кто проглотит и переварит этот кусок
[7, 46].

В то же время, как мы помним, символ его былого материального богатства — это «горсть земли» [7, 37], это то, что он даже «не считает за соринку» [7, 47].

Поэт нередко прибегает к употреблению тех числительных, которые характерны и для народной песенной традиции: десять, сто, тысяча и т. д.

Из тех пяти-десяти аршинов полотна сделают для меня
саван [7, 79];

От ста тысяч драгоценностей свободен тот, кто погрузился
в море любви [7, 78].

Юнус выявляет многогранность, многозначность того или иного образа, углубляет его в своих развернутых поэтических картинах. Так, гора (или горы) — это то, что ашик преодолевает наряду со всеми другими препятствиями на пути к истине [7, 83].

Но заснеженные горы, каменные исполины перестают быть неприступной твердыней и в восхищении склоняются до земли перед мужеством странника:

Горы и камни падают ниц, как завидят дервишей [7, 40].

Наконец, гора — одно из тех многообразных проявлений истины, к которой устремлен салик, т. е. она не только препятствие, но и цель.

С помощью традиционных образов соловья и вороны Юнус показывает разницу между теми, кто намерен постичь тайну, и теми, кто далек от истины, их отчужденность и непонимание друг друга:

Если ворону и соловья поместить в одну клетку,
Разве они не станут так докучать друг другу
своим карканьем и пеньем,
Что ворона пожелает расстаться с соловьем,
А у соловья, клянусь Аллахом, разве не та же цель?
[7, 100]

Традиционные в поэзии образы моря, жемчуга и благородных металлов помогают Юнусу раскрыть свое становление как постигшего истину:

Я погрузился в море-океан, отыскал там раковину,
стал жемчугом и пришел [7, 73];
Сердце каждого, кто будет благословлен на совершенное
дервишеского пути, замрет, очистится,
станет серебром [8, 394];
Оставь мир! Ты — золото и серебро, мы не в меди
и бронзе [пробываем] [8, 371].

Место, где человеку не удалось обрести бога, поэт изображает как холодную чужбину и «приближает» это описание к своим слушателям, делает его более доходчивым благодаря привлечению хорошо известных реалий:

Там, на чужбине, где нет тепла, отыщется ли огонь,
Если кресала и кремня нет? [7, 105].

Столь же впечатляющи образы опавшего листа — странника, погибающего от любви [7, 66], сухого улья — человека, переживающего период раскаяния и самобичевания [7, 108], озера — слез из глаз ашика [7, 45], верблюжьего каравана, прошедшего по пустыне, — завершившейся человеческой жизни [7, 73] и др.

Своеобразие творческого почерка поэта находит свое выражение и в его художественной интерпретации библейско-коранических образов, догматов и сюжетов. Поэт часто называет имена святых — пророков Мухаммеда, Мусы (Моисея), Нуха (Ноя), Исы (Иисуса) и др. Он приводит их традиционные, устойчивые признаки или черты характера. Так, когда речь заходит о Юсуфе, он выделяет его терпеливость и (реже) красоту, в Сулеймане отмечает мудрость, в Исе — его способность возвращать жизнь умершим. Всеми этими качествами, по мысли поэта, должен обладать истинный ашик. Образ Мусы у Юнуса почти всегда ассоциируется с Тур-горой (Синаем), на которой святому явился господь; ангел смерти Азраил, как правило, изображается с трубой, оповещающей о его приходе на землю за живыми душами, и т. п.

В стихах поэта предстает вся иерархия пророков:

Господь из света создал имя Мухаммеда³ [7, 38];
Лев божий Али справа от Мухаммеда, Хасан и Хусейн —
слева от Мухаммеда [7, 38].

И для этой иерархии святых поэт находит свои сравнения: Мухаммед с его величием уподобляется морю, а другие пророки — уткам, плавающим в озере (море) Мухаммеда [7, 38].

Не довольствуясь образным утверждением главенства пророка Мухаммеда, поэт говорит об этом более прямолинейно: «Глава пророков, столп веры Мухаммед» [7, 83].

В поэме «Рисалят аль-нусхия» Юнус Эмре иллюстрирует такое важное для ашика качество, как терпение,

³ Е. Э. Бертельс, характеризуя маджлисы Саади, указывал, что при восхвалении Мухаммеда в них «подчеркивается, что все пророки до него своими достижениями обязаны только ему (теория нур Мухаммади)» [35, 51].

Иосиф (Иосиф)

на примере Юсуфа, брошенного братьями в колодезь⁴. В то же время в одном из иляхи в образе Юсуфа выделяется именно его красота, за которую его называли «Юсуф (Иосиф) Прекрасный» [7, 65].

Воспевая неземные совершенства ашиков, «ступивших на трон любви», Юнус не случайно называет их Сулейманами. Тем самым он подчеркивает овладение ими божественной тайной, показывает их мудрость, перед которой птичий язык и язык насекомых и зверей перестал быть загадкой:

Кто из нас стал Сулейманом, взойдя на трон любви [7, 75];
Я знаю язык птиц, говорит мне Сулейман [7, 81]⁵.

Развернутый поэтический образ создает Юнус, обращаясь, например, к мифу о двух ангелах:

Тех ангелов имена — Кирамен, Катибиц,
Пишут они неустанно и непрерывно летом и зимой.
Один из них — на правом твоём плече, другой —

на левом,
Один записывает твои добрые дела, другой — плохие.
Не кончаются у них ни бумага, ни чернила,
Не стираются их перья — они постоянно заняты
делом [7, 39—40].

Другой ангел — ангел смерти Азраил — «помогает» поэту сделать более впечатляющей картину Страшного суда, когда на глазах у онемевших от страха грешников раскалываются небеса и земная твердь и происходят другие леденящие кровь ужасы [7, 21—22]. Используя образ ангела Джебраила, приносящего от бога повеления пророкам, Юнус показывает ничем не ограниченное всеисие блаженного, отринувшего телесную оболочку и воспарившего над землей:

Подобно ста тысячам Джебранлов, я в один миг взлечу
над землей [7, 90].

Обращаясь к учению о рае, аде и пр., обрисовывая их так, как подсказывает ему его поэтическое воображение и мировосприятие, Юнус Эмре стремится к одному — показать всю надуманность этого учения. Он

⁴ См. главу, посвященную поэме.

⁵ Ср.: в Библии Соломон призывает посмотреть на действия муравья и научиться у него мудрости.

обращается к этим образам лишь для того, чтобы сказать о том «истинном» рае, в который он приходит благодаря своему подвижничеству. Поэт расшифровывает образ того рая, который он не приемлет:

Рай, который ты называешь моим и куда направляешь
 правоверных,
 Это дворец и несколько гурий — я не желаю
 [такого] рая...
 Я совсем не желаю того дома и дворца
 (т. е. рая.— В. К.) [7, 35].

Для человека, созданного согласно библейско-кораническим представлениям из глины (земли) [7, 104], истинный рай предстает не таким, каким его рисует ортодоксальная религия. В истинный рай «окно... открывается» тем, кто нашел истину в своем сердце [7, 84]. Только на такой рай с его чудесами, райскими садами, источниками и гуриями согласен поэт [7, 36].

Точно так же воспринимает поэт и образ Ночи откровения, когда был ниспослан на землю Коран. В понимании Юнуса это время, когда произошла его встреча с истиной:

Для нас эта Ночь [встречи с истиной] и есть ночь,
когда был ниспослан Коран [7, 36]⁶.

В юнусовских иляхи получило образное отражение знакомство поэта с известными суфиями и их воззрениями. Сравнивая себя с багдадским суфием Мансуром Халладжем (X в.), казненным за ересь, Юнус Эмре говорит:

Я Мансуром стал, повесьте меня, чтобы обо мне
говорили уста [7, 34].

Он часто упоминает своих современников-суфиев, например Гейикли Баба и Сейди Балыма, одного из последователей Баба Ильяса, возглавившего крупное народное восстание в Анатолии в XIII в.: 13. 2. 20. 19.

Тот Хасан Гейикли как бы слово сказал от самого себя...
[7, 41];

Из страны Сейди Балыма... в дом дервиши пришли [7, 45].*

⁶ Вспомним, что вольнодумная поэтесса Михри-хатун (1456—1514) кошунственно сравнивала Ночь откровения — Kadir gecesi — с ночью, когда ее посетил возлюбленный.

Поэзия Юнуса Эмре складывалась, таким образом, под несомненным влиянием не только народной песенной традиции, но и книжного начала. Его стихотворения, как мы показывали в предшествующих главах, свидетельствуют о хорошем знакомстве поэта с арабской и персидской литературой. Более того, у Юнуса Эмре немало стихов, созданных в подражание (назире) Саади и Дж. Руми, причем отдельные строки Юнуса являются чуть ли не переводами, с большей или меньшей степенью точности, из этих поэтов. Так, есть основания полагать, что стихотворение Ю. Эмре «Не отринув души, ты возлюбленным стать желаешь...» («Sen canından geçmedin cânan arzu kılursın...») — подражание Саади, причем первая строфа — дословный перевод бейта известной газели персидского поэта [23, 97].

И все же в поэзии Юнуса Эмре господствуют фольклорно-песенные элементы. Это прослеживается не только в образной системе, в характере тропов, но и в других поэтических компонентах, например в композиции его произведений. Его стихи с точки зрения композиции — песни со всеми присущими этому фольклорному жанру особенностями. Одним из главных композиционных элементов в лирической песне является обращение⁷. Как правило, юнусовские иляхи строятся в форме монолога, обращенного к одушевленному, а порой и к неодушевленному слушателю.

Это обращение к Другу, возлюбленной (оба в суфийской поэзии символы бога) зачастую принимает форму мольбы:

Яви милость, [красавица-бог], взгляни на меня поближе,
сними свое покрывало с лица [7, 55].

Иляхи может начинаться обращением к какому-либо предмету, явлению природы.

Обращение — мольба, призыв, жест сочувствия — может находиться в середине стихотворения, как в иляхи «Твоя любовь — море, а я — маленькая рыбка...» («Senin aşkın deniz, ben bir balıcık...») [7, 69], «Господь, да не будет никто странник такой же, как я...» («Nasım kimseler yanmasın şöyle garib bencileyin...») [7, 57], «На-

⁷ О композиционной функции обращения в лирической песне (на материале русского фольклора) см. [55] и [59].

лей нам вина любви, о виночерпий...» («Bize aşk şerbetinden sup ey sâki...») [7, 59].

Если обращение входит в редиф, композиционно скрепляющий стихотворение, оно, естественно, проходит через всё иляхи, как, например, в редифах: «...gel göğ beni aşk peyledi» [7, 58] — «...вот во что превратила любовь меня»; «...ah nideyim ömrüm seni» [7, 17] — «...ах, жизнь, что с тобой мне сделать?».

В этом же ряду следует назвать стихотворение, начинающееся с обращения к «безумному сердцу» поэта: «Taştın yine deli gönl, sular gibi çağlar mısın» [7, 56] — «Сердце мое, вновь ты горем полно, И бурлишь, как поток воды».

На протяжении этого иляхи объект обращения меняется: это и сердце, и кровавые слезы, и заснеженная гора, и туча, и возлюбленная-бог. Рефрен, включающий в себя глагол с вопросительной частицей «mî», помогает оттенить это обращение.

Когда поэт взывает к своим единомышленникам, единоверцам или к тем, кто еще не встал на путь постижения, но внутренне подготовлен к нему, или к уже «постигшим», «блаженным», то в стихах звучат не мольбы, не просьбы, а раздумья и сомнения, страхи и, чаще, поучения, дидактика:

Ey yarenler, deylemem ben canım neye daldığımı [7, 49].

О блаженные, не могу я сказать, куда погрузилась моя душа;

Ey yarenler, ey kardeşler, ecel ere ölem bir gün [7, 16].

О возлюбленные, братья, придет смертный час — умру я однажды;

İşidin ey ulular, ahır zaman olmuştur [7, 29].

Послушайте, святые, настал конец света...;

Ey bana derviş diyen nem ola derviş benim [7, 16].

О зовущие меня дервишем, чем стану я, дервиш?

В обращениях такого рода, как правило, содержится призыв к активному действию⁸, к тому чтобы рассказ

⁸ Не случайно эти обращения сопровождаются глаголами *girmek* — «идти», *gelmek* — «прийти», *varmak* — «достичь», *işitmek* — «послушать», *görmek* — «посмотреть», *bakmak* — «взглянуть» в повелительном наклонении.

поэта пошел на пользу внимающему, послужил для него хорошим назиданием.

Обращение в завершающей части стихотворения имеет место тогда, когда упоминается имя поэта (так называемый тахаллус). Здесь обращение-тахаллус используется для того, чтобы особо выделить ту или иную сентенцию:

Bir gün senin dahi Yunus, benim dediklerin kala,
Seni dahi böyle ede netekim etti bunları [7, 21].

Наступит день, и ты, Юнус, станешь тем, о чем я рассказал
(умрешь.— В. К.),
И с тобой сделают то же самое, что только что сделали с ними
(покойниками.— В. К.).

Yunus sen aşık isen adını miskin ke sen... [7, 52].

Юнус, если ты ашник, ты себя назови несчастным...

Yunus sen toprak ol eren yolunda [7, 69].

Юнус, стелись прахом на дороге блаженных...

Такое обращение к самому себе поэт может оформить в виде риторического вопроса, который также несет дидактическую нагрузку, уясняемую, однако, в контексте всего стихотворения.

Так, подчеркивая силу любви, которая «душит», «скручивает» людей, Юнус завершает одно иляхи следующим обращением:

N'ola Yunus sevdi ise, Çoktur Hakk'ı seviciler
Sevenleri göyer dedi, onun için boyun burar [7, 72].

Что случилось, если Юнус полюбил,— ведь много
любящих бога,
Любящих сжигает Он, сказал Юнус, потому перед Ним
он сгибается.

В своих иляхи Юнус Эмре широко использует приемы параллелизма, характерные для народного песенного творчества. Его иляхи двучленны, отличаются афористичностью, благодаря чему многие из них превратились в пословицы.

Отметим, например, следующие приемы ритмико-синтаксического параллелизма:

Bize didar gerek, dünya gerekmez
Bize mâna gerek, dava gerekmez [7, 59].

Нам нужно свидание [с Другом], мир [этот] не нужен,
Нам нужен смысл, тяжба не нужна;

Aşkın aldı benden beni, bana seni gerek seni,
Ben yaparım dünü günü, bana seni gerek seni [7, 68].

Твоя любовь взяла меня у меня, мне нужна ты, ты.
Я горю денно и ночью, мне нужна ты, ты;

Benim gönlüm gözüm aşktan doludur,
Dilim söyler yârî, yüzüm suludur [7, 69].

Мое сердце, мои глаза полны любовью,
Мой язык говорит о любимой, мое лицо мокро [от слез].

Для сравнения приведем следующие примеры из «Книги моего деда Коркута»: «Как бы густо ни выпал снег, до весны ему не остаться; цветущему зеленому лугу до весны не остаться»; «Старый хлопок тканью не станет, старый враг другом не станет» [13, 146].

Как показал акад. В. М. Жирмунский, синтаксический параллелизм — основной выразительный признак эмоционально приподнятой речи в стихотворных (в большинстве случаев речевых) партиях — с учетом структурных особенностей тюркских языков имеет своим произвольным результатом рифму «соответствующих друг другу слов в параллельных синтаксических рядах (стихах), как в середине, так в особенности на конце ряда, чаще всего замыкающегося глаголом — сказуемым»⁹. Подобную рифму, основанную на тождестве аффиксов, где фонетически (и фонологически) объединяются между собой разные гласные, связанные сингармоническими отношениями, мы обнаруживаем и у Юнуса Эмре:

ölem: bulam: kılam: gülem: kurtulam: affedem [7, 16];
geçmiş: etmiş uçmuş; saçmış: biçmiş: içmiş [7, 17];
bilmiyeyim: bulmayayım: kalmıyayım: ölmıyeyim: gelmiyeyim' kılmayayım: yataayım: solmıyayım: ölmıyeyim [7, 34].

Эта рифма, которую можно определить как «приблизительную», а функционально — как «фономорфологическую», не является, однако, «бедной» применительно к тюркскому народному стиху, поскольку здесь имеется тенденция к расширенной (глубокой) рифме, захватывающей «не только последний („ударный“) слог, а два

⁹ См., например, [50, 30 и сл.] и [13, 243—247].

или три слога, т. е. не один аффикс, а целую одинаковую группу аффиксов, в пределе — все последнее трехсложное слово (клаузулу)» [50, 33].

Названный тип рифмы доминирует в юнусовских иляхи, равно как и рифма с редифом, о котором мы уже говорили. Реже встречается в диване Юнуса Эмре простейшая рифма:

bak: bırak: yanak: dudak: ak: sebak: çırak: tutsak:
ırak: kulak: Hak [7, 56];

değil: savul: usül: kabûl: kul: nuzül: bul: yol: kül: kıl
[23, 395].

Более часто поэт использует богатую рифму:

canımıza: imanımıza: kânımıza: canımıza: donumuza:
yanımıza: tenimize: dilimize [7, 83—84];

milletimiz: diyânetimiz: ayatımız: taatımız: münacatımız:
illetimiz: inâyetimiz: mürtedimiz: kudretimiz [23, 386];

yüzünü: kendözünü: gözünü: tuzunu: sözünü: nazını:
yıldızını: razını: gündüzünü: sazınızı [23, 440];

elimize: dilimize: halimize: halımıza: ulumuza: gölümüze:
ilimize: kanınıza [23, 429].

В стихотворениях Юнуса Эмре можно, по всей видимости, выделить и так называемую составную рифму, которая представляет собой явление автохтонное в тюркской народной поэзии. Она ограничена традиционным, относительно узким кругом «служебных слов» [50, 34—45], которые, повторяясь в стихотворном ряду, образуют вместе с предшествующим значащим словом составную стиховую клаузулу.

Примеры составной рифмы у Юнуса Эмре:

candan içeri: erkândan içeri: benden içeri: nişandan içeri:
dondan içeri: sultandan içeri: bundan içeri: günden içeri:
dermandan içeri: ondan içeri: Süleyman'dan içeri: dinden içeri:
imandan içeri: ondan içeri [23, 452];

buldumsa ne oldu: güldümse ne oldu: kaldımsa ne oldu:
soldumsa ne oldu: buldumsa ne oldu: daldımsa ne oldu [23, 452—453];

esti gene: kesti gene: bastı gene: süstü gene: [nesli?] gene:
dostu gene: astı gene: kastı gene [23, 423];

bostan ola: dosttan ola: gülistan ola: şekeristan ola: meştan ola:
hasdan ola: şekeristan ola: destan ola [23, 423—424];

gelen gelsin: süren gelsin: alan gelsin: kıyan gelsin:

işiden gelsin: eren gelsin: olan gelsin: öldüren gelsin [23, 421];

işide misin: unuda mısın: gide misin, yuda mısın: tuta mısın: terkede mısın: sıda mısın [23, 420];

hayran olam: giryan olam: gerdan olam: ferman olam: cânân olam: noksân olam: Selmân olam: cevân olam: in-sân olam: Keyvan olam: arslan olam, Şeytân olam [23, 403];

dönen benim: yağan benim: bilen benim: yılan benim: sultan benim: emen benim, salan benim: rahman benim: duran benim: ummam benim [23, 405];

ıyan eyleyim: hayran eyleyim: Süleymân eyleyim: kur-ban eyleyim: handân eyleyim: zindan eyleyim: perrân eyleyim: uryan eyleyim: iskân eyleyim [23, 405].

Эти и другие примеры, число которых можно умножить, показывают, что среди «служебных слов», образующих составную рифму в иляхи Юнуса Эмре, встречаются глаголы (преимущественно служебные, типа *olmak*, *eylemek*), наречия (*yine*), личные местоимения (*benim*, *bencileyim*), послелог (*içerî, ile*)), вопросительные частицы (*mi*).

Классическая рифма с редифом в стихотворениях Юнуса Эмре встречается гораздо реже:

...dosta gidelim gönül [23, 396];

düştü gönül [23, 396—397];

gezer ölüm: üzer ölüm: ezer ölüm: ezer ölüm: bezer ölüm: süzer ölüm: ezer ölüm [23, 397];

yok Çalabım: çok Çalabım: yok Çalabım: çırak Çalabım: durak Çalabım: burak Çalabım: ak Çalabım: firak Çalabım [23, 408—409];

canını Muhammed'in: adını Muhammed'in: yönünü Muhammed'in: gölünde Muhammed'in: denunu Muhammed'in: solunda Muhammed'in: nurunu Muhammed'in, hanını Muhammed'in [23, 421].

Ритмико-метрическая структура юнусовских стихотворений уже исследовалась некоторыми эвреведами. Установлено, что поэту принадлежит 66 стихотворений, в которых применены 13 разновидностей аруза — классической восточной метрической системы стихосложения.

«Помимо этих шестидесяти шести стихотворений, — указывает А. Гёльпынарлы, — имеются также иляхи, отдельные строфы которых в ритмико-метрическом отношении соответствуют арузу. Однако, поскольку в боль-

шинстве других строф этих стихотворений соответствия арузу не обнаруживается, мы их не включили в наш список. Таким образом, очевидно, что Юнус был поэтом, создававшим свои стихи преимущественно с помощью хедже везни (силлабическая система народного турецкого стихосложения.— В. К.)» [23, 130—131].

Изучение поэзии Юнуса Эмре выявило языковое сходство между его стихами и произведениями Ашика Паши, Султана Веледа, Шейяда Хамзы и др. Можно констатировать, что его стихи — образец турецкого языка, распространенного в Анатолии в XIII—XIV вв.

В литературном турецком языке того времени использовалась, в частности, арабская и персидская лексика наряду с турецкими эквивалентами. Например: араб. Allah — «Аллах», cennet — «рай», cehennem — «ад», ışk — «любовь», ilim — «наука»; перс. mest — «опьяненный»; араб. şarab — «вино» и соответствующие им турецкие Tanrı, Çalab, ıçmak, tamu, sevgi (sevi), bili, esrük, süci.

Характерно, что ряд заимствований из фарси и арабского поэт использует в «отуреченном» виде. Например: вм. араб. kîbâle — kabala («акушерство»), вм. араб.-перс.: tabhâne — tavhana («убежище для бедных»), вместо перс. danişmend — danişman («советник») [23, 118].

Лексические пласты в поэтическом словаре Юнуса весьма разнообразны. Слова просторечные перемежаются у поэта с терминами научными и религиозными, с лексикой литературного языка. Здесь, вероятно, и следует искать причину того, что определение языка юнусовской поэзии как народного или как литературного вызывает большие разногласия у литературоведов.

М. Ф. Кёпрюлю, назвав язык поэта «истинным, в чем-то архаичным анатолийским диалектом турецкого языка» [14, 412], пишет: «Юнусу удалось донести этим простым, безыскусным языком свое учение до народа» [14, 414]. Эти слова турецкого филолога, назвавшего язык поэта «простым, безыскусным» и отметившего его обращенность к народу, не позволяют усомниться в том, что Кёпрюлю считал этот язык народным.

С такой характеристикой, по всей вероятности, солидаризируется и известный турецкий филолог А. С. Левенд, который отмечает: «Как с точки зрения просто-

ты и искренности языка (разрядка наша.— В. К.), так и с точки зрения экзальтации души он считается значительным и выдающимся мастером не только своего века, но и всей турецкой литературы» [29, 50].

Аналогичной точки зрения придерживаются также Х. Т. Гененсай и Н. С. Банарлы. Они пишут, что «язык, размеры и рифмы, а также способы выражения чуть ли не полностью народны. Взяты они у народа. Поэтому Юнус — мастер, который справедливо любим турецким народом» [24, 84].

По-иному оценивает язык Юнуса С. Н. Эргун, полагающий, что поэт писал на литературном анатолийском языке XIII в. [17, 52]. По мнению Эргуна, язык Юнуса — это язык образованной части общества.

С. Эйюбоглу усматривает прелесть юнусовских стихотворений именно в том, что поэт, как считает исследователь, отнюдь не ставил целью донести смысл своих творений до народа, а потому и не создавал их на народном языке [19, 149].

Компромиссная позиция в отношении двух противоречивых оценок языка Юнуса выявляется в самом определении сущности поэзии текке, т. е. суфийской поэзии, которое дает, например, турецкий литературовед А. Кабаклы, впрочем, сам не сомневающийся в народном характере языка поэта. Он считает, что поэты текке в отличие от придворных и народных обращались к более широкой аудитории — от власть имущих до пастуха. Они знали, как объяснить народу глубокие философские истины доходчивым языком (*rahat dille*). Поэтому, утверждает А. Кабаклы, будет правильным называть их не народными поэтами, а поэтами, писавшими для народа, ибо их язык — это язык грамотных людей, обращающихся к народу. Поэты текке занимают промежуточное положение между представителями диванной и народной поэзии. Хотя их язык не столь прозрачен, как в поэзии саза, вместе с тем это и не диванная поэзия, поскольку она обращена к народу. Здесь много слов, вышедших из народных глубин, есть иностранная лексика, заимствованная из книг, термины отдельных дервишеских орден [25, 108—110].

Имея в виду данное определение поэтов текке, становится понятным сформулированное А. Гёльпынарлы на первый взгляд парадоксальное определение:

«Юнус — не народный поэт, но стал поэтом [для] народа». Категорично заявляя далее, что «Юнус никогда (разрядка наша.— В. К.) не был народным поэтом», А. Гёльпынарлы приводит в подтверждение этой мысли уже известный нам из определения А. Кабаклы применительно к поэтам текке тезис об исключительной образованности Юнуса Эмре [23, 132].

Разумеется, народность поэта или, напротив, его «ненародность» наивно определять такими формальными критериями, как его грамотность или неграмотность, образованность или необразованность. Ошибочно представление турецких ученых о литературе, основанное на ее традиционном и во многом нуждающемся в пересмотре делении на диванную (*divan edebiyatı*), суфийскую (*tekke edebiyatı*) и народную (*halk edebiyatı*).

Сейчас трудно судить о языке поэзии Юнуса Эмре с достаточной достоверностью, так как время не могло не внести в него существенные коррективы.

«Народ, воспринявший Юнуса,— пишет А. Гёльпынарлы,— принялся изменять его язык в соответствии с требованиями времени. Причем это имело место не только в устной передаче его стихотворений, но и при их переписке. Так, „*auitdun*“ („ты приказал“) стало „*buyurdun*“, „*utmez*“ („не проходит“) стало „*geçmez*“, „*kani, kada, hani*“ („где“) было заменено на „*perede*“, „*kancağı*“ („куда“) приняло форму „*pegeye*“. Язык Юнуса становился языком каждой новой эпохи, даже языком сегодняшнего дня... В Юнусе заложена такая возможность. Но Юнус продолжает жизнь не в силу этой причины, а потому, что Юнуса восприняли и полюбили народные массы» [23, 118].

Турецкая исследовательница Незихе Араз глубоко убеждена в том, что язык Юнуса Эмре — подлинный турецкий язык. По ее мнению, язык поэта является наиболее важным среди основных факторов, определивших глубокое и длительное воздействие юнусовской поэзии на турецкий народ. «У него великолепный турецкий язык,— заявила Н. Араз в интервью.— Я использую это определение, когда говорю „великолепный“, вполне сознательно, поскольку Юнус — это человек, который создал турецкий язык и его посредством — Турцию»¹⁰.

¹⁰ См. «Yeni gazete», 4.VII.1971.

ПОЭМА «РИСАЛЯТ АЛЬ-НУСХИЯ»

В поэтическом наследии Юнуса Эмре, представленном главным образом духовными стихами (илияхи), поэма «Рисалят аль-нусхия» («Назидательное послание») занимает особое место. Среди турецких эмреведов существует тенденция подходить к этому произведению как к творению, не отмеченному высокими художественными достоинствами. Так, известный знаток творчества Эмре — Бурхан Топрак, обосновывая решение не включать «Рисалят аль-нусхия» в подготовленное им четвертое издание дивана поэта, рассчитанное на широкого читателя, утверждает, что эта поэма, по его мнению, «ни у кого, кроме специалистов, не может пробудить интереса...» [12, 10].

При подобном, к сожалению, довольно распространенном, подходе к произведениям средневековой дидактики, и прежде всего к дидактическим поэмам, которые включали обычно весь комплекс научных представлений и социально-философских взглядов автора, как правило, не принимается во внимание специфика средневековой литературы, ее синкретизм, в частности нерасчлененность понятийного и художественного мышления. А именно этим обуславливается художественная неоднородность различных частей дидактических поэм, составляющая многих современных исследователей относить одни разделы этих произведений (а то и поэмы в целом) к «нехудожественным» (или содержащим лишь «элемент художественности»), а другие — к «художественным в полном смысле слова». При этом «нехудожественными» оказываются, как правило, разделы, содержащие религиозно-философские рассуждения автора, стре-

мившегося прежде всего к логической последовательности изложения и к точности сведений, чтобы не нанести «ущерба» самой теме, а «художественными» — разделы, содержащие иллюстративный материал (притчи, басни, легенды, ~~ветавные рассказы и т. п.~~)¹. К тому же необходимо напомнить, что средневековая дидактическая поэма представляла собой своеобразный «жанровый комплекс» (термин акад. Д. С. Лихачева). Соединение в ней различных жанровых форм, каждая из которых обладала своей нормативностью, определяло, в частности, неоднородность стиля поэмы. Многие особенности ранних дидактических поэм обуславливались и устным характером их распространения.

Сказанное относится и к рассматриваемой нами поэме Юнуса Эмре. Следует отметить, что вплоть до недавнего времени это произведение находилось вне поля зрения как турецких, так и зарубежных исследователей. Краткое изложение содержания поэмы, без оценки ее идейно-художественных особенностей, дал турецкий ученый А. Гельпынарлы [23, 121—126].

«Рисалят аль-нусхия» получила также освещение в университетском учебнике «Литература Востока в средние века» [38, 338—339].

Поэма известна в нескольких списках [23, 121]. В том варианте, к которому мы обратились, она состоит из 612 бейтов и произвольно разделена составителями издания на 14 частей. А. Гельпынарлы выделяет в ней вводную часть в стихах и в прозе, а также шесть дестанов-поэм, призванных иллюстрировать теоретико-философские положения автора, выдвинутые в вводной части. Дестаны получили следующие условные названия: «Дестаны Души и Плоти» («Рух ве Нефис дестаны»), «Дестан Довольства» («Канаат дестаны»), «Дестан Гнева» («Офке дестаны»), «Состояния Терпения» («Сабыр Ахвали»), «Состояния Жадности» («Некеслик Халлери»), «Дестан Разума» («Акыл дестаны») [11, 41—86].

В вводной части поэмы Юнус Эмре говорит об основных элементах — земле, воде, воздухе (ветре) и огне, из которых, по его словам, бог создал мир. Описание четырех элементов мироздания составляло традиционный

¹ О проблеме становления дидактических жанров в творчестве тюркских народов см. [36, 119].

раздел дидактических поэм во всех литературах арабо-персидского ареала.

Далее Юнус Эмре сообщает, что человек как составная часть мира также создан из четырех элементов. Две пары элементов-антагонистов — земля и вода, огонь и ветер — наделяют человека полярно противоположными качествами. Земля дает человеку терпение, благонравие, человеколюбие, честность. От воды он наследует духовную чистоту, щедрость, благородство. Ветер «одаривает» человека лживостью и лицемерием, нетерпением и чувственностью, огонь — надменностью и сладострастием, алчностью и завистью. В человека вселяется также душа, а вместе с ней — честь, цельность натуры, скромность.

В поэме Юнус Эмре высказывает свое отношение к вопросу о познаваемости мира. «Инструментами» познания, по Юнусу, служат Разум и Вера, причем обе формы познания имеют свою градацию от низшего к высшему в непосредственной зависимости от того, на каком этапе пути познания находится взыскующий истины. От «Мирского Разума» («Акл-ы Мааш»), который познает конкретный, материальный мир, человек поднимается к высшему, «Абсолютному Разуму» («Акл-ы Кюлл») проходя через ступень «Потустороннего Разума» («Акл-ы Маад»), познающего абстрактные, нематериальные субстанции, находящиеся за пределами материального мира.

Вера претерпевает аналогичную эволюцию: на смену Вере, обретаемой в процессе познания («Ильм аль-Йакын»), приходит «Вера, укрепившаяся в сердце» («Айн аль-Йакын»), которую, в свою очередь, вытесняет «Истинная вера души» («Хакк аль-Йакын»), или, как ее называет И. Гольдциер, «Истина уверенности, обретаемая в итоге преодоления суфийского пути — „сулюка“» [42, 156].

Указав, что два из первоэлементов мироздания (земля и вода) размещены в раю, а два других (огонь и ветер) — в аду, поэт утверждает, что черты человеческого характера, неизменно связанные с тем или иным элементом, еще при жизни людей определяют, обречен ли человек на адские муки или ему уготовано райское блаженство.

Ветер и огонь в поэме Юнуса Эмре воплощены в об-

разах девяти человек, каждый из которых имеет по тысяче воинов и тысяцкого — бинбаши:

Всех, кто им попадает, в плен забирают,
Тащат этих несчастных, в ад их бросают [11, 43].

Более многочисленны силы, стоящие за землей и водой, — тринадцать тысяч воинов, которые направляют всех встречающих в рай. Аллегория поэта может быть истолкована лишь однозначно: люди, подверженные порокам, исходящим от «адских» элементов — огня и ветра, попадают в геенну огненную, тогда как добрые черты человеческого характера, обязанные своим происхождением земле и воде, приводят в куши рая.

Но рай и ад имеют преходящую ценность в глазах суфия. Недаром в одном из стихотворений Юнус восклицает, что ашик не надеется на рай и не боится ада. Высшая награда для суфия — встреча с богом, и достичь ее способна только душа, которая приводит к богу четыре тысячи своих воинов. Вполне естественно предположить, что появление четырех тысяч воинов, пришедших с душой и достигших единения с богом, — это очистительный итог той борьбы между силами добра и зла, в которой, как повествует Юнус Эмре, первые количественно возобладают над вторыми. Это оптимистическое утверждение Юнуса, проходящее через все произведения, сообщает поэме высокий гуманистический пафос².

Внутренний мир человека, по мысли поэта, — это город, в котором происходит непрерывная борьба между добродетелями и пороками. Войско падишаха, правящего городом Разума, одерживает победу в этой нелегкой борьбе. Силы добра, как явствует из «Рисалят аль-нусах», получают количественный перевес.

Но посрамление темных сторон человеческой души осуществляется не только посредством показа количе-

² Подобное оптимистическое мировосприятие, имеющее глубокие народные корни, отражено уже в ранних письменных памятниках Востока. Так, анализируя древнеегипетский миф «Об Исиде и Осирисе», Г. Ф. Александров отмечал, что в нем «прежде всего сохранились уходящие в глубь прошлых тысячелетий народные представления о борьбе сил Света и Тьмы как источнике жизни и движения в природе. При этом необходимо подчеркнуть, что силы Света побеждают своих врагов и несут людям радость и возможность трудиться» (цит. по [46, 17]).

ственного возобладания позитивного над негативным. Автор представляет человеческие пороки и добродетели таким образом, чтобы немедленно и бесповоротно заручиться соответствующим отношением к ним со стороны слушателей. Действительно, какие эмоции, кроме крайне отрицательных, может вызвать пленник Алчности — ничтожный субъект с желтым лицом и онемевшим языком, утративший ум. Если объект Алчности — жалкое, не властное над собой существо, то сама Алчность подобна хорошо охраняемой темнице:

Я не в силах вырваться из темницы Алчности,
Крепки ее стены — плечом их не сдвинуть,
Сидящих в темнице охраняют тюремщики,
С железными непоколебимыми сердцами.
У Алчности — тысяча воинов,
Беспощадных в битве.
Всех, кого ни схватят, они бросают в темницу,
Ноги пленным заковывают в кандалы [11, 46]

Алчность сводит человека с ума, бросает его в узилище, из которого очень трудно выбраться. А ее антипод — Умеренность, Довольство — приносит мир, спокойствие и благополучие.

В поэме Довольство — это падишах, одетый в шелковые одежды и восседающий на великолепном, подобном райскому Бураку, коне. Справа и слева от падишаха — чавуши, стражники. При виде их все подвластные низменным страстям в страхе разбегаются. Падишах-Довольство воцаряется на троне, воины отдают ему почести. Город успокаивается, и все славят падишаха.

Но затишье в городе наступает ненадолго: в остром единоборстве схватываются не только Алчность и Довольство, но и Гордыня и Скромность, Ложь и Правдивость. Своеобразным «праведным судьей» в этих боях выступает Разум, правящий городом и всегда принимающий сторону человеческих добродетелей. Так, он поддерживает Довольство в ту трудную минуту, когда разбойники, олицетворяющие в поэме Гордыню, захватывают дорогу близ города и устраивают грабежи. Гордыню, которая никого, кроме себя, не признает, одолевает Скромность, Гнев уступает Терпению. Демонстрируя всю неприглядность Гнева, поэт не случайно берет в качестве примера святошу. Приторно благочестивый,

перебирая четки, он движется степенно, так что пылин-ка с земли не поднимается. Однако рассерженный тем, что ему не оказывают достойного приема и не прислушиваются к его словам, святоша рвет четки и гневно стучит посохом.

Поэт обращает к этому неудачливому ханже слова:

Твой вид благочестив: и четки есть, и чалма на голове,
[Поясом святости] зуннаром ты опоясан, а душа у тебя грязна
[11, 126].

Здесь Юнус Эмре продолжает свой давний спор со служителями культа, обнажая прячущиеся за их внешней благопристойностью лживость и лицемерие. Вспомним крылатые слова поэта о том, что бог обретается в сердце и войти один раз в сердце неизмеримо ценнее, чем совершить тысячу хаджжей. А «путь этот длинен, много на нем препятствий», и нужно немало твердости и терпения, чтобы одолеть его. Потому-то Юнус Эмре адресует Терпению похвалы. Поэт напоминает историю Юсуфа (Иосифа Прекрасного), брошенного в глубокий колодец братьями, и подчеркивает, что Юсуф не терял надежды на избавление, несмотря на то что его крики и мольбы о помощи, поглощаемые каменными стенками колодца, не долетали до поверхности земли. В награду за терпение он был в конце концов освобожден из плена [11, 70].

За этим библейским примером следуют широкие обобщения поэта о пользе Терпения, воспитывая которое можно побороть Гнев:

Терпенье — это для Гнева опала,
Без Истины вечной все бы пропало.
К благу стремишься — невзгоды терпи,
Аллах нам пример, к нему взор обрати [11, 71].

На пути к истине взыскующий ее должен преодолеть еще один порок — Жадность. Жадность персонифицирована у Юнуса в образе человека, который бежит от самого себя и не может найти спасения: все ему в тягость, все немило, он лишен даже самых простых земных радостей [11, 72].

Как и в дестане, посвященном Терпению, поэт, осуждая Жадность, вспоминает известную притчу о Каруне, чьи сказочные богатства заставили его забыть о вере

и привели к гибели. Для Юнуса Карун — воплощенная скупость [11, 50].

Юнус живо описывает те муки, на которые обрекает себя Карун, не желающий расстаться с добром. Душа богача буквально леденеет от страха, когда в наказание за жадность его собирается поглотить земля. Он обещает одуматься — и земля выпускает его из своих цепких объятий. Но скупец не может побороть в себе сребролюбия, отказаться от богатства и вместе со всем своим золотом оказывается в преисподней.

Алчность, Жадность, по Юнусу Эмре, — это темница и рабство, которые мешают человеку достичь высокой духовной цели [11, 52].

Юнус пытается не допустить, чтобы черное, злое в людях взяло верх. Он призывает: «Не уступает жадность — ее упрямство сломи» [23, 125].

В заключительном разделе «Рисалят аль-нусхия» Юнус Эмре высказывает убежденность, что Разум обеспечивает счастье. Развитие событий призвано подкрепить эту убежденность. Разум призывает Правду. Она поджигает дом Клеветы и превращает его в пепелище. Поэт уподобляет Правду светильнику, который хотя и выгорает до конца, но рассеивает мрак, заставляет отступить силы тьмы:

Правда зажжет светильник — и темнота убежит,
О нас печется Правда — к свету дверь otvorит [23, 125].

Юнус Эмре абсолютно убежден в том, что Правда — высшая человеческая добродетель, начало каждого доброго дела:

Праведен тот, кто Правде верен,
Правда — главное в каждом деле [11, 84].

Большое место в поэме Юнуса Эмре занимают рассуждения о глазах людей, их способности видеть, причем видеть в особом смысле, который поэт и раскрывает, перефразируя известную пословицу: «В человеке, глаза которого не видят, нет любви». Еще более полно раскрыт мистический смысл этого «видения» в словах: «Святой долг раба — видеть Султана» [11, 80]. К традиционной суфийской символике Юнус Эмре прибегает и в следующих строках:

Если слеп человек, разве будет от этого польза?
Если колодец замерз, в нем воды не набрать [11, 80].
Безглазые пьют и едят, они вселенной не видят,
Месяц и солнце восходят — они не видят [11, 79].

Залогом духовного прозрения — постижения истинных является преодоление в себе Клеветы и Ненависти, Алчности и Зависти, Гордыни и Самодовольства, именно тех пороков, которые заслоняют от человека божественный лик. Недостатки, как учит Юнус, уничтожаются добродетелями, овладевающими саликами, чтобы распахнулись перед ними двери темниц, крепкие стены которых сложены из низменных страстей и жалких пороков, и засиял истинный светоч веры [11, 85]³.

Таково моральное кредо Юнуса Эмре, его нравственный кодекс. Еще лаконичнее поэт выражает это в следующем обращении: «Распахни же двери, чтоб не быть мне в темнице (т. е. пленником своих страстей)!» [11, 86].

Итак, принятая Юнусом Эмре схема мироустройства раскрывается в «Рисалят аль-нусхия» логично и последовательно: бог — четыре первоэлемента — мир — человек — человеческие качества (возникающие на основе четырех первоэлементов) — борьба между этими качествами и конечная победа Разума и Справедливости, приводящая человека к искомому — Истине, богу. Вера в нравственную победу человека над собой, в его неограниченные возможности придает поэме оптимистическое, мажорное звучание.

«Рисалят аль-нусхия» — единственное большое дидактическое произведение Юнуса Эмре, созданное в полном соответствии со средневековыми литературными традициями. Это аллегорическая поэма, в которой действуют персонифицированные пороки и добродетели.

В начале поэмы, где логично увязаны средневековые представления о микро- и макрокосме, Ю. Эмре излага-

³ Ср. у шейха Б. Симави: «Каждая вещь, побуждающая тебя к истине, — ангел и милосердие господне, каждая вещь, обращающая тебя к неистинному — дьявол и шейтан. Если сказать еще откровеннее, силы в человеке, обращающие его на истинный путь и побуждающие в сердце стремление к этому, — это ангелы, а те животные чувства и заблуждения, которые ведут на путь мятежа и смятения, — это дьяволы.

Таким образом, в тебе полно дьяволов и шейтанов. Кто из них возобладает, тот и повелевает» [10, 143—145].

ет философские положения, которые он разделяет, знакомит слушателя со своими взглядами на мироздание и человека, определяет собственное отношение к проблеме познаваемости мира. И то, что вводная часть «Рисалят аль-нусхия» частично написана прозой, на наш взгляд, объясняется стремлением поэта с наибольшей точностью и обстоятельностью донести до слушателя суть таких понятий, как «разум» и «вера» с тремя их подразделениями, «рай» и «ад», «четыре первоэлемента», образующих мир и человека. Что касается шести дестанов-поэм, следующих за вводной частью, то они как бы обрамляют, иллюстрируют вводную часть, делают ее более живой и наглядной. Составляя единое целое с поэмой, каждый дестан тем не менее может считаться в известной степени автономным. Это законченный рассказ, в котором действуют персонифицированные Душа и Плоть, Гнев и Довольство, Жадность и Терпение, Разум и Правда и т. д. Дестаны эти завершены и в композиционном отношении: каждый из них начинается с традиционного обращения поэта к аудитории с призывом прийти, послушать назидание, а заканчивается нравоучительной сентенцией, естественно вытекающей из содержания дестана. Такая композиционно-смысловая завершенность дестанов дает возможность предположить, что каждый из них вначале был проповедью, а вся поэма составляет как бы цепь версифицированных дестанов-проповедей.

Но и здесь, выступая с сухими, морализаторскими назиданиями, поэт продолжает оставаться лириком. Об этом говорят и живые, конкретные черты, которыми Юнус наделяет своих героев, и та экспрессивность, взволнованность, с которой он ведет рассказ о борениях, происходящих в человеческой душе. Вот почему мы обращаем особое внимание на неразрывную взаимосвязь иляхи Юнуса Эмре и его дидактической поэмы.

Изучение поэзии Юнуса Эмре позволяет нам сделать вывод, что его творчество гуманоцентрично: в нем безраздельно властвует человек — единственный бог, которому поклоняется, на которого уповает поэт. Юнус Эмре приходит к утверждению человеческого абсолюта через критическое переосмысление постулатов ортодоксальной религии, возводящей все сущее к созидательной силе бога — творца мира и человека. Здесь поэт покусается на «основу основ» ортодоксии, считающей, что султан (бог) — неизменно султан, а раб — неизменно раб. По мысли Юнуса Эмре, и бог, и раб настолько равны в своей извечности, что нет никакой возможности дать одному приоритет перед другим [7, 97].

Поэт категоричен в своем отрицании антитезы бог — человек, так как именно такая двойственность («ikilik»), согласно его убеждению, ведет человека к рабству. Лишь в полном, абсолютном, бескомпромиссном единстве человека и бога находит Юнус Эмре силу для того, чтобы разорвать оковы рабства [7, 97].

Не сознать полной идентичности, равенства человека и бога — это и есть рабство. Лишь обретение бога в себе, только понимание того факта, что сам человек есть та сокровищница, в которой заключен смысл бытия, удовлетворяют еретика Юнуса [7, 97].

Человек, считает Юнус Эмре, может обрести бога, лишь найдя его в себе самом [7, 85].

Разумеется, находит в себе бога не каждый, но тот, кто пришел к постижению такого единства и тождества путем неустанного одоления в себе плохого и утверждения доброго. Однако подобный путь нравственного самосовершенствования, завершение которого ставит че-

ловека вровень с богом, даже отождествляет их, не закрыт, по мысли поэта, ни для кого, поскольку Юнус Эмре считает всех без исключения людей равными друг другу.

Свою, а значит, и всех людей тождественность с богом Юнус Эмре осмысляет диалектично. Мы стремились убедить читателя в том, что одна из основных особенностей мышления Юнуса Эмре — его стихийная диалектичность. Глубокое проникновение в «вечные» проблемы жизни и смерти, добра и зла, бесконечного и преходящего сделало диалектичность юнусовского мировосприятия, пожалуй, одной из наиболее сильных сторон в его творчестве¹. Вершина мышления Юнуса Эмре — его гуманистическая диалектика. Поэт логично приходит к гуманистическому абсолюту, торжественно провозглашая его в противовес абсолюту божественному.

В своей краткой характеристике творчества Юнуса Эмре акад. А. Е. Крымский писал: «В пантеистических идеях он не идет обиняками, а прямо отождествляет себя со Всеединым: „Я Тот, кто творит человека из семени и птицу из яйца“» [56, 264]. Однако это совершенно справедливое высказывание отмечает лишь одну сторону провозглашенного Юнусом тождества. И чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно вчитаться в стихотворение Юнуса Эмре, строка из которого была процитирована А. Е. Крымским. Ставя знак равенства между собой и богом, утверждаясь в мысли о своей адекватности с ним посредством ряда простейших тождеств, Юнус создает следующую «цепочку» открытий:

Hem bâtinim, hem zâhirim, hem evvelim, hem âhîrim,
Hem ben oyum hem o benim hem o kerim ü han benim [7, 88].

Я — и тайное, я — и явное, я — начало, я — и конец,
Я — Он, Он — Я (разрядка наша. — В. К.). Он, милостивый
хан, — я.

В озарении хакиката истина, к которой приходит ашик Юнус, открывается ему во всей своей диалектиче-

¹ Выражение Юнуса Эмре: «Tez tükenir uzun yaş» [7, 20] («Быстро кончаются долгие годы») — один из тех примеров, когда его диалектичное мышление предстает особенно ярко.

ской полноте. Она означает не только тождество человека богу, но и адекватность бога человеку. Иными словами, Юнус Эмре убеждается не только в том, что человек — это бог, но и в обратном, в том, что бог — это человек, символ человека. Эта диалектика несомненно гуманистична, поскольку ее точкой отсчета, первоосновой является юнусовское, человеческое «я».

В своем познании мира и места людей в нем поэт, как мы хорошо помним, идет от материальной зримости земли, дарящей его своим вдохновением настолько, что ему нечего желать на небесах в отрыве от земли, от человека — самого совершенного земного создания. Гуманистичность юнусовской формулы доказуема и своим, так сказать, конечным результатом: бог — это человек.

Утверждая, что человек — бог, поэт утверждает одновременно извечность его существования, прибегая к сопоставлению себя с такой вечной в людском восприятии материей, как звезды, океан, рай и т. д. Юнус Эмре показывает вечность людей в ретроспективе:

До того, как я пришел в этот мир, я был единым с возлюбленным
(богом.— В. К.) [8, 205].
Еще не была сотворена земля, еще земля и небо не были
заполнены божьими созданиями.
Еще перо не ударило о скрижали, я был в том, кто создал
царство (был слитен с богом.— В. К.) [8, 206].

С позиций извечного существования человека в прошлом Юнус Эмре пытается осмыслить его суть в настоящем:

Сколько раз я приходил, уходил [в этот мир и из этого мира],
много обличий [своих] создал,
В этом нынешнем обличье я стал Юнусом... [8, 205].

Очевидно, поэт воспринимает свою жизнь на земле в облике Юнуса как одно из звеньев вечного существования всего человечества, которое проходит через рождение и смерть, постоянно обновляясь. Вся многообразная неисчерпаемость человека получает одно из своих частных выражений в лице Юнуса Эмре [8, 187].

Человек, о котором говорит Юнус Эмре от своего имени, существует извечно. Он не умрет в постоянно во-

зобновляемом человеческом роде, а одно из его конкретных проявлений — поэт Юнус Эмре,—перестав жить телесно, продолжает вечную жизнь в людской памяти:

Adımı Yunus taktım sırrımı aleme çaktım
Bundan ileri dahi dilde söylenen benim [8, 196].

Я взял себе имя Юнус, свою тайну вверил миру.
И после этого в будущем обо мне будут говорить.

Проповедуя пантеизм, Юнус Эмре объективно приходит к пангуманизму, объявляя человека созидающим началом всего мира, в том числе и самого себя, воспевая его в своих неустанных обращениях к богу.

Пангуманизм поэта помогает, на наш взгляд, объяснить религиозную толерантность Юнуса и других суфиев. Коль скоро бог — это символ человека, нет никаких оснований быть нетерпимым по отношению к другим верам, «называть их лживыми». Поскольку бог есть человек, никто не может быть осужден за веру в самого себя, за веру в Человека, пришедшего к осознанию своих безграничных потенций путем неустанного нравственного самоусовершенствования.

Гуманоцентризм позиции Юнуса оформился и под воздействием идей Джалаледдина Руми, этого, по выражению поэта, «зеркала наших сердец». Панегирик человеку, взволнованно произносившийся Руми, вдохновил Юнуса Эмре: «Хотя человек ростом не выше глиняного корыта, он выше небес, выше рабства. Человеческий образ, являющийся самым прекрасным образом, величественнее, выше небесного трона [настолько], что это нельзя объять разумом. Если я назову стоимость этого, чему нельзя определить цену, то сторю я сам и сгорит услышавший» [5, 68].

Проблема воздействия Юнуса Эмре на его младших современников и последующие поколения поэтов требует специального исследования. Как известно, Ю. Эмре считается по традиции основоположником ашикской поэзии. Однако рассмотрение этого вопроса на материале турецкой литературы в основном сводится к поискам в творчестве других ашиков стихов (отдельных строк), близких по содержанию и формальным особенностям к стихам Юнуса. Именно с таким решением проблемы сталкиваемся мы в книге Гёльпынарлы

«Юнус Эмре и суфизм», в которой автор останавливается на творчестве Саида Эмре, Ашика Паши, Пира Султана Абдала и многих других.

Притом, что Гёльпынарлы занимается лишь одной — и, с нашей точки зрения, не самой главной — стороной вопроса, его анализ позволяет выявить конкретные примеры воздействия творчества Юнуса Эмре на его последователей и судьбу поэтических достижений Ю. Эмре на дальнейших этапах развития турецкой поэзии — от его современников до ашиков нашего времени.

Влияние поэта на турецкую поэзию проявилось еще при его жизни, о чем можно судить, сравнив, например, его стихи со строками его современника Саида Эмре.

У Юнуса:

Hakki kaçan bulasın Hakk'a kul olmayınca... [23, 206].
Как ты бога обрящешь, богу рабом не став...

У Саида Эмре:

...Kişi aşık mı olur gönülsüz kalmayınca [23, 207].
Станет ли человек ашиком, не обретя возлюбленной?

Очевидно влияние Юнуса Эмре и на поэта Ашика Пашу (ум. в 1332 г.), который вслед за Юнусом Эмре утверждал, что дервишеское одеяние еще не делает человека суфием, заявляя: «Дервишество не в рубище, а в сердце». Но в отличие от Юнуса Ашик Паша «признает аскетическую практику для суфия желательной, но не обязательной». Значимость каждой отдельной личности, по мнению поэта, определяется степенью его любви к богу [38, 339—343]. В целом же творчество Ашика Паши уступает поэзии Юнуса Эмре главным образом по силе выразительности. Морализаторское начало в его стихотворениях и поэмах значительно откровеннее, чем у Юнуса, и делает его творчество более сухим, бесстрастным².

В память о Юнусе Эмре его последователи не только создавали назире — ответы, подражания на его иляхи, но зачастую называли себя его же именем. Таков (или таковы) относимый (или относимые) к XIV в. поэт

² Так, во всяком случае, считает А. Гёльпынарлы (см. [23, 208]).

(поэты), как Юнус, Ашик Юнус, Дервиш Юнус, Юнус Деде.

В XV в. поэтическое наследие Юнуса получило развитие в поэзии Хаджи Байрама Вели (ум. в 1429/30 г.). Несомненно влияние стихотворений Юнуса Эмре в таких строках поэта:

Мой бог город создал между двумя мирами,
Взглянешь — видится встреча на окраине того города,
Из того города стрелами поражают — они летят и пронзают
сердца.
Слова святых продают на торжище того города [23, 212—213].

Сравним у Юнуса Эмре:

Посмотри, сколько бросают камней, [сколько] ран болит
из-за Друга,
[Камни] попадают в сердце, его пронзают, приходит
сострадающий нашему состоянию.

Следует также назвать Абдуллаха Руми (ум. в 1469/70 г.), известного под именем Эшрефоглу, многие стихотворения которого приписывались Юнусу Эмре.

К последователям Юнуса Эмре в XV в. причисляют крупнейшего турецкого музыканта и математика, конийского шейха Вефа (ум. в 1490/91 г.), снискавшего известность и как поэт.

Задача будущих исследователей установить, каковы истинные масштабы воздействия юнусовской поэзии на крупнейшего ашикского поэта XVI в. Пира Султана Абдала, призывавшего в своих стихах к борьбе с феодальными угнетателями. Несомненно, однако, что в его стихотворениях получили дальнейшее развитие любовь к земле и человеку, воспевающая Юнусом Эмре, осуждение им богатеев, «пьющих кровь бедняков», утверждение равенства всех людей.

То же самое следует сказать и о раскрытии в его стихах традиционных тем суфийской поэзии: разлука с любимой, бренный мир, смерть, любовь, — обращаясь к которым, поэт многое заимствовал у Ю. Эмре.

Даже беглые сопоставления показывают, что стихотворения Пира Султана Абдала, не говоря уж об идейной близости двух поэтов, нередко совпадают с юнусовскими по содержанию. Так, Пир Султан Абдал возглашает:

Вновь от Друга весть пришла,
Взволновалось, в экстаз пришло сердце,
Вытек райский источник Кевсер из страны невесты,
Как море, взволновалось сердце [23, 215].

Оно словно бы перефразирует юнусовское «*Ata be-linden bir zaman anasına düşdü gönül*» [23, 239] — «С отцовского пояса однажды к матери своей упало сердце...».

Можно полагать, что и другое стихотворение Абдала — назире на иляхи Юнуса Эмре с редифом «*içinde*»:

Önüme bir çığır geldi.
Bir ucu var şar içinde
Bakkalar dükanın açmış
Ne istesen var içinde [23, 240].

Предо мной тропинка пролегла,
Есть ее краешек в городе,
Купцы открыли свои лавки,
Что ты хочешь в бытии?

Несомненным подражанием юнусовскому «Колесу печали» является стихотворение Абдала о стенающем тамбуре.

Принадлежащий к дервишескому ордену Алеви Бекташи Шах Исмаил Сафави (ум. в 1524 г.), известный под именем Хатаи, также создал ряд назире на стихотворения Юнуса Эмре. Во многих из них почти дословно повторяются целые юнусовские строки. Таково иляхи Хатаи:

Словно делает живым слово того, кто произносит Его слово,
Слово просветляет лик того, кто слушает нефес (песню)
старца [23, 236].

У Юнуса соответствующее иляхи, как мы помним, начинается так: «Лицо человека, знающего слово, слово просветлит...» [23, 236].

Полагают, однако, что своими подражаниями стихам Юнуса Эмре Хатаи, в целом весьма оригинальный поэт, особых успехов не добился.

Под громадным влиянием Юнуса Эмре создавал свои стихотворения Ибрахим Гюльшени (ум. в 1533/34 г.). Например, у Гюльшени:

Пришел смертный час, согнулся в пояснице — Аллах, к тебе
я простер руки... [23, 238].

У Юнуса Эмре:

Ты — милостивый, Ты — милосердный, Аллах, к Тебе
я руки простираю,
Для меня нет лекарства, кроме Тебя, Аллах, к Тебе
я руки простираю [23, 239].

У Гюльшени есть несколько стихотворений с реди-фом «ışk elinden» — «из-за любви», которые столь откровенно подражательны, что это было отмечено в свое время и составителем дивана Гюльшени.

Среди других последователей Юнуса Эмре, живших в XVI в., можно назвать Усули (ум. в 1538/39 г.), Умми Синана (ум. в 1551 г.).

Одним из крупнейших ашикских поэтов Турции является Караджаоглан (1606—1679 или 1689). Поднимая в своих стихотворениях традиционные для суфийской поэзии темы, Караджаоглан зачастую прибегает к образам и сравнениям, которые можно встретить у Юнуса. Здесь та же пшеница при описании цвета лица красавицы-крестьянки, те же картины весны, те же грустные раздумья о эфемерности бытия [38, 434—436].

Значительное место в поэзии Караджаоглана занимают «пейзажные» стихотворения. В них описания природы, как и в юнусовских иляхи, помогают оттенить внутренний мир человека, его борения и страсти.

Ряд назире на юнусовские иляхи создал Азиз Махмуд Хюдаи (ум. в 1624/25 г.).

Последователи Юнуса Эмре не только создавали бесчисленные назире на его стихотворения. Зачастую они прямо говорили о том громадном воздействии, какое оказали на них юнусовские иляхи. Характерны в этом отношении слова известного суфия Ниязи Мысри (ум. в 1694 г.):

Юнус — вот кто говорит устами Ниязи,
Коль всем нужна душа, Юнус — вот кто душа для меня
[23, 227].

Вдохновителем своих песен называет Юнуса и современный нам ашик из Аданы Қайнакчи Исмаил Эмре:

Моя голова — это Юнус,
От него привился мой черенок,
Когда я брожу в стране горя,
Это он — мой попутчик [23, 232].

К последователям Юнуса Эмре принадлежит и не так давно ушедший из жизни ашик Вейсель, который также многократно говорил о тесной связи своего творчества с поэзией ашика Юнуса. Популярность Вейселя в народе оказалась столь велика, что правительство Турции назначило ему пенсию как народному поэту — вещь доселе неслыханная.

Как это ни покажется на первый взгляд парадоксальным, но среди последователей Юнуса Эмре встречались и ярые ортодоксы, т. е. те, с кем поэт вел беспощадную борьбу в своих иляхи. Таков Исмаил Хаккы из Бурсы (ум. в 1724/25 г.). Фанатик-ортодокс, он никогда не понимал творчества поэта и «подгонял» его стихотворения под собственные представления [23, 228—229], намеренно выхолащивая еретическую суть поэзии Юнуса Эмре, играя на руку тем, кого страшили человеколюбивые идеалы поэта.

Однако, как нам думается, нельзя ограничивать воздействие иляхи Юнуса Эмре лишь рамками ашикской поэзии. Поэт, чье творчество последовательно гуманоцентрично, может быть с полным основанием назван основоположником гуманистического направления в турецкой литературе, поскольку он стоял у ее истоков. И при решении вопроса о продолжателях гуманистического направления Юнуса Эмре нельзя исходить только из чисто формальных признаков внешнего сходства стихотворений того или иного поэта с юнусовскими. Так, несколько лет назад в Стамбуле скончался известный поэт Бехчет Кемаль Чаглар. Назвав свой последний прижизненный сборник (Анкара, 1966) словами юнусовского иляхи «Внутри меня» («Benden içerî»), поэт выказал свои претензии на роль продолжателя поэзии Юнуса Эмре. Но на деле стихи, призывающие турецкого пограничника видеть за восточными рубежами страны врага, не имеют ничего общего с поэзией Юнуса, осуждавшего ненависть, призывавшего к равенству и братству между людьми.

Таким образом, продолжатели юнусовского направления в турецкой литературе — это не те, кто наследует у поэта лишь форму, внешние признаки иляхи, а те, кто успешно усвоил и развивает гуманистические идеалы, человеколюбивое содержание поэзии своего знаменитого соотечественника.

1. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 7.
2. Энгельс Ф. Юридический социализм.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 21.

ИСТОЧНИКИ И ПЕРЕВОДЫ

На турецком языке

3. Araz N. Dertli dolap. İstanbul, 1961.
4. Eyuboğlu S. Yunus Emre. İstanbul, 1971.
5. Gölpınarlı A. Mevlâna. Hayatı, eserinden seçmeler. İstanbul, 1963.
6. Gölpınarlı A. Yunus Emre divanı. İstanbul, 1943—1948.
7. Gölpınarlı A. Yunus Emre. Hayatı, sanatı, şiirleri. İstanbul, 1960.
8. Gölpınarlı A. Yunus Emre. Hayatı ve bütün şiirleri. İstanbul, 1971.
9. Hatipgil K. S. Yunus Emre — Hayatı, Şahsiyeti ve Seçme Şiirleri. Ankara, 1968.
10. Simavi Bedrettin. Varidat'tan — I. Tatarlı. Eski türk edebiyatı. Metinler. Sofya, 1973.
11. Tam ve tekmil Yunus Emre divanı. İstanbul, 1965.
12. Toprak B. Yunus Emre divanı. İstanbul, 1960.

На русском языке

13. «Книга моего деда Коркута». Пер. акад. В. В. Бартольда. М.—Л., 1962.

На западноевропейских языках

14. Menzel Th. Köprülüzade Mehmed Fuad's Werk über die ersten Mistiker in der türkischen Literatur.—«Körösi Csomaarchivum». Budapest, 1932. Bd II, Hf. 6.

На турецком языке

15. Ali Hasan. Türk edebiyatına toplu bir bakış. İstanbul, 1932.
16. Banarlı N. S. Resimli türk edebiyatı tarihi. İstanbul, 194[9].
17. Ergun S. N. Türk edebiyatı tarihi. İstanbul, 1932.
18. Eyuboğlu S. Yunus Emre'ye selâm. İstanbul, 1966.
19. Eyuboğlu S. Yunus Emre.—«Yeni ufuklar mecmuası». 1962, № 2.
20. Gölpınarlı A. Manakib-i Hacı Bektaş Veli — «Vilâyet — Nâme». İstanbul, 1958.
21. Gölpınarlı A. Yunus Emre — Hayatı. İstanbul, 1936.
22. Gölpınarlı A. Yunus ile Aşık Paşa ve Yunus'un batınlılığı. İstanbul, 1941.
23. Gölpınarlı A. Yunus Emre ve tasavvuf. İstanbul, 1961.
24. Gönensay H. T., Banarlı N. S. Türk edebiyatı tarihi. İstanbul, 1949.
25. Kabaklı A. Türk edebiyatı. C. II. İstanbul, 1966.
26. Kocatürk V. M. Türk edebiyatı tarihi. Ankara, 1964.
27. Köprülü M. F. Türk edebiyatında ilk mutasavvıflar. İstanbul, 1918.
28. Kunter H. B. Yunus Emre. Bilgiler-Belgeler. Ankara, 1966.
29. Levend A. S. Türk edebiyatı tarihi dersleri. İstanbul, 1943.
30. Öztelli C. Yunus Emre ve Şikâri tarihi.—«Türk dili». 1965, Haziran, № 165.
31. Sevengil R. A. Eski şiirimizin ustaları. İstanbul, 1964.
32. Yücebaş Hilmi. Edebiyatımızda Mevlâna. İstanbul, 1959.

На русском языке

33. Альяева Л. О., Бабаев А. А. Турецкая литература. М., 1967.
34. Бертельс Е. Э. Мир-Али-Шир. Л., 1928.
35. Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература.—Избранные труды. М., 1965.
36. Боролина И. В. Поэма «Кутадгу билиг». — «Наука быть счастливым». Таш., 1963.
37. Боролина И. В. Предисловие.—«Плач лани». М., 1966.
38. Боролина И. В. Юнус Эмре.—Литература Востока в средние века. Ч. II. М., 1970.
39. Брагинский И. С. 12 миниатюр. М., 1969.
40. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940.
41. Гарбузова В. С. Поэты средневековой Турции. Л., 1963.
42. Гольдциер И. Лекции об исламе. СПб., 1912.
43. Горбаткина Г. А. Пьесы-легенды Назыма Хикмета. М., 1966.
44. Гордлевский В. А. Государство сельджукидов Малой Азии.—Избранные сочинения. Т. 1. М., 1960.
45. Гордлевский В. А. Тарикат Мысли Ниязи.—Избранные сочинения. Т. 3. М., 1962.
46. Григорян С. Н. Средневековая философия народов Востока. М., 1966.

47. Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1966.
48. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
49. Европа в средние века: экономика, политика, культура. М., 1972.
50. Жирмунский В. М. О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха.— «Вопросы языкознания». 1968, № 1.
51. Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т. Узбекский народный героический эпос. М., 1947.
52. Захидов В. Ю. Мир идей и образов Алишера Навои. Таш., 1961.
53. Касимзаде Фуад. «Караван печали», или Свет во мраке. Баку, 1968 (на азерб. яз.).
54. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1873.
55. Колесницкая И. М. О некоторых древних формах народных песен.— Русский фольклор. Т. XII. М.—Л., 1971.
56. Крымский А. Е. История Турции и ее литературы. М., 1916.
57. Куделин В. Б. Некоторые вопросы истории изучения жизни и творчества Юнуса Эмре.— «Вестник МГУ», серия «Востоковедение». М., 1970.
58. Куделин В. Б. Философские и морально-этические проблемы в поэме Юнуса Эмре «Рисалет ал-Нусхия». — «Литература и время». М., 1973.
59. Лазутин С. Г. Композиция лирической песни.— Русский фольклор. Т. V. М.—Л., 1960.
60. Лихачева В. Д., Лихачев Д. С. Художественное наследие древней Руси и современность. Л., 1971.
61. Моллов Р. М. Юнус Эмре.— «Краткие сообщения Института народов Азии». М., 1962, № 60.
62. Османов М.-Н. Омар Хайям: проблемы и поиски.— Омар Хайям. Рубайат. М., 1972.
63. Очерки русской культуры XIII—XV вв. Ч. II. М., 1970.
64. Памяти Вейселя.— «Иностранная литература». 1974, № 1.
65. Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках. Л., 1966.
66. Смирнов В. Д. Очерки истории турецкой литературы. СПб., 1891.
67. Фиш Р. Г. Джалалиддин Руми. М., 1972.

На западноевропейских языках

68. Bombaci A. Storia della letteratura turca. Milano, 1956.
69. Bazin L. Histoire des littératures. P., 1955.
70. Fergar F. Some Aspects of Turkish Culture.— «Contemporary review». L., 1972, May.
71. Gibb E. J. W. A History of Ottoman poetry. Vol. 1, L., 1900.
72. Hammer-Purgstall J. Geschichte der Osmanischen Dichtkunst bis auf unsere Zeit. Bd 2. Pesth—Hartleben, 1838—1840.
73. Płaskowicka-Rymkiewicz, Borzecka M., Łabecka-Koecher M. Historia literatury tureckiej. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdansk, 1971.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СТИХИ

Ağlamaktır benim işim...

Рыдать — вот удел мой навеки¹,
Плачьте ж, глаза, с этих пор.
То не слезы — кровавые реки,
Их не прячьте, глаза, с этих пор.

Господь нас бросил в огонь,
Горенье нам стало едой,
Пока будет жизнь со мной,
Не смейтесь, глаза, с этих пор.

Не знаю, что завтра станет:
Роза ли жизни увянет,
День ли за ночью настанет —
Не знайте, глаза, с этих пор.

В мир, что ярк, не верь, он лжет,
Этот яд не клади себе в мед,
На обманчивый мироворот
Не взирайте, глаза, с этих пор.

Юнус, где же ты? У какого порога?
Скажи — и слова все дойдут до бога.
Этим морем моя пролегла дорога,
С нее не сверните, глаза, с этих пор.

¹ Первые строки стихотворений в оригинальном звучании вынесены в качестве заголовков (исключение составляют произведения, имеющие собственные наименования в турецких изданиях дивана поэта). Необходимо заметить, что стихи поэта в разных изданиях не всегда буквально совпадают.

Звездочкой отмечены при первом упоминании слова и выражения, объясняемые в примечаниях к стихам.

Aceb şu yerde varım'ola...

İ

Право, есть ли где-нибудь он,
Странник такой же, как я?
Сердце болит, слеза бежит —
Странник такой же, как я?

Сирию, Рум * я обошел,
Верхние страны * прошел.
Долго искал я. Так где же он,
Странник такой же, как я?

Пусть никто не узнает странника муки,
Пусть никто не сгорает в огне разлуки,
Господь, да не будет никто
Странник такой же, как я.

Мой язык говорит, плачут глаза,
Я о странниках стражду всегда.
Разве что в небе моя звезда —
Странник такой же, как я?

Горе это меня изведет,
Только смерть от него спасет,
Верно, в могиле меня он ждет,
Странник такой же, как я.

«Странник умер», — скажут в толпе людской,
Все узнают в три дня о кончине той,
Твое тело обмоют холодной водой,
Странник такой же, как я.

О несчастный Юнус Эмре!
Чем поможешь твоей беде?
Из города в город броди по земле,
Странник такой же, как я.

Ben yürürüm yana yana...

Y

Я иду, нестерпимо горя,
Любовь обагрила кровью меня,
Не разумен и не безумен я —
Вот во что превратила любовь меня.

То я вею, подобно ветрам,
То пылию, подобно дорогам,
То бурлю, подобно потокам, —
Вот во что превратила любовь меня.

Водой быстротечной я мчу,
Болью сердце свое растравить хочу,

Вспомню о шейхе — слезами кричу.
Вот во что превратила любовь меня.

Или руку отрежь мне, или убей,
Или к встрече с собою веди скорей,
За то, что терзал,— утешь, пожалей.
Вот во что превратила любовь меня.

Я иду из страны в страну,
Речь о шейхе веду одну,
На чужбине кто знает скитальца судьбу?
Вот во что превратила любовь меня.

Став Меджнуном *, все дальше и дальше бреду,
Любовь свою лишь во сне найду,
Когда проснусь — от тоски пропаду.
Вот во что превратила любовь меня.

Мне, Юнусу-страдальцу,— горе и муки,
Изранены сердце мое и руки,
Стал я бродягой в поисках Друга —
Вот во что превратила любовь меня.

Yine taşın deli gönül...

Сердце мое, вновь ты горем полно,
И бурлишь, как поток воды.
Я истекаю кровью давно —
Кровь ли свяжет пути?

Что мне делать? Любимая так далеко от меня,
Исцеленье придет ли от боли?
В своей стране стал скитальцем я,
А утешить меня ты не волен?

Мой попутчик, увы, потерян тут —
Сердцу придет ли награда?
Кровавые слезы из глаз текут —
Рекою станут иль водопадом?

Прахом я лег на пути твоём,
Каменносердая гора,
Нависла ты над своим рабом
И лицезреешь его свысока.

Меня по-разбойничьи полонит
Седая заснеженная гора.
В разлуке с любимой душа болит.
Скажи, как попасть мне в ее края?

Там, на вершине заснеженных гор,
Туча легла виноградной гроздью,

Это ты, распустив свои косы, потупив взор,
В тоске обо мне проливаешь слезы?

Я, Юнус, погрузился душой в забытье,
Иду по дороге, но где та страна?
Пришла невеста к Юнусу во сне —
Ты здорова, любимая, или больна?

Колесо печали — Dertli dolap

— Все ты стонешь, не утихая,
Колесо, отчего ты плачешь?
— Я стенаю, не утихаю.
Есть печаль у меня — и плачу.

Я зовусь колесом печали,
Вода струится по мне, сверкая,
От господы вышла участь такая.
Есть печаль у меня — и плачу.

Вверх я воду со дна поднимаю,
И кровавой слезой истекаю —
Свое сердце томясь, раскрываю.
Есть печаль у меня — и плачу.

Дерево как-то в горах срубили,
Жизнь молодую мою загубили,
Певцом страданья я стало отныне.
Есть печаль у меня — и плачу.

Ствол мой с гор на равнину скатили,
Ветви живые мои обломили,
Колесом для воды мне быть порешили.
Есть печаль у меня — и плачу.

На бурном месте меня поставили,
Денно и ночью вращаться заставили,
К богу любовь доказать заставили.
Есть печаль у меня — и плачу.

Юнус Эмре! Ты безумный,
Ты безумный и ты блаженный,
И Аллаху ты раб смиренный.
Есть печаль у меня — и плачу.

Yine bu bâd-ı nev bahar hoş nev'ile esti yine...

Вновь этот ветерок весны приятной свежестью повеял, вновь,
Вновь зимний холод прекратил свое самоуправство, вновь.

Вновь — эта благодать, и вновь повеяла дарующая жизнь,
Вновь подошла весна, торжественной стопой ступила вновь.

Вновь из новой казны обрядился мир в новый наряд,
Вновь обрета новую душу, трава и деревья украсились вновь.

Мертвыми были деревья и травы, теперь, ожив, они вновь растут,
Язычникам надо Истины слово, то поколение она оживила вновь.

Вновь пустыня стала зеленым лугом, текут, веселясь, пьянящие воды.
Они расплескались по всем мирам, и мир — его друг вновь.

Вновь лицо земли украсив, пышным все стало, красками
расцветилось,
Соловей опустил ся напротив розы, душу отдав розовому кусту вновь.

Слово мое — не для весны, не для зимы, пришла возлюбленная
для действия:
Благословить убитое [зимой] — цель моего падишаха вновь.

Вновь Юнус, обезумев и преступив совесть и стыд,
Испил из великого кубка ашиков вновь.

Hak Çalabım Hak Çalabım —
senden artık yok Çalabım...

Бог — мой творец, бог — мой творец, подобных нет тебе, творец,
Я грешен, милостивым будь, всеблагостный творец.
К тебе взываю, всемогущий: чем пособить этой печали?
Смотри, меня не пощади, в огне любви сожги, творец.

В любви бы твоей мне сгореть, неплом стать,
Мухаммеда, любимого мной, учеником стать, творец.

Ты не у бедных и не у баев, не во дворцах и не в сералах,
Ты в сердце страждущих вошел и там обитель обрел, творец.

Рабы — твои, а ты — рабов, как много у рабов грехов,
Отправь их в рай, для них Бурака * оседлай, творец.

Нет силы у меня и знанья, нет мощи, нет и послушанья,
И только лишь твое старанье лицо мне просветлит, творец.

С Юнусом милостивым будь и с грешными рабами,
А если твоей милости не будет — как разлука тяжка, творец.

Ey kopuz ile çeşte aslın nedürür işte...

О шестиструнный кобуз, что ты собой представляешь?
Я тебе вопрос задаю, ответь-ка мне на него.

Говорит он: моя основа — дерево, а к нему — несколько струн,
Приди, повеселись, послушай и уходи, умом не раскидывай
понапрасну.

Меня называют греховным, но я не вордовское дело,
Поскольку суть моя чиста, да и чему быть в струнах?

Струной меня назвали, погрузись в любовь, сказали,
Мне имя любовь дала, суесловья я избегаю.

Я радостно пришел и заполнил этот мир,
К благим делам устремился, в этом состоянии был оставлен.

Содрали с дерева кору, к нему приладили струну,
Погрузился он в море любви, и в этом сомнения нет.

На беседе у Мевляны * он и саз были опьянены,
В смысл познавшего погрузился, ибо он с ангелами вместе.

Вспоминая ангелов, ты узнаешь, что такое желаемое,
И день и ночь они (ангелы.— В. К.) с тобой в каждом
твоем деянье.

Тех ангелов имена — Кирамен, Катибин *,
Пишут они неустанно и беспрерывно летом и зимой.

Один из них — на правом твоём плече, другой — на левом,
Один записывает твои добрые дела, другой — плохие.

Не кончаются у них ни бумага, ни чернила,
Не стираются их перья — они постоянно заняты делом.

То в кабак приходят они, то — к идолам на поклоненье,
Они укрывают тебя, а ты беззаботен в этом деле.

Юнус, ты теперь непорочному богу вознеси в сердце хвалу,
Не отделяй от постигшего Истину этот шестиструнный кобуз.

Gider idim ben yol sira yavlak uzamış bir ağaç...

Шел я дорогой, возле нее пышно раскинулось дерево,
— Ты так стройно, так красиво,— сердце сказало мое, —
открой мне несколько тайн.

В чем смысл широко простирать свои ветви, ведь этот мир
не вечен,
Это — символ ненужности, прочь от пышности к нищете.

Стремясь к великолепию, воплощенному в такой красоте,
Сердцем устремляясь к богу, чего ты просишь, чего жаждешь?

Время проходит: дерево сохнет, птица на ветке проводит
И дереву больше уж птиц не видать — ни голубя и ни грифа. ^{мгновенье, —}

Однажды наступит твоя погибель, твой высокий ствол рухнет
Твои ветви в огонь попадут, чтобы кипятить котел, раскалять ^{на землю,}
железо.

Каков ты теперь, Юнус? За тобою немало грехов — ста тысяч
Спроси у сухого дерева дорогу и не спеша продолжай свой путь. ^{не меньше.}

Gayrıdır her milletten
bu bizim milletimiz...

От любого народа отличен наш народ,
Ни в одной религии не сыскать нашей веры и набожности.

В этой вере и набожности, у семидесяти двух народов*,
В этом мире, на свете том отличаются наши стихи [от Корана].

Без омовения чистой водой, без движения руками и ногами,
Без поклонов совершается наше послушанье.

Без Каабы и мечети, без отбивания поклонов и простирання ниц —
До бога всегда быстро доходят наши молитвы.

Если мы и посетим Каабу, или войдем в мечеть,
Иль совершим омовенье,— с нами [останутся] наши недуги.

Как чистой быть воде, когда [совершен] плохой поступок?
Оказывается, нас очищает милость бога...

Душу Юнуса обновят, когда его приверженность Другу помянут,
Если ты с любовью внимаешь [нашему слову], узнаешь нашу силу.

Söylememek harcı söylemeğin hasıdır...

Не говорить [дело] — это суть говорения,
Говорения дело — это ржавчина сердец.

«Куль нль-хак» — «Слова правдивые говори», — сказал господь, }
Говорящие сегодня ложь завтра устыдятся.

Чтобы смыть, удалить ржавчину с сердец,
Скажи такое слово, которое было бы сутью.

Тот, кто не смотрит на все созданное как на единое,
Хотя и мюдеррис * народу, бунт затеял в стане Истины.

Шариата и Истины тебе поведаю суть,
Шариат — это корабль, а Истина — море. /

Как бы крепка ни была обшивка корабля,
Морская волна ударит и разобьет его в щепы.

Сокровенное выслушай, я поведаю, о друг:
Гяур * для Истины — святой человек в шариате.

Что для пребывающих в экстазе в бесконечном мире
Ум, сердце, разум, душа и мысль?

Мы, ученики, читаем книгу любви,
Бѳг — нам мюдеррис, а любовь — его медресе.

С того дня как постигший Истину одарил нас своим чистым
взором,
Все, что ни случается с Юнусом, все ему на пользу.

Hakıyat erenleri Şer'ile bilmediler...

Постигшие Истину не с шариатом [ее] узнали,
Жизнь Истины лицемерием не оживляли.

Истина — это море, шариат — ее корабль,
Многие взошли на корабль, а в море не попали.

Многие пришли к дверям, пытались их открыть,
Но внутрь не вошли и что там [внутри] — не узнали.

Сыны шариата беседу переводят в спор,
Постигшие Истину в спор не вступали.

Тот, кто толкует смысл четырех священных книг *, —
в Истине бунт поднимает,
Те, кто читал тефсир *, смысла его не узнали.

Юнус, убей свою плоть, раз ты вышел на этот путь,
Не убившие плоти своей этого мига [слияния с Истиной] не отыскали

İlim ilim bilmektir ilim kendinin bilmektir...

Наука наук — знать, наука — себя познать,
Если себя не знаешь, как же [тогда] учиться?

В чем же учения смысл? Человека, бога узнать.
Когда ты выучился, но не знаешь — да это же бесплодный труд.

«Я учился и узнал», — не говори, «Много я молился», — не говори,
Если ты бога не познал, — это бег к пустому месту.

Смысл четырех священных книг виден в одном алифе *,
Ты не знаешь алифа, что это за учение?

Ты изучаешь все двадцать восемь букв *,
Ты «алиф» произносишь, хаджа *, а в чем его смысл?

Юнус Эмре говорит: «Хаджа, можешь отправиться в тысячу хаджжей *,
Но лучше всего — войти в одно сердце».

Biz kime âşıksavuz âlemler ona aşık...

Кому ашики мы, для тех и миры ашики,
Кому скажем «нет»? Одни врата, один путь.

Того надо любить, кого любит возлюбленная.
Другу моего Друга зачем чужое беспокойство?

Если ты истинный ашик — другу Друга будь другом,
Если же ты не таков — «мой Друг» не говори.

Кого ты считаешь ничтожным, суть того высока,
Не унижай его, а почитай! Таков этот твой путь.

Если ты ашик, пожертвуй себя семидесяти двум народам,
И ты воистину станешь имамом * среди настоящих ашиков.

Если ты любишь бога — бог тебе открывает врата,
Оставь самодовольство, разом разрушь дом бытия.

Благородный, низкий, послушный, мятежный — все они рабы Друга,
Кому ты можешь сказать: покинь свой дом и приди?

Это слово Юнуса — наука о тайном сокровище.
Ашики Друга свободны от обоих [земного и небесного] миров.

Erenler bir denizdir aşık gerek dalası...

Постигшие Истину стали морем, куда ашику нужно войти,
Нужно море, чтобы в него погрузиться и драгоценных камней
набрать.

Вновь мы морем стали, камней в море набрали,
Нужен теперь меняла, чтоб цену камням назвать.

Иди и молчи о том, что за сделку ты предлагаешь,
Нужен муж такой, как Али, чтобы эту тайну узнать.

Мухаммед Бога познал, бога в себе увидал,
Повсюду присутствует бог, нужны глаза, чтоб его увидеть.

Сказал я это его заклинанье по воле ашиков,
Нужен муж благородный, чтобы решение принять.

Книгу ученые пишут, на белое черное нижут,
Суры * книги этой должно в сердцах писать.

Прочь отсюда, двуличный суфий — на какое лицемерье пустился!
Кто же придет пожеланье от бога рабам передать?

Пристанище бога в сердце, стих его есть в Коране,
Выше божьего трона только башня любви, этой крепости
вечно стоять.

Таким я стал безумцем, что сегодня от вчера не отличаю,
Сердце пронзила стрела любви, этой раны боль не унять.

А теперь, несчастный Юнус, ступай и блаженных коснись полы,
Несчастные все они, в небытие им выход искать.

Her nereye döner isem
ışk iledir ışım benim...

Куда бы я ни обратился, любовь направляет деянья мои,
Она и тревожит мне сердце, но любовь — спутник мой.

Из-за тех, в ком нет любви, горит моя душа, и потому
раскрывается тайна моя,
Как только увижу ашиков, я весь загораюсь.

Эта любовь нам дарована от бога, она душа нашей души,
Вот почему каждый миг во мне идет борьба с шейтаном.

Моя душа — птица, для которой мое тело — клетка,
И однажды, когда придет весть от Друга, улетит моя птица.

Я пришел, мир узрел, сегодня иль завтра уйду,
Я здесь не могу веселиться, в этом мире дело мое не завершается.

Юнус говорит: «Я ашик, и ашик, и преданный я,
Как и у других ашиков, нет у меня ничего показного».

Dost senin aşkın oku
key katı taştan geçer...

Друг, стрела Твоей любви самый твердый камень пронзает,
Человек, отдавшийся любви [к Тебе], погибает, рассудок теряет.

Он денно и ночью стонет, с любовью к Тебе он возлюбленным
становится,
Он, чьи хлопоты — это Ты, все беспокойства изведает.

Сердца отдавшихся [любви к Тебе] непрестанно горят,
Тот, кто отдал себя Тебе, все дела свершит.

Любовь к миру отравленной пище подобна,
Человек, думающий о конечной цели, одолеет [соблазны]
отравленной пищи.

Обладающий умом не за награду трудится,
Он гурьями * не обманется, красоту глаз и бровей отвергает.

Стань же истинным ашиком. Станешь — души отдать поспеши,
Ради торжища с Другом через сколько тысяч случайностей
он проходит.

Постигшим Истину этот мир предстает как мечта и сон,
Отдавший себя Тебе мечты и сны преодолеет.

Сердце, глаза Юнуса нежностью любви полны,
Избравший беседу [с Другом] незнание и знание одолевает.

Miskinlik ile gelsin kimde erlik varısa...

Пусть нищим явится тот, в ком есть достоинства мужа,
С лестницы пусть столкнут того, кто смотрит свысока.

Сердце высоко идет, постоянно сбивается с пути,
Он занят своим внешним обликом, а что у него внутри?

Не знает совсем белобородый старец, каково положение.
Пусть не вкусит он [плодов] труда, если сердце его
к хаджжу склоняется.

Сердце — создателя трон, создатель на сердце взглянул,
Два мира * — это его несчастье, если оно сердце сокрушает.

Глухой его слова не слышит, принимает ночь за день,
Слепы отрицающих глаза, если мир и озарен [светом].

Немногословье — блаженных груз, многословье — скотины груз,
Знающему достанет [одного] слова, если есть в тебе суть.

Кем бы ты ни считал себя, другого [не ниже] полагай,
Таков смысл четырех священных книг, если есть он.

Ты узнал, что пришедшие прошли, осевшие назад откочевали,
Верно, испил вина любви тот, кто смысл чувствует.

Пусть Юнус с пути не сойдет и высоко не окажется,
Пусть могилу и мост Сырат * не увидит, если его любовь —
это встреча, соединение [с богом].

Bir kez yüzünü gören ömrünce unutmaya...

Раз увидавший Твое лицо не забудет его, пока жив,
Его четками будешь Ты, другую веру он не примет.

Если Твой взгляд коснется отшельника, совершающего молитву,
Он забудет свои четки и поклоны перед михрабом *.

Взявший в рот сахар и вперивший глаза в Тебя
Забудет разжевывать сахар и проглотить.

Мою любовь к Тебе называют дорогой,
Если [за нее] отдадут сокровища обоих миров, и то будет мало.

Если два мира заполнятся виноградниками и садами,
Не вырастут [в них] роза и базилик с запахом более
прекрасным, чем у Тебя.

Если гурии из восьми раев * нарядятся и придут,
Мое сердце, полное любви к Тебе, их не воспримет.

Запах розы и базилика — это ашик и взлюбленная,
Взлюбленная ашика никогда не покинет его.

Азраил протрубит, и все твари замрут,
Но мои уши, кроме Твоего голоса, не услышат ни звука.

Если даже Венера сойдет с небес и начнет перебирать струны
своего саза,
Я не отведу от Тебя моих глаз — только Ты меня опьянишь.

На что все богатства и оба мира без Тебя?
Ты превосходишь оба мира, да не усомнится [в этом] никто!

С той поры, как Юнус возлюбил Тебя, радостной стала его душа,
Каждый миг в новом бытии, он жизнь свою не состарит.

Kanda bulam isteyiben ey gönül
seni kandasın...

Где отыщу тебя, возжелав, о сердце, где ты?
Богом клянусь, что ты там, где разруха, сердце.

О сердце, с той поры как я тебе внял, лицов мое поблекло,
Да снизойдет на тебя благодать, ибо где б ты ни было,
ты — безумно.

Миг — ты сияешь, миг — пребываешь в печали,
Мирам ты именем и знаменьем являешься, ты пленено горем,
ты — исцеленье.

Миг — ты набожно и благочестиво, миг — мятежно, миг — послушно,
Миг такой наступает, сердце, когда ты вне религии и вне веры.

Как только любовь над нами пройдет, мы взволнуемся,
придем в экстаз,
Миг такой наступает, сердце, когда ты в мечети и Коране.

Кайсери, Тебриз и Сивас, Нахичевань, Мараш и Шираз,
Сердце, тебе близок Багдад *, для миров ты блаженно.

Юнус, помолись, не проливай влагу глаз —
Будь то сегодня или завтра, но ты приносишь жертву богу.

Teferrüc eyleyi vardım,
sabahın sinleri gördüm...

Я отправился побродить — и могилы утром увидел,
Вперемежку с черной землей изящные тела увидел.

Кто в печали, а кто в радости, лежат они, скрытые в своих могилах,
Иссохшие вены, застывшую кровь, истлевшие саваны я увидел.

Они были сокрушены, опущены в могилы, их дома разрушены,
От всех они забот освобождены — в таком тяжелом состоянии
их увидел.

На их яйлах* скот больше не пасут, на зимовках не зимуют,
Заржавевшие, онемевшие языки в их устах увидел.

У кого в довольстве и опьянении, у кого в ликовании и радости,
А у кого в беде и несчастье — дни проходившие и ставшие ночью,
увидел.

Те погасшие черные очи, те утратившие красоту луноподобные лики,
Руки, в черной земле собиравшие розы, увидел.

Кого с согбенной спиной, со склонившимся к земле телом,
Ушедших с обидой на мать — груды тел увидел.

Кто-то из них рыдает и плачет — черти в аду клеймят их души
раскаленным железом,
Занявшиеся огнем могилы, поднимающийся дым я увидел.

Когда Юнус увидел это, он пришел и нам обо все поведал,
У него был ум, но он растерялся, когда все это увидел.

Sabahın sinliğe vardım,
gördüm cümle ölmüş yatar...

Утром пришел я на кладбище и увидел — кругом мертвецы лежат,
Все они, несчастные, с жизнью расставшись, лежат.

Я приблизился к ним, взглянул на величие смерти,
Сколько молодцов, цели своей не достигнув, умерли — лежат.

Изглодали их звери, исклевали птицы, скольким из них
ящерицы сердце прогрызают,
Эти — совсем еще юные, увяли, как роза, — лежат.

Тела их попали в ловушку, с богом встретились души,
Ты разве не видишь? Черед их пришел — и лежат.

Выпали их жемчужные зубы, осыпались русые волосы,
Кончились все их заботы согласно божьему повелению —
и в сыром месте лежат.

Померкли зрачки их глаз, да теперь они не нужны им совсем,
Их кости обернуты в саван — лежат.

Юнус, коль истинный ты ашик, себя не украшай богатством,
Ведь украсившие себя богатством прахом стали — лежат.

Ata belinden bir zaman
anasına düştü gönül...

С отцовского пояса однажды к матери упало сердце,
От бога нам пришло позволение — и в казну упало сердце.

Там Он наделил меня душой, плотью, костями и кровью наделил,
Сорок дней прошло — биться стало сердце.

Я двигался скрытый в своем тайнике, бог еще не дал
повеленья мне,
С моей страной разлучили меня, в этот мир упало сердце.

Меня бросили в колыбель, по рукам и ногам спеленали,
Сначала боль причиняли — в соль упало сердце.

В день два раза разворачивали, акче * на голову клали,
Грудь пососать давали — в оковы плоти попало сердце.

Еще ребенок — я стал султаном — кто руку, а кто лицо целует,
Ум мне товарищем был — к султанству склонилось сердце.

С возрастом расти борода начинает, кто видит это — тому смешно,
У красавиц теперь пропадает — в любовь погружается сердце.

Больше, чем к добру, ко злу стремится, очень торопится
Желаньям своей плоти следует — в дом плоти упало сердце.^{действовать,}

В сорок пять облик меняется, в черной бороде серебро появляется,
Когда смотришь и видишь старость — в путь отправляется сердце.

Уходит в путь, и успеха нет, к молодости руки не дотягиваются,
Оставив эти дела, безразличным становится сердце.

Сын говорит: «Спятил, не умирает», дочь говорит: «С места
Совсем никто положенья его не знает — из одного состоянья
в другое попало сердце.^{не сдвинется».}

Когда умирает, возносят [богу] хвалу, к могиле направляются,
Поминают имя Аллаха — весьма благодарным стало сердце.

Воду приносят, чтобы обмыть, в саван рядят, чтоб опустить
На деревянную лошадь сажают — на покойнический стол упало
сердце.^{в могилу,}

Если есть у тебя цель, просторной будет могила твоя,
Если цели нет у тебя — огненного вина испило сердце.

Юнус, свое положенье пойми, туда же приведет твой путь,
И сколько сил будет в твоих руках, направь их к благим делам;
о сердце.

Hak bir gönül verdi bana
hâ demeden hayrân olur...

Такое сердце мне дал господь, что оно без слов удивляется,
Миг — оно веселится, миг — оно рыдает.

Одно мгновенье — оно как зима, как самая лютая стужа,
Другое — рождаясь из радости, становится цветущим садом.

Миг — не может ничего промолвить, ни слова не изречет,
Миг — и его уста рассыпают жемчуг, становятся исцеленьем
для страждущих.

Миг — восходит над небесным тронem, мгновенье — спускается
в земную глубь,
Миг — кажется каплей оно, в другое мгновенье — разливается,
становясь океаном.

Миг — пребывает в невежестве, в неведении обо всем,
Миг — погружается в мудрость, Джалинусом * и Локманом *
становится.

Миг — становится дивом * иль пери, его обитель — развалины.
Миг — с Балькис * парит, становясь падишахом людей и джиннов *.

Миг — попадает в мечети, падает там ниц,
Миг — и в церковь вступает, читает Евангелие, превращается
в монаха.

Миг — оно, как Христос, воскрешает мертвых,
Миг — оно входит в дом гордыни, становится Фирравном *,
Хаманом *.

Миг — возвратившись, ниспосылает милость на Джебраила *
и каждое собрание людей,
Миг — сбивается с пути, и несчастный Юнус постоянно
в изумление повергается.

Ben bende buldum çün Hak'ı
şekk ü güman nemdir benim...

Когда я бога в себе нашел — что мне сомнения и колебания?
Если не вижу лик Друга, мои глаза — что они для меня?

Пускай придет молитву творящий, о девяноста тысяч нужд
говорящий,
Вовне молитву вершащий, пусть увидит, что есть тот Друг у меня.
Мусою * став, на Тур-гору * взойду, сияньем став,
Словами став, с уст слечу — звуки трубы [Азраила]
из глаз прольюсь,
что для меня?

Мусой приходит, на Тур-гору восходит, туда добирается,
сиянье зрит,
Кроме Друга, до атома ничего не видят глаза мои.

Он меня со мной объединил, к тому Другу я верой проникся,
Ради единства сказал «кямет» * — двуличье, послушание
что для меня?

Тот Друг меня незнающим назвал, незнающим также окрестил,
Язык мой — сахар, телё — тростник — это говорящий
что для меня?

Незнающий я, Юнусом я зовусь, девять отцов *, четыре матери *
у меня,
Упав в огонь любви, горю — торг и рынок что для меня?

Din ü millet sorarısan
aşıklara dın ne hâcet...

Ты хочешь узнать религию, народ, но зачем ашикам религия?
Человек-ашик разоренным бывает, ашик ни религии, ни веры
не знает..

Ашики теряют сердце и глаза из-за возлюбленной.
В другом обличье что остается, кто будет набожным и послушным?

Благочестивый — для рая, неверующий — для ада,
Ашик равнодушен к тому и другому — на что указывает этот
признак?

Каждый, кто любит Друга, должен направиться к Другу,
Как только его делом и силой станет Друг, он от всех дел
станет свободным..

Кто, подобно ему, принесет о возлюбленной весть?
Джебраил и ангел несовместимы — вот каким оказался признак.

Там не будут допрашивать тех, кто оставил мир этот и тот —
О чем спросят Мюнкир и Некир *, когда будут оставлены
все желания?

Страх и надежда уже не посетят того, кто оставил бытие
и небытие..
Там не вмещаются наука и дела, нет там ни весов, ни моста
над адом..

Это торжище светопреставленья любому рабу внушает ужас,
Но ты, Юнус, вместе с ашиками совсем не увидишь Судного дня..

Bize dîdar gerek dünya gerekmez...

Нам нужно свидание [с Другом], мир [этот] не нужен,
Нам нужен смысл, тяжба не нужна.

Для нас эта ночь — священная Ночь откровения *,
Оставь, пусть не наступит утро — рассвет нам не нужен.

Налей нам вина любви, о виночерпий,
Нам в раю райской реки Кевсер * не нужно.

Мы выпьем бокалы, полные до краев,
Пьяными мы не станем — похмелье нам не нужно.

Юнус, опьянев, упал на улице,
Он вызывает к своему Тапдуку * — стыдиться не нужно.

Aceb aceb ne nesnedir
bû derd ile firak bana...

Что за удивительные вещи это горе с разлукою для меня,
Они душу мне опьянили, они — яд любви и опium для меня.

Кто терзаем горем — пусть средства испросит от своей печали,
Мое горе утолив, исцелением стало это горе для меня.

Если говоришь: «Огнем любви гори», если говоришь: «В сердца
войди», —
Рассеется тьма — зачем же тогда свеча для меня?

Читай хоть тысячу раз в день книги, ниспосланные с небес,
Если блаженных не приемлешь — постиженье далеко от тебя.

Несчастный Юнус, не возгордись пред блаженными, прахом
пред ними стань,
Из земли произрастает все. Розовый сад — вот что земля
для меня.

Bir nazarda kalmayalım
gel dosta gidelim gönül...

Не останемся больше под взглядом чужим, пойдем, отправимся
к Другу, сердце,
В тоске не умрем, пойдем, отправимся к Другу, сердце.

Пойдем же, отправимся, душу не останавливая, обличье оставив,
Врага не пустив, пойдем, отправимся к Другу, сердце.

Пошли вперед поскорей, приготовимся к встрече с Другом,
У шейха нашего остановимся, пойдем, отправимся к Другу, сердце.

Город, страну покинем, будем стенать о Друге,
Невесту свою достигнем, отправимся к Другу, сердце.

В этом мире не останемся, он преходящ — не обманемся,
Единые не разделимся, пойдем, отправимся к Другу, сердце.

Пройдя через этот мир, полетим в страну того Друга,
Голос плоти презрев, пойдем, отправимся к Другу, сердце.

Поводырем мне будь, направимся к Другу,
Не будем смотреть вперед, пойдем, отправимся к Другу, сердце.

Этот мир не вечен, открой глаза, повинуется твоя душа,
Мне Другом и невестой стань, пойдем, отправимся к Другу, сердце.

Пока не пришла весть от смерти, пока смерть не схватила за ворот,
Пока не набросился Азраил, пойдем, отправимся к Другу, сердце.

К настоящим блаженным придем и спросим о боге,
Юнуса Эмре возьмем, пойдем, отправимся к Другу, сердце.

Bir kez gönül yıktınsa
bu kıldığın namaz değil...

Если ты сердце хоть раз разбил, поступок этот — не намаз *,
И семьдесят два народа не умоют твоего лица и рук.

Что за блаженные явились, прошли, покинули страну, откочевали,
И, воспарив, улетели к богу — они птицы-фениксы, не утки.

Путь — то, что к правде приведет, глаз — то, что узрит бога,
Блажен тот, кто будет стоять внизу, смотрящий с высоты —
это не глаз.

Если ты пошел праведным путем, если коснулся полы блаженного,
Если помог кому-то, уже это одно — тысяча благих дел.

Юнус эти слова чеканит, словно мед на масло накладывает,
Людям товары продает, груз его — драгоценность, а не прах.

Ne der isem yortum yürür
elimde firman tutarım...

Что б я ни сказал, сам выношу приговор, в руке фирман * держу,
Что я ни скажу, приговор мой — душа, господина решенья держу.

Люди, джинны, дэвы и пери в моем подчинении,
Свой трон ветром переносу, печать Сулеймана * держу.

Мир — моя пища, его сила — моя сила,
Каждый миг исполняю свой приговор, я душой приговор выношу.

Дьявол и Адам, что сбиваются или сбивают с пути,—
Все мое: хорошее и плохое, все я держу.

Душа — у тебя, жаждущего живой воды,
А вступающего во тьму — его за скота держу.

Если я без Него [останусь] — умру, если с Ним — буду жить,
Вы не думайте, что я жизнь все время за душу держу.

Моя вера, религия моя — Он. Если я [останусь] в мире без Него,
Ни идолу, ни богу не буду поклоняться, ни религии, ни веры
не буду признавать.

Юнус говорит: «Нет никакого сомненья у меня, что Он — это я,
а я — это Он,
Что я говорю, исполняет Друг, что скажет Друг — я исполняю».

Din ü millet kodurdu
ol benim canım alan...

Заставил забыть религию и народ тот, кто душу мою забрал,
Человеку, который Его ощущает, не остается ни сердца, ни души.

Те, кто не знает про мое положение, «Ты забыл религию», —
утверждают.
Чем поддержишь веру ты, оставшийся без сердца, без души?

В моем внешнем обличье мое бытие сердцем и душою было,
Он, меня на любовь благословивший, все это отнял.
.

Условий и предписаний нет для того, чья душа отдана любви,
Он говорит с самим собой — откуда знать тебе этот язык?

Он заставил руки бросить работу, заставил подходить
[ко всему] одинаково —
На торжище дружбы забыли мы о пользе и вреде.

Он забрал мое «я» от меня, книгу закрыл бытия,
Страх и надежды не проявляет тот, из чьих рук выходят
добро и зло.

Не спрашивайте у Юнуса о том, где Друг, — он там,
Освободившийся от ста тысяч сокровищ, погружается в море любви.

Hak'tan inen şerbeti içtik
elhamdū lillâh...

Богом ниспосланный шербет мы испили, слава Тебе,
То море могущества мы переплыли, слава Тебе.

Те горы, что напротив, виноградники, дубовые рощи
Преодолели благополучно и спокойно, слава Тебе.

Мы были сухими — зелеными стали, ногами были — головою стали,
Окрылились — птицами стали, улетели, слава Тебе.

По странам, куда мы пришли, в тех чистых сердцах
Мы Бабы Тапдука * ученье распространяли, слава Тебе.

Приходи же сюда, подружмся. Если ты чужой — познакомимся,
Наши кони оседланы, мы поскакали, слава Тебе.

Мы спустились, в Руме зазимовали, много разных дел сотворили,
Весна пришла — откочевали, слава Тебе.

Мы разрозненными ключами были, объединились, рекою стали,
Потекли, влились в море, разлились, слава Тебе.

В присутствии Тапдука мы рабами стали у его дверей,
Несчастный Юнус, мы незрелыми были — созрели, слава Тебе.

Işksızlara verme öğüt
öğüdünden alır değil...

Чуждых любви не поучай, они не внемлют советам,
Люди, не знающие любви,— животные, [а] скот назиданий
не понимает.

Избегай людей порочных и невежд,
Бог от ничтожных устает, ничтожным встречи [с богом] не видать.

На черный камень ты будешь воду лить и нагревать [его]
полсотни лет,
Он таким же обычным камнем и останется, искусно сделанным
камнем не будет.

Из-под камня пробиваются струйки разной воды — что только возле
нее не вызревает,
Сердце невежды хуже камня, невежда не приходит, не придет.
.

Солнце этих двух миров явственно мир изменило,
Невежда полагает его умершим, оно само не умерло, не умирает.

Юнус, не будь невеждой из невежд и от людей не удаляйся;
Что есть невежда? Ведь верящий невежеством не страдает.

Işbu vücud şehrine
her dem giresim gelir...

Каждый миг я стремлюсь войти в город бытия,
Я хочу видеть в нем (городе.— В. К.) лицо Султана.

Я слышу слово Его, но не вижу лица Его,
Чтобы видеть Его лицо, я хочу душу отдать.

У того Султана есть семь камор в его келье,
Внутри этих семи я хочу побывать.

У каждой двери стоит человек и по сто тысяч солдат,
Мечом любви опоясавшись, я хочу их всех сокрушить.

Лейли * и Меджнун — это я, безумный блаженный. Милостивый —
я,
Чтобы лиц Лейлы увидеть, я хочу стать Меджнуном.

Друг гостем стал нам, сколько лет, сколько времен,
Вместе с истинным Исмаилом * я хочу жертвой стать.

Взгляд блаженных землю в драгоценность превращает,
Я хочу стать прахом у ног блаженных.

Плоть несчастного Юнуса — из четырех элементов,
С любовью скрытно проникнуть в тайну души хочу.

Ben dervişim diyen kişi
işbu yola âr gerekmez...

Человек, говорящий: «Я дервиш», не стыдится — этого пути
стыдиться не надо.
Сердце людей, ставших дервишами, широко — узким ему
быть не надо.

Дервишу смиренным быть надо, на брань промолчать надо,
Удар без ответа оставить надо, чужим ему быть не надо.

Если дервиш ты, весь мир тебе друг, дервиш,
Смени гордость на [хороший] характер, там чужим быть не надо.

Богатство людей, ставших дервишами, — это нищета,
Кроме нищеты, нам ни добра, ни богатства, ни городов не надо.

Если ты руку постигшего взял, сердце постигшему отдал,
Если ты пришел, покайся, постигшему отрицанья не надо.

Юнус, ты постигшего увидел, но не преувеличивай увиденного,
Говоря о том и об этом, дервишу разбрасываться не надо.

Sen bu cihan mülkünü Kaftan — Kafa
tuttun tut...

Ты богатства этого мира все захватил, держись,
И, разыгрывая богатства этого мира, победил — держись.

Осчастливленный, воссел ты на трон Сулеймана, знай,
Дэвам и пери выносил ты простые повеленья — держись.

Ты — казна Феридуна * и вместе с богатствами НушERVана *
Приобщил [их] к золоту Каруна *, ты к его богатству
приобщил — держись.

Мир — это ломоть, что во рту у тебя разжеван, знай,
Что глотать разжеванное, вот ты его проглотил — держись.

Твоя жизнь — предлинная стрела, теснимая тетивой,
Зачем держать [в напряженье] стрелу, ты ее отпустил — держись,

В море когда погрузился ты, в твоё горло вошла вода,
Не рвись отчаянно на сушу, несчастный, раз ты в море нырнул —
держишься.

Каждый вздох, каждый выдох деньги жизни уносит из кошелька,
Когда кошелек ополовинен — это значит, что ты деньги почти
растратил — держись.

Если жизнь твоя долгие годы в довольстве проходит, Юнус,
То её окончанье — одно лишь дыханье, ты прошёл — держись.

Hiçbir kimse bilmez bizi ne işin içindeyiz...

Совсем никто не знает нас, чем мы заняты,
Нет сильных у нас страстей, и мы не поглощены плотскими
влечениями.

Ничье богатство не порицаем и не смеемся над ним,
Учёных не отрицаем и не находимся у креста христиан.

Зачем мы в миру остались, что это такое, мы узнали.
Наше желанье — не плоть [ублажить], мы свой путь по миру
совершаем.

Юнус говорит: «О мой Султан, у меня есть другой шах,
Оставь мир: Ты — золото и серебро, мы не в меди и бронзе
[пребываем]».

Bu dünyanın meseli bir ulu şara benzer...

Этот мир на огромный город похож,
А жизнь наша — на быстротечный базар похожа.

Каждый, кто в этот город вошёл, задержался там на мгновенье —
На путешествие, из которого обратно не возвращаются, похож.

Сначала вкус этого города слаще сахара, меда,
Но ощути горечь конца, она на тот яд змеинный похожа.

Сначала он сердце полонит, словно красавицы,
В конце заставляет отворачивать лицо, на старого обманщика
похож.

Этого города грезам нет числа и предела,
Обманувшийся этими грезами на пасущийся скот похож.

.

Постигший свою сущность узнал свое состояние,
А постигший [бога] своей любовью на весну похож.

Взгляни на Юнуса несчастного, он горем поражен,
Каждый его нефес * на мед и сахар похож.

Hiç bilmeyiz kezek kimin?
Aramızda gezer ölüm...

Совсем не знаем, чей черед? Среди нас бродит смерть,
Народ [она] сделала своим огородом, угнетает человека смерть.

Сколько она в поясе сгибает, сколько богатства разоряет,
Сколько плакать заставляет — силу бытия уничтожает смерть.

У одного отнимает брата — льются тотчас же слезы из глаз,
Боль сердца никогда не проходит — добрых дел чурается смерть.

Где его возлюбленная невеста? Молись, ищи и иди,
Несчастный Юнус так говорит: «[Даже] драконов губит смерть».

Geldi geçti ömrüm benim
şol yel esip geçmiş gibi...

Пришла и прошла жизнь моя, как ветер, что подул и пронесся,
Она так быстро промелькнула: словно глаза открыл — и закрыл.

Свидетель этим словам — сам бог, вложивший эту душу в тело.
Наступит день — душа выпорхнет и улетит, как птица из клетки.

Несчастливого сына людей пахарю уподобили,
Он — словно посеянное зерно: одно проросло, другое пропало.

Горит в этом мире моя душа, страдают глаза по одному:
По умершим молодым — будто скошен зеленый посев.

Если к больному ты пришел, глоток воды ему подал,
Завтра восстанет он там, словно испил божье вино.

Юнус Эмре, говорят, что двое людей остались в этом мире,
Они станут Хызыром *, Ильясом *, будто святой воды испили.

Yok yere geçirdim günü
ah nideyim ömrüm seni...

Впустую я свои дни провел, ах, жизнь, что с тобою мне сделать?
С тобою я не разбогател, ах, жизнь, что с тобою мне сделать?

Пришел и прошел я — не зная, заплакал — забот не вкушая,
Расстанусь с тобой, не сказав, ах, жизнь, что с тобою мне сделать?

Все — зло и добро — мне запишут, с жизнью узы мой порвутся,
Облик у меня порушится, ах, жизнь, что с тобою мне сделать?

Уйдешь ты — назад не придешь, придешь — меня не найдешь,
Это твое богатство для моего «я», ах, жизнь, что с тобою
мне сделать?

Где то, что я вверял тебе, в чем утеху искал?
Пропало все то, что я приобрел, ах, жизнь, что с тобою
мне сделать?

Несчастный Юнус, ты уйдешь, наверно, ты путь пройдешь,
Со скорбью ты останешься, ах, жизнь, что с тобою мне сделать?

Мюнаджат * — Mûnacasî

О бог, если Ты мне задашь вопрос,
Мой ответ на него Тебе будет таков:

Я Тебя не притеснял, [не] совершал греха,
Что я сделал, что сотворил против Тебя, о падишах!

Я еще не пришел, а Ты ограничил мои права,
Я еще не родился, а Ты меня назвал мятежным Адамом.

Ты извечно меня числишь мятежником,
Криками [об этом] наполняешь мир.

Я ли создал меня? Ты создал меня!
Зачем Тебе понадобилось [меня] полностью осрамить,
о владетель богатства?

Глаза я открыл и увидел, что нахожусь в темнице —
Дьявольском чреве, переполненном плотскими вожделениями.

Открой же двери темницы, чтобы я не умер!
Один, два раза я съел нечистое, оскверненное.

Разве чем-нибудь нанесен ущерб Твоему богатству?
Разве мои суждения принимались без Твоих?

Съев свою пищу, разве я оставил Тебя голодным?
И съев ее, разве я обделил Твое чрево?

Ты наводишь мост тонкий, как волос, и говоришь: проходи,
Спасай, мол, себя из моей ловушки.

Да разве может пройти человек по мосту толщиной с волос?
Он или упадет, или удержится, или вознесется.

Мост рабы делают во имя блага,
Его благо таково, что переходят с целью увидеть [Его лик].

Самое истинное основание его (моста.— В. К.) прочным станет,
Те, перешедшие, идут той праведной дорогой.

Ты весы налаживаешь, чтоб взвешивать пороки,
Ты определяешь бросить меня в огонь.

Весы нужны бакалейщику
Или купцу, разносчику и торговцу.

Коль грех — это грязь грязных,
Они в силу Его присутствия не сделают праздным Его дело.

Ты его своей милостью прикрываешь.
А после этого какой смысл Тебе вскрывать пороки
и их взвешивать?

Ты же видишь, что я страдаю, —
Для Тебя нет ничего невозможного, о творец всех созданий!

Ты всевидящ, хорошо знаешь мое положение,
К чему же тогда взвешивать мои поступки?

Не свершил ли Ты отмщенье, убив меня,
Сгноив меня, засыпав мне землей глаза?

Юнус совсем не причинил Тебе ущерба —
Ты знаешь явное и тайное.

Из-за горстки земли столько всяких слов,
Зачем это все нужно, о милостивый властелин?

Ol dost bize gelmez ise
ben dosta girü varayın...

Если тот Друг не приходит к нам, я к Другу отправлюсь, дойду,
В страданье, муках пребывая, я Друга лик узрю.

Мое имущество — горсть земли, и его отняла эта любовь:
Нет ни имущества, ни лавки у меня — зачем я на базар пойду?

Построены лавка и базар, Друг туда вошел, там бродит,
Чует сердце мое: много на мне грехов, Друга я очень молю.

Сердце говорит: «Друг — мой». Глаза произносят: «Друг — наш».
Сердце говорит: «Пред Другом смирись, однажды я весть спрошу».

На душу, которую бог одарил взглядом, надо смотреть [теми же]
глазами,
Как мне хулить того, кого бог удостоил взглядом.

Тапдук говорит: «Юнусу этому — эта любовь, если он бога
постигнет».
Всех превыше Он — как мне Его постигнуть?

Sana ibret gerek ise gel göresin bu sinleri...

Надо тебе назиданье? Приди, увидишь те могилы,
Если ты даже из камня, то расплывишься, когда взглянешь
и увидишь их.

Они, у которых товара много,— посмотри, каково теперь
их положение,
В конце они надели рубаху — да и у той нет рукавов.

Где те, кто говорил: «Богатство — мое», те, которым
не нравились дворцы?
Теперь они в доме одном лежат, над ними поставлены камни.

В дом они не войдут, молитвы не вознесут,
Это бейство не найдут — прошло их время.

Где же они, сладкоречивые? Где же они, солнцеликие?
Так и пропали с лица земли и не подают никаких знаков.

В свое время они беями были, привратники [их] стерегли,
Пойди теперь и взгляни: не узнаешь, кто из них беи и кто — рабы.

К ним двери нет, чтобы войти, и нет [у них] хлеба, чтобы поесть,
И света нет — не видят они [ничего] — их дни стали ночью.

Наступит день, и ты, Юнус, станешь тем, о чем я рассказал,
И с тобой сделают то же самое, что только что сделали с ними.

Yeryüzünde gezer idim
uğradım milketler yatar...

Шел я по земле, набрел на богатеев, что [в могилах] лежат,
Кто велик из них, а кто и мал, с тугими поясами беи лежат.

Кто молодец был из них, кто — мужем, кто — везиром,
а кто — ходжой.
Их дни превратились в ночи, таких, как они, много лежит.

Праведны были их пути, перья их руки держали,
Их речи напоминали соловьиные трели, ученые мужи лежат.

Великих и малых оплакали, храбрые полководцы пали,
В головах у них поломанные луки, приготовленные стрелы лежат.

След их коней занесло пылью, [а когда-то] перед ними шагали
барабанщики,
Приказы в свое время они выполняли, великолепные беи лежат.

Мальчики пели, как соловьи, ночи и дни —
И [из этого мира] ушли, матери их могилы стерегут, а они лежат.

С руками, выкрашенными хной, вместе со служанками,
губы которых как мед,
Розоликие госпожи с телами стройными, как копье, лежат.

Руки у всех у них сложены, надеются они на милость
господа-бога,
Кто из них слуга, служанка? Их так много, что не представить.
Юнус своего положенья не знает. Бог, вот кто его говорить
заставляет,
Сколько же у нее (смерти.— В. К.) невест белоллицых,
круглолицых лежит.

Bilir misiz ey yârenler
gerçek erenler kandadır...

Знаете ли вы, о друзья, где они, истинные блаженные?
Куда посмотришь, там они [и находятся], где пожелаешь — они там.
Слова мои для тех, кто не исполнен любви, подобны эху
от [глухой] скалы.
Знай: не имеющий ни атома любви пребывает на чужбине.
Не допусти лжи и не оболги любовь,
Тот, кто здесь произносит ложь, там пребывает в темнице.
О не познавший себя, не нашедший смысла слова,
Если стремишься к божьему бытию, [знай:] оно в той науке и
Коране.

Аллах тому, о ком я сказал, отдал, отдает бытие любви,
В ком есть хоть атом любви, в том пребывает бог.

Многие говорят Юнусу: «Постарел ты — оставь любовь».
Эта любовь к нам вновь пришла, и это еще лишь начало.

Bir Ay gördüm bu gece
kamu burçlardan yüce...

Месяц я этой ночью увидел, он выше всех небесных светил,
Сердце мое и душа опьянели, я не знаю каково мое положенье.

Сиянием месяца этого мир освещен,
Светильник в сердце моем зажжет великий ходжа.

Свет — Мухаммеда свет, тайна Ибрагима *,
Ты полагаешь, что открылось окно в рай.

Затеявший тяжбу не видит нас, даже если мы войдем в око его,
Пусть он даже сто раз отправится в Каабу, [совершит]
великий хаджж.

Из-за слов ашиков кровь и слезы из глаз его текут,
Когда соловьи перемолвятся, придет черед грифа.

Что делают с сухостоем? Валят, в огне сжигают.
Каждый, ашиком не ставший, подобен сухостою.

Те, кто хвалит Юнуса, пусть хвалят, а хулители — пусть ругают,
С любовью мы вышли в путь, найдем пристанище и на день,
и на вечер..

Şöyle hayran eyle beni
ışkın oduna yanayım...

Порази меня так, чтоб гореть мне огнем любви,
Чтоб, куда бы я ни посмотрел, обо всем, что вижу, думал:
это Ты..

Ты меня зовешь, мой султан, вот душа моя отправилась в путь,
Коль я здесь гость, как могу я веселиться?

То, что называют семью раями, не выдержат одного моего вздоха..
Ограбила меня Твоя любовь, — а как я могу выдержать?

Душа моя почувствовала Твое благовоние, покинул я этот мир,
Не знаю, скажи: где пребываешь Ты и где Тебя мне возжелать?

Каждый миг говорят о Тебе, но никак не отыскать Твой след,
Сбрось с лица своего покрывало, чтоб мне увидеть Тебя и
сгореть..

Кипит моя душа, как море, мое тело кидает, как корабль,
Между двух морей погрузившись [в пучину], я разобьюсь.

Если переплыву я семь морей, если выпью семьдесят рек,
Жажды моей не утолить, мне б ее шербетом Друга утолить.

Ашики о четырех религиях говорили, душа моя семь прошла *,
Не говорите, что много жертв: я безумный и блаженный.

Если возжелать восемь раев, если придут семьдесят тысяч гурий..
Это не обманет душу мою — здесь я как обманусь?

Те, кто постигает ученую мудрость, любви лишены,
Я Мансуром * стал, повесьте меня, чтобы обо мне говорили уста.

Возьми, заberi от меня мое «я», заполни меня собой,
Приди, Ты меня здесь убей, чтоб мне там не умереть.

Эти Юнуса Эмре слова душу заполнили криком,
Слепы неверующих глаза — как я им это покажу?

Yine yüzünü gördüm yine yüreğim yandı...

Вновь я увидел Твое лицо, вновь сердце мое загорелось,
Друг, огонь Твоей любви моего сердца коснулся.

Твой прекрасный лик увидавший, Тебе свое сердце отдавший,
Молящийся Тебе не насытился, не испытал пресыщения.

Драгоценность — суть твоя, светлее солнца — лицо твое,
Слаще сахара слово твое, каждый, кто увидел, — поразился.

Мое сердце странником было, моя печень кебабом была,
Я Твой прекрасный лик увидал — расцвел внутри и снаружи.

Юнус Эмре тверд, ожидает то прекрасное лицо,
От Тебя не отрывает взгляда, он пришел, запылал и сгорел.

Evvel dahi varıdı canımda bu ıřk odu...

И прежде был в душе моей этот огонь любви,
Я этого не разглашал: знал, что его зажег Друг.

Прочитавшие четыре книги средства не нашли от [этой] любви —
Ни беи, ни султаны, ни мюдеррисы, ни кади *.

Земля и небо вращаются, не разваливаясь на части, ветры дуют,
Конец той душе, у которой любовь Твоя станет основой. не стихая,

Я согласен на этом пути тысячу раз в день гореть,
Еще слаще, приятней, чем сахар, вкус любви.

Не мать [человеческая] родила такую любовь — и любовь
[поэтому] рабой никому не стала,
Своему решению она подчинила всех — известных и неизвестных.

Обратившиеся в Меджнунов [ради этой] любви освободились
от выгоды и ущерба,
Не боятся ни холода, ни жары, не знают об огне.

Извечны мои мысли; всегда моим раденьем было: «Я есмь бог»,
Тогда, когда еще не родился Мансур из Багдада.

Дело тех, кто отдался любви, — раскаяние,
Вот почему опорочено имя несчастного Юнуса.

Tanrı'yiçin canım canı cefâise tapdur yeter...

Если душа моей души мучается во имя бога, этого достаточно,
Хуже разлуки с Тобой — есть ли хуже мучение?

Мир видит, как огонь любви в моем сердце полыхает —
Если где-то горит огонь, поднимаются струйки дыма.

Воин любви бросил мое сердце туда, где его дом,
Душу мою Ты полонил, что мне теперь сделает враг-монгол?

Бывают султаны строги, когда их рабы согрешат,
Либо исправят этих рабов, либо на торг отдают, продают.

Юнус, не жалуйся: я, мол, страдал из-за Друга —
Заботы всех ашиков кончаются подле возлюбленной.

Bir Şaha kul olmak gerek
hergiz ma'zûl olmaz ola...

Шаху [-богу] стать рабом надо, никто да не будет сокрушенным,
На порог [бога] опереться надо, пусть никто его не отнимет.

Птицей став, лететь надо, в какой-нибудь край залететь надо,
Испить вина надо, испившие да не отрезвеют.

Рыбой живой стать надо, в море погрузиться надо,
Бесценный камень достать надо, которого совсем бы не знали
менялы.

В сад войти надо, прогулку приятную надо совершить,
Такую розу надо понюхать, чтоб она никогда не завяла.

Человеку ашиком быть надо, найти любимую надо,
Огнем любви гореть надо, а другим огнем не гореть.

Юнус, теперь приди, сядь один, обратись лицом к святому,
Мужа, такого как он, приведи, который совсем в мир не придет.

İşidin ey yârenler ışk bir güneşe benzer...

Слышали вы, друзья, что солнцу любовь подобна,
Сердце без любви камню подобно.

Из каменного сердца что произрастает? На языке [каменносердого]
яд дымится,
Как бы он мягко речь ни вел, его слово битве подобно.

Сердце, в котором есть любовь, смягчается, превращается
в свечу,
Каменные сердца засыхают, они суровой долгой зиме подобны.

У дверей того Султана, в его присутствии,
Звезда влюбленных каждый миг глашатаю подобна.

От беспокойства уйди, Юнус, даже — коль надо — от этого
искусства,
Блаженному всегда — от начала и до конца нужна любовь,
из-за нее он дервишу подобен.

Gözüm seni görmek için
elim sana ermek için...

Глаза мои, чтобы Тебя видеть, а руки, чтобы Тебя достать,
Сегодня душу в путь отправлю, чтоб завтра отыскать Тебя.

Сегодня душу в путь отправлю, а завтра Ты дашь ответ:
«Не возжелай ты его рая». Я совсем не желаю рая.

К чему мне рай, ведь сердце не погибает,
Стенанья эти мои, братья, не из-за [райского] сада.

Рай, который Ты называешь моим и куда направляешь правоверных,
Это дворец и несколько гурий — я не желаю [такого] рая.

К тому ж Ты дал нам тех гурий, пару волов и жену,
Я даже их не возжелал, [ибо] стремлюсь бежать к Тебе.

Суфиям Ты их дай, а мне нужен Ты, Ты,
Я совсем не желаю того дома и дворца.

Юнус тоскует по Тебе, покажи ему свою тоску,
Если Твои деянья не тиранство, окажи ему милость —
помоги ему достичь [Тебя].

Benim gönlüm gözüm aşktan doludur...

Мое сердце, мои глаза полны любовью,
Мой язык говорит о любимой, мое лицо мокро [от слез].

Мое тело сгорает, как алоэ,
Для тех, кто видит мой дым,— это утренний ветерок.

Крепкая броня не устоит перед стрелой любви,
Ее стрела пронзает душу, лук туго натянут.

Твоя любовь — море, а я — маленькая рыбка,
Если рыбка море покинет, она тотчас же умирает.

Я читаю моего шаха на своем языке,
Шах мой мне говорит, что каждый миг проходит.

У тех, кто любит Тебя, есть ли разум?
Если одно мгновение — разумно, то каждый миг — безумен.

Юнус, стелись прахом на дороге блаженных,
Стоянки блаженных выше небесного трона.

Bu dem yüzüm süre — duram
her dem Ayım yeni doğar...

В этот миг припадаю лицом к земле, каждый миг мой месяц
рождается вновь,
Каждый миг становится праздником для меня, лето, зима —
для меня весна.

На свет месяца моего тучи не бросят тень,
Совсем неизбежна его полнота, его свет с земли на небо
изливается.

Свет [месяца] тьму изгоняет из кельи сердца,
Да и как может тьма со светом вместиться в келье одной?

Я свой месяц увидел на земле — чего мне искать на небе?
Нужно мое лицо на земле, милость ко мне нисходит с земли.

Мое слово не для луны, не для дня, достаточно любящим слова,
Если я не скажу о том, что люблю, слово любви меня задушит.

Что случилось, если Юнус полюбил, — ведь много любящих бога,
Любящих сжигает Он, сказал Юнус, потому перед Ним он
сгибается.

Aşıkız ne diyelim ışık haberinden şîrin...

Мы — ашики. Что нам сладостней, чем вести о любви?
Внимающему с любовью поведаю потихоньку.

Любовь не сравнить ни с чем,
На этом свете и на том что может занять место любви?

Это несправедливо — поведать о любви тем, кто не наполнен ею.
Только истинному ашику поведайте мою тайну.

Осторожность и осторожность, остерегайтесь [кому-либо]
доверить беседу с Другом,
Сидя неизвестно где, я не поведаю тайну любви.

Среди менял бытует такое уложение —
Они не покажут сокровищ не знающим цену.

На собрании начала и вечности если кто-то Друга узрел,
То это — его душа, ашик, у Него спроси весть о любви.

Еще не было земли и неба, но была уже основа любви,
Любовь вечна, мою душу любовь принесла — что есть ее
(души. — В. К.) бытие?

Разум Юнуса и сердце любовью полны,
Он скрыть не сумел свое горе, не желая [того], тайну любви
разглашает.

Bencileyin gören kişi
ben sevdiğimin yüzünü...

Человек, который, так же как я, увидев лицо Того,
Безумцем станет, бросится в горы, потеряет себя. кого я люблю,

Кто благодарность вознесет за то, чтоб раз Его увидеть?
Помилуй, как оторвет [от Него] глаза Его увидавший?

Кто может поведать языком о Его совершенстве?
Нужны губы душе, чтоб испробовать соль Его слов.

То, что любит человек, о том и слова из Его уст,
Постоянно хочу говорить о Том, кто забрал мое сердце.

Куда бы ни пришел с такими сладкими словами,
Семьдесят два народа можно заставить исполнить любое
Его желание.

Только никто по своему желанию не стал Другу ашиком,
На башне любви Он зажег ашиков звезду.

От беспечальных мои слова отлетают, подобно эху от скалы,
Разделяющий ту же судьбу знает в сердце людском ту тайну.

Каждый, кто возлюбил Тебя, вечно душой не умрет,
Он каждый миг с любовью к Тебе проводит свои дни и ночи.

Если бы увидала Венера то, что лицеизрел Юнус,
Она бы забросила арфу, забыла бы свой саз.

Yârab bu ne derttir derman bulunmaz...

О создатель, что это за горе, от которого не найти средства,
И что это за рана, которая не тревожит?

Мое сердце странника любовью не пресыщается,
Оно приходит, влюбляется и уходит безвозвратно.

Возвращается сердце мое ко мне, много дает назиданий,
Сердце, которое — ашик, любовью не пресыщается.

Ашик, оставшийся с душой, ашиком быть не может,
Не покидающий свою душу возлюбленную не отыщет.

Это торжище любви, души продаются,
Я продаю свою душу, [а] ее никто не покупает.

Ашик — это человек, этот мир — его богатство,
Страх смерти он не считает и соринкой.

В этом мире, в загробном мире
Есть у ашика место — никто его не знает.

«Умер ашик», — сообщат о покойном,
Умирает животное — ашики не умирают.

Мой господин, если ты мудрец, в путь отправляйся,
На этом пути затихают боли и не спрашивают родословной.

Арена постигших — выше небесного трона,
Там размахивают чавганами, но мяча не видно.

Врата постигших — врата великодушия,
Пришедшие с верностью не возвращаются обделенными.

Юнус погрузился в это единство, ушел,
Его разум не живет желанием вернуться назад.

Ey dost senin ıřkın odu
cięerim pâre-baş kılur...

О Друг, огонь Твоей любви так мою душу терзает,
От Твоей любви мое сердце горит, и то, что я горю, радует меня.

Мое горенье в огне любви в плач превратило мой смех.
Друг, что я рыдал по Тебе, неверящим Ты становишься борьбой.

Если я говорю, мое слово — боренье, а если молчу, мое сердце —
рана,
Мир полон нечестивцами, от каждого [нам] достается камнем.

Взгляни, сколько бросается камней, сколько за Друга наносится
ран,
Приходит, проникает в сердце, нашу печаль разделяет.

Кто же знает о нашем положении? Противящийся любви,
Тот, кого мы любим, — это бог этих людей, Он глаза и брови.

Блаженные этим не ограничились, достигли [Его], на пути
к Нему и остановились,
Для истинно любящих бога весь мир стал братом.

Несчастный Юнус, познай себя, для Друга открой глаза,
Из какого угла ты не взглянешь — туда Султан приходит — солнце.

Evliyâya münkirler Hak yoluna âsidir...

Отрицающие святых — бунтари на пути к Истине,
Бунтарь на том пути — это ржавчина сердец.

Мы взвесили муки этой любви, лишь достигнув возлюбленной,
Собственно, тот Друг — средство от моего горя.

Пока не было этой земли и не были созданы небеса,
Страна святых — это крепость падишаха.

С той поры как великий Мевляна взгляда нас удостоил,
Взгляд прекрасный его [стал] зеркалом нашего сердца.

Тот Хасан Гийикли * слово сказал от себя.
Но ведь слово от бога,— так что значит его слово?

Стань же несчастным, [стань] несчастным, [и] покинут тебя
Время приходит и проходит, что потом остается?
гордыня и ненависть,

Читая и не беря в руки калама, ошибаясь, но не сбиваясь с пути,
Кто узнал эти слова о любви, Юнус, будет знать их и вечно.

Ey bana iyi diyen benim kamudan kemter...

О ты, называющий меня хорошим, [знай:] я самый низкий из всех,
У меня столько грехов, [что] другие виновные возвышеннее, чем я.

Пойди попробуй найти виновного, подобно мне, раба,
На моих устах — основные знанья, мое желанье — любить мир.

Я себе имя шейха * взял, оставил обожанье возлюбленной,
Отдал [ее], моя плоть — мое желанье, на котором я бог
и торжище.

Моя хырка * — прикрытие моим грехам, [но] мое беспокойство
Мое сердце на торжище другом, у меня на языке слова тайны.
не о том,

Тот, кто внял моему назиданью, достиг бога — я это видел,
На меня мое назиданье совсем не повлияло.

Я — вовне, охвачен сильным огнем, мое сердце поклоняется
Обманщика, подобного мне, не найти и в Багдаде.
мятежу,

Извне я — свой, внутри — чужой, слова мои — хороши,
Плохому делу — хорошее название: подобное смятенье где есть?
мое сердце — отступник,

Имя Юнуса стало известно повсюду, все его послушание —
Вера в падишаха разве снимет его грехи.
это вина,

Keleci bilen kişinin yüzünü
ağ ede bir söz...

Лицо человека, знающего слово, слово просветлит,
Дело человека, говорящего зрелое слово, слово укрепит.

Слово должно быть таким, чтоб усобицу остановить и боль
прекратить,
Слово должно быть таким, чтоб отравленную пищу в мед
и в масло превратить.

Приготовь свои слова, чтобы они дошли до пустого человека
и потрясли его,
Молви слово с умом, не бормочи слова, как ребенок.

О вы, ахи * и шехрияры *, придите и только послушайте
наше слово —
Тысячи дорогих камней и динаров в черную землю обращает слово.

Двигайся своим путем, беспечный, не останься со своими знаниями,
Остерегайся, ибо твой язык и твою душу клеймит слово.

Юнус, теперь поведай о силе слова, какие цели есть у слова,
Остерегайся, чтобы от того шаха тебя далеко не увело слово.

Sûfiyim halk içinde
tesbih elimden gitmez...

Я суфий в народе, не расстаюсь с четками,
Мой язык произносит тайны, [а] сердце [их] совсем не принимает.

У меня на шее мой ярлык: двуличие и послушание,
Мои заботы о другом, глаза мои пути не различают.

Я оглашаю тайну, я сильно лицемерю, не оглашая тайну.
Мое сердце, которое не отвернулось от нищеты, не покидает
гордыня.

Я — хороший дервиш, [но] нет у меня терпения, много во мне
отрицания,
Чему уши мои внимают, никогда не слышу я изнутри.

Видящие руку мне целуют, смотрят на мои тач * и хырку —
Они полагают, что я совершенно безгрешен.

Я внешне — это моя молитва, моя беседа, мое благое послушание,
Внутри у меня — торжище, и со мной не сравнится промышляющий
мошеничеством тысячу лет.

Кто видит меня суфием, приветствует, смущается,
Я в таких делах преуспел, до них дошли руки, но сил
[их совершить] не хватает.

Внешне — я дервиш, внутри у меня — пустота, сладок мой язык,
хороши слова,
Но сделанное мной не делает и тот, кто предал свою веру.

Юнус, покайся Аллаху в своих грехах,
Велико его милосердие, он не сделает того, что сделал ты.

Erenlerin yolları inceden inceyimiş...

Пути постигших Истину — самые тонкие,
Ведь пересекший путь Сулейману — это муравьишко.

Тот муравей Сулейману сказал: «Дорогу!» —
Сказанное муравьем он понял как ответ.

Сердце говорит: «Отправимся в путь, быстро достигнем Тебя».
Надежда моего сердца, как мне Друга найти?

Никто ни у кого не отнял силу,
Ничего не достигнет рука говорящего «я отнимаю силу».

Кто бы кому что бы ни сказал — доброе или злое, —
Аллах сам определит свое наказание, он придет — путь, говорят,
узок.

Из глаз ашика слезы текут непрестанно, день и ночь —
Как он спросит возлюбленную, из-за которой ашик истекает
кровью?

Смысл священных книг четырех я постиг, стал просвещенным
Постигнув любовь, увидел: сложное это дело.

Говорящие «я дервиш» не зарятся на запретное —
Нетронутое запретное как попадет в руки?

Говорят: «Умер некто, оставив добро и богатство», —
Как умрет хозяин, накопивший это богатство?

Двое беседуют. Один говорит: «Юнуса бы увидеть»,
Другой отвечает: «Я видел его — старый он ашик».

Ey çok kitaplar okuyan
sen mi tutarsın bana dak...

О читающий множество книг, не ты ли меня изобличил в изъяне?
Если ты читаешь, то тайна ясна, пойдя, прочитай о любви
страницу.

Не учил эту науку тот, кто украшен всякими познаниями,
Открой свои более тайные, чем душа, глаза, ашик, взгляни
в лицо возлюбленной.

Ты через двойственность * не прошел, от неправды правду
не отличил,
К Другу ты не летел, твоё факихство * стало тебе ловушкой.

Джуббе * и хырку, трон и венец отдать надо как харадж * любви,
Четыреста послушников и пятьдесят хаджжей оставил Абдюрезак *.

Как он, великий святой, крест целовал, в колокол ударял,
И ты приди, идола разрушь, приди и тело сожги в огне.

Если ты пришел к себе, если ты покинул свою личину,
Если ты стал послушным богу, что бы ни вымолвил я — смотри
на меня.

Ты не знал ни плохих, ни [хороших] имен, для тебя были равны
просвещенные и непросвещенные.
Если ты узнал [это] — наука об этом исчерпана, приди, прочитай
о любви страницу.

На земле, на небе вместе с этой любовью, из-за любви
приходят эти слова на язык,
Несчастный Юнус, ну что ему знать — ведь он ни черного,
ни белого не читал.

Tehi görme kimseyi
hiç kimsene boş değil...

Пустым никого не считай, таких вовсе нет.
В греховном взоре для постигших [Истину] добра нет.

Знает дервиш о дервише, что он на путь к Истине встал,
Дервиши — птицы-фениксы, это не коршуны и не совы.

Суть дервиша покинула душу, оба мира,
Приносит весть от Султана — ясно, что это не чужая птица.

О Юнус, постигший Истину никогда не произносит ложь,
Тот, кто раздвоенным, единства не принявшим пришел,
праведного пути не нашел.

Kul padişahsız olmaz
padişah kulsuz değil...

Раб не может быть без падишаха, падишах — без раба,
Кто знал падишаха, которому раб говорил: «Поторапливайся,
посторонись!»?

Султан постоянно был султаном, раб постоянно — рабом,
Он издревле падишах, [так] повелось от века.

Бог — древний и раб — древний, неразделимы ни на шаг,
Взгляни, кто — раб и кто — бог, и пойми, о внимающий.

Нам Его единства дворец — добрая весть, скажите,
Отринь мысль о двойственности, покинь бейство * или ты — раб.

Вникни теперь в тайное движение, узри в движении тайну,
Раб не знает этих уготовлений и кого коснулось это ниспослание
[Корана]?

Говори, говори же: что ты за рудник и сокровищница?
Ты — обличье, исполненное смысла, падишаха в себе найди.

Приди теперь, открой покрывало, покинь себя, беги к себе,
В себе ты отыщешь вознесение, к тебе сам повернет путь [ашика].

Куда ты ушел, о ум? Из единых уст [родились] все языки,
О всех взаимосвязях вещей возвещает Единый ум.

Юнус, посмотри: где ты? Не на небе и не на земле,
Жди: ты — занавес благочестия, приди же скорей и помолись.

Ol dürr-i yetîmem ki
görmedi beni umman...

Я такой несравненный жемчуг, которого не видел океан,
Я капля, но океану я океан.

Приди, удивительную волну узри, взглядишь в море тайн —
Как прекрасно бесконечное море, в капле его скрыта тайна.

В этом изобильном мире ты — Юсуф *, а я — Якуб *,
В том едином мире нет ни Юсуфа, ни Кенана *.

Имя этой бедной плоти стало Юнус,
Если ты спросишь мое имя у Султана, я есть Султан.

Dervişlik dedikleri
hırka ile taç değil...

То, что называют дервишеством, не хырка и не тац —
Сделавший дервишем свое сердце не нуждается в хырке.

Чем виновата хырка, если ты на свой путь не вышел?
Иди путем своим, шагай, путь мужа — не путь болтуна.

Ты говоришь: на пути к шейху должны быть босыми ноги
и непокрыта голова,
А есть святые, которые живут и не босыми и не голодными.

Мой Юнус Эмре, стоит он, открывает тайны блаженным,
С мужем тариката * он вместе идет, беспутным он не товарищ.

Sensin Kerim sensin Rahim
Allah sana sundum elim...

Ты — милостивый, ты — милосердный, Аллах, к тебе я руки
простираю,
Для меня нет лекарства, кроме тебя. Аллах, к тебе я руки
простираю.

Настал смертный час, срок завершился, этой жизни чаша
Кто же из этой чаши не испил? Аллах, к тебе я руки простираю.

Порвалась тетива моего языка, моя душа от тела оторвалась,
Вот и вытекли мои глаза. Аллах, к тебе я руки простираю.

Был скроен саван одеждой мне, к святому я направил свой путь —
Что же уготовано мне? Аллах, к тебе я руки простираю.

Пришли, обмывают меня на покойничком столе, на четыре стороны читают молитвы, Собирается люд на мой намаз. Аллах, к тебе я руки простираю.

Когда начали погребать меня, сверху землю бросали,
Все оставив, убежали. Аллах, к тебе я руки простираю.

Мюнкир, Некир и Азраил хмурят брови и черные глаза,
Все они одним языком говорят. Аллах, к тебе я руки простираю.

Он увлек меня на узкий путь, отправил на мост Сырат,
У меня нет надежды, что вознаградятся мои старания. Аллах,
к тебе я руки простираю.

Посмотрите, удивительное настало время: издаем мы из сердца
стоны,
Когда умирает матерью рожденный. Аллах, к тебе я руки
простираю.

Рабы и ангелы, трезвые и хмельные,
Здоровья вам, пробудившиеся. Аллах, к тебе я руки простираю.

Мой Юнус Эмре, ты это слово, ты без души возжелал эту тайну.
Мы к его святости обратились лицом. Аллах, к тебе я руки
простираю.

Dosttan haber geldi bana
durayım andan varayım...

От Друга пришла мне весть, я встану и затем приду,
Пожертвую душу свою и затем приду.

У этих двух аршинов ткани — ни рукавов, ни ворота,
Сделаю [их] одеждой, в нее завернусь и затем приду.

Если придет сам берущий душу, скажет: «Вверх ее»,—
Я ее вверю ее хозяину и затем приду.

Ушла моя душа — и остался я беспомощным и в путь отправился,
Увижусь с друзьями в радости и затем приду.

Если придут Мюнكير и Некир, наполнят голосами небо и землю.
Я им отвечу и затем приду.

Много на мне грехов, прегрешений изрядно, по миру шел я
Я спрошу ответ за то, что мной совершено, и затем приду. довольный,

«Я вскормленное мной изящное тело не покину,— говорю, —
Его смешаю с черной землей и затем приду».

Необмолоченный хлеб этой жизни я собрал и принес,
Юнус говорит: «Эту лавку соберу, и затем приду».

Benim bunda kararım yok
ben bundan gitmeğe geldim...

Здесь мне покоя не обрести, я, чтобы отсюда уйти, пришел,
Я купец, у меня товаров много, тому, кто [их] купит, продать
я пришел.

Я пришел не для того, чтобы заводить тяжбу: мое дело
на благо любви,
Дом Друга — это сердца, я сердца покорить пришел.

Опьянение Другом — бое безумство, знают ашики, что я такое,
Поменять мою двойственность и постичь единство я пришел.

Он — мой учитель, я — раб, соловей в саду Друга,
В сад Друга моего, став веселым, я петь прилетел.

Подружившиеся на этом пути души там подружились, наверно,
Подружившись с моим учителем, о своем состоянии я рассказать
пришел.

Вы у Юнуса спросите и узнаете, где Друг есть, там он есть,
Известие о нем, приди, возьми у меня, я Его увидеть пришел.

Tehi görmen siz beni
dost yüzün görüp geldim...

Не считайте никчемным меня — лик Друга увидел я и пришел,
За вечным богатством, временем, Другом следуя, я пришел.

Оно — у говорящего на языке, все бытие — твой Друг, оно —
Мое бытие всецело в той стране, я странником сюда пришел.^{в рабе,}

Я — купец, у меня много товаров, мой учитель — бог,
Я мой ущерб на прибыль обменял и пришел.

Семь небес было сотворено, с любовью все устроено.
Он окинул землю взглядом, я на ноги встал.

Увидел я семь адов, восемь раев — все,
Из страха я свои грехи там процедил и пришел.

Адамом я стал, но не поднялся, плоть свою не отринул,
Я ошибся, пшеницу ел, из рая был изгнан и пришел.

Нухом * я стал, много трудился из-за потопа, во имя веры,
Не взошедшего на мой корабль в воде утопил и пришел.

Слово мое — не ложь, взгляни мне в лицо, открой свои глаза,
Еще не исчез мой след, я, теми путями пробиваясь, пришел.

Эйюбом * став, подверг мученьям свои тело и душу,
Нашел кров у своего непорочного [бога], червей насытил
и пришел.

Стал Зекерией * я, убежал и в [дупло] дерева влез,
На четыре стороны кровь свою разбрызгал, заставил себе голову
отрезать и пришел.

С Мусою на Тур-гору взошел, тысячу одно слово сотворил,
Все божьи создания кем являются, я там узнал и пришел.

Иисусом стал — от бога, это только видимость, [что] от женщины,
По милости божьей мертвого воскресил и пришел.

Мухаммеда ночью одной бог призвал к вознесенью,
Скитаясь вдоль и поперек, из конца в конец, падая ниц, я пришел.

Единственный бог был, это — пророков душа,
Сам Юнус был тайной, облик свой изменил я и пришел.

Dost bakalı yüzüme
ben şehi görüp geldim...

Когда Друг взглянул мне в лицо, я шаха увидел и пришел,
Его, несомненно величайшего из величайших, достиг я и пришел.

Не смотри на мое опьяненье, безумца моим именем не называй,
Вечно мое опьяненье, я беседу вести пришел.

Я существовал извечно, на вопрос: «Не я ли?».— «Да» сказал,
Излившись потоком из того древнего моря, назад пришел.

Я на пир его пришел и, воззвав, поднялся,
Душу, веру и религию с благодарностью отдав, пришел.

Мне любовь Иисусом стала, блаженные молитву сотворили,
Раз и дважды умерев, я из земли восстал.

Мансур: «Я бог,— говорит,— предай свое обличье огню»,—
Вы говорите: «Пусть взойдут на виселицу»,— я виселицу говорит,
соорудил.

Не спрашивайте у Юнуса о том, где есть Друг,— он там есть,
Увидевший это, сообщает: я один узнал и пришел.

Zinhar vermegil gönül dünya payına bir gün...

Берегись, как долю сердце свое не отдай миру однажды,
Миру сердце отдавший упадет в его яд однажды.

Этот мир — дракон, что глотает людей,
Он и к нам придет однажды и наглодается досыта.

Не видишь ли землю ты, что лежит, избранников обняв?
И нас, подобно им, она возьмет в свои объятия однажды.

Та птица, чье гнездо рядом с соколом окажется,
В тот миг, когда она остановится, к полету своему придет
однажды.

Несчастный, безутешный Юнус Эмре, коснись полы блаженных,
Самого тебя к богу ниспосллют, припади к его сиянию однажды.

Canlar canını buldum bu canım yağma olsun...

Я душу душ нашел, эта душа моя, ограбленной будь,
Имел доход и потери, лавка моя, ограбленной будь.

Я преодолел свое «я», с глаз пелену убрал,
С Другом к свиданью пришел, пусть отнимут мое сомненье.

Мое «я» от меня ушло, все богатство мое Друг забрал,
Берущим и дающим Друг стал, мой язык да будет ограблен.

У меня пропало ко всему влечение, в сторону Друга я полетел,
На собрание любви попал, мое собрание да будет ущербным.

Двойственностью я пресытился — едой единства утолил голод,
Вина горя из-за Него испил, исцеленье мое да будет с изъясном.

Бытие когда совершило путь, Друг оттуда пожаловал к нам,
Разбитое сердце заполнил свет, мой мир да будет разрушен.

Юнус, до чего хорошо ты сказал, будто это — сахар и мед,
Всем медам мед я нашел, мой улей да будет ограблен.

Ey bana derviş diyen
nem ola derviş benim...

О зовущие меня дервишем, чем стану я, дервиш?
На яйле дервишества мои деяния — это зима моя.

Я назвался дервишем, облачился в одежды дервиша,
Взглянул на путь — и устыдился: нехороши все дела мои.

Я свои хырку и тач берегу, а совершаю скверные дела,
Я со всех сторон себя скрываю, но тысяча одна скверна — мон.

В пути у меня спрашивают вести, я говорю — они верят,
Сердце мое суфием считают, ой, как же трудны дела мои.

В себя загляну — там ничего стоящего нет,
Все вокруг меня заполнено борьбой миров.

Юнус говорит: «О друзья, о постигшие мою истинную суть,
Все мои дела на этом пути остались Аллаху».

Gönül usanmadın sen bu seferden...

Сердце, ты не пресытилось этим путем,
Мой бог да убережет тебя от опасности.

Человек настоящий тот, для кого испытать человечьи муки,
Уйти и быть незаметным лучше, чем милость судьбы.

Мое сердце с рожденья терзала чужбина,
Высасывала и выцеживала кровь из жил.

Родина стала терновником, чужбина — розовым садом,
Вкушать яд стало приятней, чем сахар.

Когда Юнус, раскрыв грудь, идет к Другу,
Да убережет его господь от опасностей.

Kâ'be ve bût îman benim
çarh uruban dönen benim...

Кааба и идол, вера — это я, вращающий небосвод — тоже я,
Туча, в небе испаряющаяся, дождем проливающаяся, — это я.

Лето создаю, землю принаряжаю, делаю благородным дом нашего
сердца,
У довольных отца и матери узнавший благо послушания — это я.

Молнией стал и грохочу, браню и поражаю плоть,
В глубь земной кричащая ядовитая змея — это я.

Хамзу * через Каф-гору * переправляю, даю силу его рукам
и ногам,
Многих с трона низвергающий, мудрости султан — это я.

С костей живую плоть сдираю, создаю тело и наделяю его жизнью,
В люльке мудрости лежащий, молоко силы сосущий — это я.

Сколько я отдавал повеленья, в богатстве жизнь провел,
Горящий уголь, раскаленное железо, ударяющий по наковальне
молот — это я.

Я заставляю падать снег, промораживаю землю, корм даю скоту.
Так знайте, для всего сущего Милосердный, Милостивый — это я.

Пускай придет настоящий ашик, укажу ему истинный путь,
Это стоянка — город сердца. Постоянно в нем пребывающий —
это я.

Земле и небу я даю опору, непрестанно бодрствую,
Озера влиться в моря зову, мое имя — Юнус, океан — это я.

Dervişlerin yoluna sıdk ile gelen gelsin...

На путь дервишей с верою вступающий пусть придет,
Всё, кроме бога, из сердца своего стирающий пусть придет.

Дервишеством называют то, что неиссякаемой сокровищницей
является.
Вставший и не вставший на путь постижения, раб и султан —
берущий из этой сокровищницы пусть придет.

Дервиш созревает, становится совершенным — каждый его вздох
в небо восходит,
Я искренне скажу: «На душу его посягающий пусть придет».

Дервишество — это ломоть, который величественнее земли и неба:
Ломоть того величия поглотивший пусть придет.

Глаза дервишей открыты: они бодрствуют ночью и днем,
Этим словам мой бог свидетель. Видящий, не глядя, пусть придет.

То, что дервиш ощущает,— это бог, от бога он слышит урок;
Языком и губами не шевеля, слову внимающий пусть придет.

Длань дервиша длинна, глаз неверящего она вырывает.
На восток и на запад не растекаясь, праведный муж пусть придет.

Дервиши с богом дружны, души их опьянены богом,
Зажгли они свечу любви, тот, кто мотылек, пусть придет.

На этого несчастного Юнуса посмотри, он с дервишеством
Жалуется он на свою плоть. Убивающий свою плоть пусть придет.

Ey bana iyi deyen adımı sîfî koyan...

О величающий меня добрым, называющий меня суфием,
Право, суфий ли тот, кто носит хырку и тач?

Я на голову надел тач, народу суфием явился,
Облачился в хырку, а внутри у меня — пустой улей.

Мой язык произносит молитву, а сердце замышляет мятеж,
Уходи! Так ли молитву творит с любовью бога ощущающий?

Мои глаза пути не различают, уши слышанное не удерживают,
Язык в покое не пребывает, затевает тяжбы, произносит ложь.

Юнус твердо знает: лжец теряется в пути.
Обращет искомое лишь тот, кто с Истиной придет.

Sana derim ey velî dur erte namazına...

Тебе говорю, о господин, встань к утреннему намазу,
Если не встанешь, умри до утреннего намаза.

Призывает к молитве муэzzин, возглашает имя Аллаха,
Не сокруши основу веры — встань к утреннему намазу.

К полету стремятся птицы, деревья молитвы произносят,
Возьмите желание, братья, встаньте к утреннему намазу.

С зикром * намаз совершай, руки с благодарностью простирай,
Памятуя о том, что смертен, встань к утреннему намазу.

Намаз сотвори — пусть он пригодится, пусть он послужит тебе
В могиле твоей пусть светильником будет — встань к утреннему
на том свете, намазу.

Намаз соверши с имамом, не ложись с сомнением,
С верой ты уйдешь — встань к утреннему намазу.

Вылетит и унесется душа — и пропадет тело,
Дервиш Юнус, и ты встань к утреннему намазу.

Her kime kim dervişlik bağışlana...

У каждого, кого благословят на дервишество,
Сердце умрет, станет чистым, серебряным станет.

Вместе с дыханьем оно будет источать мускус и амбру,
На ветвях его произрастут страны и города.

Исцеленьем для страждущих его листья станут,
А под сенью его свершится много добра.

Слезы из глаз ашика превратятся в озера,
Из его ног прорастут тростник и камыш.

Все поэты — соловьи в саду у Друга,
И Юнус Эмре станет там птицей.

İki cihan zindan ise
gerek bana bostan ola...

Если два мира — это темница, у меня это сад будет,
Что мне теперь печали и грусть, коль от Друга мне милость будет.

К Другу тому приду, рабом буду, раскроюсь, розой буду,
Запою, соловьем буду, моя стоянка розовым садом будет.

Лицо Друга увидали мои глаза, для блаженных мое лицо — прах,
Посвященным слово мое, наверное, сахарным тростником будет.

Все тяготы одолевший человек — это к богу взлетевший человек,
Пьющий вино любви человек хмельным, опьяненным будет.

Все еще два мира мои глазам моим темницей кажутся,
Сдружившийся с Твоей любовью, наверное, из простого самым
избранным будет.

Слепы двуличного глаза, назавтра лик его почернеет,
Горькие людей слова, наверное, мне сахарным тростником будут.

Я каждый миг лицом к земле припадаю, моему Аллаху возношу
благодарность,
Я свое «я» Другу отдам, что за борьба, как в дестанах, будет.

Когда ты здесь, открой глаза, скажи о своей сути наперед,
Юнус, эти твои слова мирам дестаном будут.

İstediğimi buldum eşkere can içinde...

То, чего желал я, совершенно очевидно, нашел в [своей] душе,
Себя ищущий вовне — находится в собственной тайне.

Он древен, един и неотделим, без него никто не живет,
Шаг за шагом он мерит землю, его решение — в душе.

Это заклинание творящий, на всех языках говорящий,
В небе, на земле не умещающийся вошел в эту душу.

«Держите, — кричит он, — вора держите!»
Ну что за странный этот вор, который [находится] в самом
кричащем.

На ристалище наказания он побеждает, и он взирает на него,
Наказаньем он сам стал, вышел на ристалище.

Испробовал силы меч, ударил по плоти,
Плоть умертвил, руки его в крови.

Он захворал, стонет, слушает глас Корана,
Сам читающий Коран находится в собственном Коране.

Различные зданья, дворцы и чертоги Он строит,
Закутался в черное покрывало, вошел в дом.

* * *

Бог — тот, кто тебя с головы до ног захватил,
Верь, что, кроме бога, ничего нет и в сомненье не пребывай.

Ты — один приди к единству, двойственность отринь от себя,
Смысл всего ты обрящешь в верности, вере.

Так слушай же, слушай, тайна — язык святого,
Речи тайна заключена в науке Корана.

В город сердца вступил, погрузился в его море,
Когда я с любовью шел, след отыскал в душе.

Этот след я изучил, справа и слева от себя глядел,
Много диких видел, которых нет в [этом] мире.

Юнус, твои слова понятны для тех, кто посвящен,
Будут твоё слово произносить в веках.

Еу ышк делиси olan ne kaldın perâkende...

О безумец любви, что же ты растерялся?

Он, превращающий тебя в безумца, снова в тебе, в тебе.

Мир этот и мир загробный — бог, безусловно, им полны земля
и небо.

Совсем не показывается Он на глаза тем, кто знает, каков
Его знак.

Если вошел я в кабак, без Него не увидел бы места,

Если пришел к очагу, опять повстречался с Ним.

Каждый, кто тело свое искал, нашел врага в своем теле,
Ни мира этого, ни загробного ему, Он — ни в прибыли,
ни в потере.

Скольким Он «беги» говорит, скольким «держи» говорит,
С бегущими Он бежит, а со стоящими — стоит.

Скольких Он в плен захватил, сделал своими рабами,
Помогающим и постигающим стал, а в темнице опять.

Говорят: «Несчастный Юнус, почему ты безумным стал?»

Пусть не останется ни ума, ни разума в узнавшем эту тайну.

Sensiz yola girer isem
çarem yok adım atmağa...

Коль выйду в путь без Тебя — не будет у меня силы идти,
Сила в теле моем — это Ты, помогающий мне держать голову.

Мое сердце, моя душа, мой рассудок, знания мои в согласье
с Тобой выносят решения,
Крылья души — любовь — нужны, чтобы к Другу лететь.

Свое бытие одолевающий сокол возлюбленную обретает,
Он бросается на уток и куропаток, чтобы завладеть добычей.

Силу, как у тысячи Хамза, дал бог мужу любви,
Горы он сдвигает с места, дорогу ведет, чтобы к Другу идти.

Сто тысяч Ферхадов* взяли кирку, пробивают основу гор,
Скалы крушат, дорогу ведут, чтоб живую воду пустить.

Источник живой воды — свидание ашиков,
Он приводит в движение тех, кто с полным бокалом зажигает
жаждущих

Семь адов в золу превращает вздох ашиков,
Замышляет он восемь раев осветить, их со светом слить.

Ашиком его мне назвать? Он божий рай возлюбит.
Рай тоже ловушка, чтоб верующих души поймать.

Ставший ашиком несчастным бывает, он вверяется божьему пути,
Что бы Ты ни сказал, он покоряется, ведь не нужно сокрушать
сердце.

Ты узнал: пришедшие прошли. Ты узрел: осевшие откочевали.
Душам, испившим вина любви, не пристало проходить
и становиться оседлыми.

Не удержалась Юнуса душа, прошла через ад и рай,
Отправившись в путь, она к Другу идет, чтоб в его суть
погрузиться.

Aşık oldum ereene ermek ile...

Ашиком стал я, придя к постигшему,
Бога нашел я, найдя постигшего.

Мужа [любви] достиг, в муже нашел я искомое,
Не смог я его найти, вопрошая извне.

Куда бы я ни взглянул — [всюду] постигший находится,
Я сердцем его овладел, лицом к земле припадая.

От бога, оказывается, душам весь удел,
Его, оказывается, не обретешь благодаря паломничеству в Каабу.

Это — порог твой, Кааба, коль ты постиг;
Я же дорогу найти не сумел, страдая и постигая.

Видевший меня прежде в грош не ставил,
Тот, кто видит сейчас, на меня показывает пальцем.

Был озером я — блаженные бросили взгляд,
И морем я стал — растекся по всем четырем сторонам.

Клич разнесся: «Юнус!» Я на ноги встал,
Глаза открыл, потянув себя за ухо.

Ma'nî berâtın aldık uş gene elimize...

Вот мы вновь взяли в наши руки грамоту на владение смыслом,
Падишах слово любви ниспослал нам на язык.

Любовь произносит свои слова, души приводит в смятенье,
Невежды не могут проникнуть в эту нашу тайну.

Не постигают они нашу тайну, не становятся [нам] товарищами,
Непосвященные не становятся сотоварищами в этом нашем
состоянии.

Ты войди в наше положение, раздели с нами нашу тайну,
Пусть явными станут твои затруднения, склонись головой
перед нашим великим.

Это — сокровищница тайн; что непосвященным здесь надо?
Сколько уток, сколько гусей благополучно слетается на наше озеро.

Ради лика [Его] тот огонь [в сердце] мы зажгли, [этот] мир
выпустили из рук,
Загробный мир приняли — благодарны мы нашему великому.

Юнус, в утку морскую обратись, в озера любви погрузись,
Эти божьи слова возьми — ты достигнешь наших богатств.

Hakk'i kaçan bulasın
Hakk'a kul olmayınca...

Как бога ты найдешь, богу рабом не став,
На порог постигших не оперевшись и не привалившись [к нему]?

[Это] сад, что будет разорен и шипами заполнен;
Что ты сделаешь словами, если в огне они не горят?

Там, на чужбине, где нет тепла, отыщется ли огонь,
Если кресала и кремня нет?

Не пребывай, где холодно, и не гаси огонь —
Как ты найдешь огонь, к очагу не придя?

Солнце Истины восходит из башни единства,
Оно не осветит Юнуса, пока покрывала не спадут.

Aklım başıma gelmedi
ışk şarabın tatmayınca...

Я ума не обрел, пока не испил вина любви.
Я не знал, где пребываю, пока не коснулся истинного блаженного.

Со своими знаниями человек одолеет когда-нибудь путь?
Он не постигнет Аллаха, пока не коснется полы блаженного.

Есть религия, вера — хорошо живи в этом мире,
Завтра там прекратятся твои дела, если сегодня не кончатся здесь.

И соловей в розу влюблен, от бога исходит взгляд на раба,
Слово нейдет на язык, пока оно не горит в сердце.

В сердце эту мою тайну не бережет слово моего горя —
Как ашик покорится слову, не испробовав богатства любви?

Чтобы понять слова несчастливца Юнуса, надо быть истым
ашиком,
То птичий язык, и, что бы ты ни делал, не воспримешь ученье,
пока он не запоеет.

Bî mekânım bu cihanda
menzil ü durağım anda...

Мне места в этом мире нет, моя стоянка, моя остановка там,
Султан я, трон мой и корона, райская одежда, конь Бурак
мой — там.

Кто знает, что за птица я, каждый миг я с тем лицом
встречаюсь,
Я пьян до самой вечности, я испил — мой кубок там.

Я — соловей, пришел, чтобы петь, с фирманом на устах пришел,
Я здесь свой мускус распродал, я — лань, мое пастбище там.

На небе девятом * я стал, семь раз прогулку совершил,
Мухаммеда сияние узрел, моя зеница ока там.

Эйюб я — эту муку нашел, Джирджис * я — умер семьдесят раз,
К богатству этому в одиночестве пришел, все мое бытие,
небытие там.

Мансур я — на виселицу взошел, Юсуф я — на базар пришел,
Я — лев, за добычей пошел, однако логово мое — там.

Безумец я — назиданьям не внемлю, в обычное место не иду,
Эти слова не слышу, мои уши внимают там.

Слово тайны открыто не произносится, саламандра в огне
не сгорает,
Дни и ночи горит и не гаснет этот мой светильник там.

Когда Юнус в эту мысль погрузился, он мир забросил за себя,
Ей-богу, много сладости он нашел, это [вкусившее] мое небо — там.

Düşd'önüme hubbûl vatan
gidem hey dost deyî deyî...

Открылась предо мной страна любви, уйду я, Друга поминая,
Пришедший туда тотчас остается там, я останусь, Друга поминая.

Придет тот Азраил и схватит, и не помогут ни отец, ни мать,
Того деревянного коня оседлаю, уйду я, Друга поминая.

В уединении буду возносить молитвы, постепенно стану распускаться,
розою стану,
В саду у Друга соловьем я стану, петь буду, Друга поминая.

Из тех пяти-десяти аршинов полотна сделают для меня саван,
Сбросив одежды мира земного, обряжусь я [в него], Друга поминая.

Блаженным став, я побреду, величественные горы захвачу,
Превращусь в свечу, расплавлюсь, растаю, сгорю, Друга поминая.

Пройдут дни, годы сменят друг друга, мой надгробный камень
повалится,
Мое тело сгниет и станет прахом, мой прах развеется,
Друга поминая.

Юнус Эмре, отправляйся в дорогу, низкие не войдут в твое
положение,
Морской уткой стану и в озеро Друга я погружусь, Друга поминая.

Işk bezirgâni sermaye canı...

Купец любви, [его] богатство — его душа,
Это — его цена, я увидал покушающегося на душу.

До чего же прекрасная эта цена, он оставляет душу,
Поражает ли меч того, кто устремился к добру?

Ты — все, узри [это] раз, нижайшего блаженного узри,
Покойника не узри, того, кто саван надел.

Быстро подняли к самому возвышенному
Того, кто, как тысяча Иисусов, вере привержен.

Быстро в земную глубь опустили
Того, кто, как Гарун, за миром гонится.

У того, кто ашик, есть признак,
Это раскаянье — его известное заявление.

Атлас отложил, хитон надел
Тот, кто тайну Ибрахима Эдхема познал.

Утверждая: «Я науку постиг», — не возгордись,
Бог принял того, кто саван снял.

Когда увидел Мансур: «Он — это я», — сказал,
Ты слышал: в огне сожгли его.

Ты его в огне заставил спалить и пепел разбросать,
Так ли должно с тем поступать, кто любит Тебя?

Берегись, о Юнус, «я увидел», не говори,
В огне сжигают того, кто «я видел» сказал.

Yort ey gönül sen bir zaman
âsüde fariğ koş yürü...

Сердце, хоть раз иди спокойно, невозмутимо, четко, шагай,
Не пугайся, не бойся никого, освободись от печалей
и забот — и шагай.

Если постигнешь Истину, то поймешь: твоя плоть — большой
Теперь отправься, сражайся с той плотью, бейся — и шагай. ^{враг тебе,}

Плоть блаженный в пути оставляет, теряется в пути тот,
Что за дело есть у тебя с кем-нибудь? ^{кто плоти подчиняется.} Порицая плоть,
освободись от нее — и шагай.

Если захочешь, то твердо оставишь зло этого мира,
Отринь гордыню и ненависть, в хырку облачись — и дервишем шагай.

Коль пожелаешь, то в мире этом навеки останешься хмельным,
Принеси полный кубок любви, в году все двенадцать месяцев
пьяным шагай.

В сад ты ничей не войди, розу ничью не сорви,
Пойди со своей возлюбленной, в саду воспламенись — и шагай.

В сердцах не будь острием, не будь на собраниях незрелым,
Что за вкус у незрелой вещи? В огонь любви войди, обрети силу —
и шагай.

Юнус, ты теперь хорошо говоришь, внимающим повествуешь,
Народу вручишь назиданье, стань блаженным, устремись
к своему пути — и шагай.

.

И вот как раз я себя нашел — случилось, что бога увидел,
Испугался, [но] его отыскав, со страхом покончил я, ахи.

Юнус, тот, кто убивает тебя, — дающий [он] забирает опять душу,
Того, кто ведает душами этими, узнал я, ахи.

Bu fenâ mülküde ben nice nice hayrân olam...

В этом царстве небытия как не удивляться мне?
Сколько раз смеяться, сколько раз плакать буду?

То к ангелам в небесах с мольбами обращаться буду,
То на небесном троне и на солнце я вращающимся небом буду.

Я сделал шаг по другую сторону семи [планет], четырех
[первозлементов] и восемнадцати [миров] *.
Оставив девятое [небо] в пути, я повелению шаха подчиняться
буду.

Друг принес спокойствие, от печали я отвернулся,
Обличьем человека я буду, душою и кровью буду.

То муфтием *, то мюдеррисом, то понимающим, то сомневающимся,
То исправляющим пороки, то самим пороком, изъязном буду.

То в рыбьем чреве с Юнусом поговорю,
То взойду на небесный трон, тысячу душ буду, Сельманом *
буду.

То спущусь к несчастным, с шейтаном зло распространю,
То взойду на небесный трон, бодрствующим и зрящим буду.

То услышу — не услышу, не смогу, наверно, вкушать,
Сколько раз я забвеньем буду, зверем, человеком буду.

То понятными вещами, ощущаемыми предметами, объяснением
и откровением,
То обломками буду, то господином Сатурна буду.

Сколько раз в одном облище разными людьми и животными буду,
Сколько раз лисицей буду, или волком, или львом я буду.

Сколько раз отшельником, изгоем, ушедшим буду,
Сколько раз джинном, человеком, шейтаном буду.

Сколько раз на арене любви я заставлю бежать лошадь плоти,
И сколько раз, голову склонив, чавганом буду,

То в единстве осуществляю единение с Ним,
То возвращусь, каплей буду, морем, океаном буду.

То в аду вместе с Фиравном и Хаманом [буду],
То в рай попаду, рабом там буду, Рывданом * буду.

То гази * буду, с френками * биться стану,
То возвращусь и френком буду, восставшим буду.

То забытым буду, Немрудом * отвергнутым буду,
То явлюсь — Джафером буду, Тайяром * буду, полечу.

Сколько незнающим буду, произрастающим буду, опьяненным буду,
Сколько раз достигну цели, а сколько раз недостижимым,
невеждой буду.

То стану огни зажигать, сердца очищать, души сжигать,
То приду, на небесный трон взойду, то шахом, то султаном буду.

Никто, о дорогой, не постигнет эти слова с наукой тайн,
Святой остался в пути, я вращающимся небом буду.

И сколько раз вместе с Другом — Он мной будет, я Им буду,
И сколь далеко удалюсь я, печальным буду, скорбным буду.

Сколько раз со своим горем я в огне сгорю и буду сожжен,
Сколько раз благодарным буду, отшельником буду, гостем буду.

Оставляю я этого бога и ветер, воду и свет ради Твоего лика,
С шести сторон появлюсь я, бестелесным буду, неодушевленным
буду.

Сколько раз Джирджисом, Юпитером буду, Марсом буду,
Сколько раз Джалинусом и Букратом * буду, Локманом буду.

Эти девять львов * и семь драконов * и четыре змеи * —
С ними я поборюсь, Рюстемом * буду, Дестаном * буду.

Миг — спокойным буду, умным и беспечным, большим и малым буду,
Миг — ашиком буду, безумным, изумленным буду.

К сокровищнице моего сердца без труда дорогу найду
Или в море войду, бесцветным и тусклым буду.

Сколько раз «Ты — я» скажу, сколько раз «я — Ты» скажу,
И сколько раз бесхитростным буду, молчальником, удивленным
не стыдясь,
буду.

Когда говорят: Что же поделаешь? и не говорят: «Горят душа
и тело»,
Я тоже жемчуг нанижу, Другу соловьем буду.

Делом буду, на флейте играть буду, несведущим буду, тайной буду,
То возвращусь, движеньем буду, словом буду, Номаном * буду.

Сколько раз я буду в скверне и грязи, низким буду,
Сколько раз драгоценностью, алмазом, кораллом буду.

От людей уйду, взлечу в царство ангелов,
Цветом буду, бесцветьем буду, то бытием, то небытием буду.

То послушным буду велениям бога вместе с тысячью душ,
То вернусь и взбунтуюсь, Мусою буду, Имраном * буду.

То явлюсь, Давидом буду, на трон Сулеймана взойду,
То вновь заблудшим буду, попутчиком буду, разлукой буду.

То темницу покину, свободным стану, счастливым буду,
То вновь привратником буду, узником, темницей буду.

Виселицей буду, повешенным буду, Мансуром буду,
Душою и телом буду. Этим буду, Им буду.

То пустыней и развалинами, то миражем и землей,
То вновь благоустроенной [страной] буду, то джинном буду,
[целым] семейством джиннов буду.

То в величии [самым] великим и в низости [самым] низким буду,
То поднимусь, опорой буду, стражем буду, монахом буду.

То поднимусь, сазом буду, словом буду, страждущим буду,
То поднимусь, лавкой буду, властителем буду, владеющим буду.

Мигом буду, Адамом буду, неразумным буду, хмельным буду,
Мигом и вечностью буду, именем буду, хлебом буду.

То вернусь, молчащим буду, неразумным, хмельным буду,
То стану говорить, дестаном буду, садом и цветником буду.

Юнусу пришло от Тапдука, от Салтука * и от Барака * назиданье,
Когда в сердце я погружусь, в экстаз, каким таинством буду.

Юнус, теперь это слово ты ашику скажи, ашику,
Что тебе я верным буду, и горем и лекарством буду.

То чистым и искренним, вместе с Кораном буду,
То Всемиловитым, Милосердным, то богом, творцом буду.

То вернусь, солнцем буду, и пусть в моем атоме тысяча
будет небесных тронов,
То вновь я разольюсь — мирам потопом буду.

Богом начала и богом конца, богом богов буду,
Началом, концом Он останется, а я, как все сущее на земле,
умру, преходящим буду.

Uş gene geldim ki bunda
sır sözün iyan eyleyim ...

Вот снова сюда я пришел, чтоб слово тайны раскрыть,
Чтобы одним словом землю, небо — все огласить.

Возжелаю — телом стану, возжелаю — душой,
Сердце сделаю Тур-горой, душу — Мусой, троном Сулеймана стану.

Когда встанет жизнь у меня на пути, ее я подчиню,
А если будет смерть нужна, ей душу свою пожертвую.

Что за создание Азраил, [который] покуситься на мою душу может,
Я его злые умыслы обращаю в темницу для него самого.

И кто таков Джебраил, чтобы повелевать моим вздохом?
Подобных ста тысячам Джебраилов, я в один миг их заставляю
взлететь.

Это те, кто раньше нас пришел [в этот мир] и кто смысл
держит в тайне,
Я пришел, словно заново меня родила мать, и этот смысл обнажу.

Юнус, дом твоего сердца божьим переполнен бытием,
Вот пришел я затем, чтоб ашиком бытие в дар преподнести.

Ey yarenler ey kardeşler
sorun bana kandaydım...

О братья, о друзья, спросите у меня, где я был,
Погрузясь в море любви, был я в море-океане.

Пока земля не была сотворена, пока землю и небеса
не заполнили божьи создания,
Пока не ударили пером по скрижалям, я был в Том,
кто сотворил царство.

Рука забот меня не достигает, печаль меня никогда не видит,
Я был на великой стоянке вне города беспокойства.

Погруженный в эти дела человек пусть отринет всякое смущенье,
Я пребывал в изнутренней, очень тонкой тайне.

Когда были прочтены четыре книги и [из них] не было выбрано,
Я учил мой урок, я был в Том, кто читал Коран.

Если придет сто тысяч таких несчастных рабов, как я,—
будет мало,
Я пришел — вот теперь, [прежде] я был в раю, в повелителе рая.

Он Тот, кто охранял меня, где бы я ни был. [Он] укрывал меня,
Я был на конце аркана любви, я был в душе, которая живет
в свече.

Сколько времени я был звездой в небе, ангелами, желанием,
Я повелевал созиданием мира, я в то время был там.

Когда сто семьдесят тысяч ангелов, собравшись, встали в ряд,
Я увидел там Джебраила — я был в том высоком диване.

Когда девяносто тысяч божьих слов произнесли с Хабибом*,
Тридцать тысяч из них тайной стали — я был в то время там.

Когда я не имел этого обличья и имя мое не было Юнус,
Я был Им, Он был мной, я был в Дающем эту любовь.

Evvel benim ahır benim
canlara can olan benim...

Начало — я и я — конец, для душ душой являюсь я,
 Всем потерявшимся в пути готов прийти на помощь я.

К решению я пришел, мое решение таково: кто моей тайной овладеет,
Где меня узрит слепой, там в сердца вступаю я.

Тот, кто в миг дарит взглядом и одним взглядом мир создает,
Своим могуществом хан * выстилает, основание любви
закладывает,— это я.

Я выровнял эти места, приколотил горы,
Беседкой растянул эти небеса, затем остановился я.

И право, ашикам я неверием и верой, религией стал,
И в сердцах людей богохульством, исламом и сомнением стал.

В людей вселяющий жизнь, четыре книги правильно пишущий,
Я — тот написанный Коран, где по черному идет белое.

С Другом в единстве кончающийся, любые его повеленья
Царство создающий, мир устраивающий тот садовник — только я.

Дара речи лишаящий, котел любви переполняющий,
Хамзу через гору Каф переправляющий, та ядовитая змея — это я.

Не Юнусом это говорится, это само собою молвится,
Настоящий гяур тот, кто не верит, что начало и конец — только я.

Nitekim ben beni bildim yakın
bıl ki Hakk'ı buldum...

И вот я себя близко узнал, знай: бога я отыскал,
Я страшился, [пока] Его не нашел, а теперь я от страха избавился.

Никого я не боюсь, не печалюсь ничем,
И кого мне теперь бояться, [когда] страх мне стал чужд?

Не приходит ко мне Азраил, на могилу мою вопрошающий
Да что им спросить у меня, теперь я стал их вопрошать.

О, когда я стану, как Он, буду отдавать Его повеленья?
Он пришел, мое сердце заполнил, для Него я лавкой стал.

Те, кто с любовью — у нас купят; без любви, что они сами узнают?
Кто купит, кто продаст — я стал великой лавкой.

Бог Юнусу дверь растворил, Юнус к богу с молитвой обратился,
Я вечным богатством, оказывается, стал, будучи рабом,
стал султаном.

Deniz oldu birkaç kadeh
susalığım kanmaz benim...

Несколько кубков морем стали, но жажда моя не утоляется,
Мои стенанья не стихают, слезы не утихают мои.

Пойдем вместе с нами, чтобы войти в сады,
Все время поют Его соловьи, розовый сад не завянет мой.

[Это] — сады нашей страны, розы в них свежи всегда,
Возделан постоянно мой сад, чужие не рвут моих роз.

Сколько раз возлюбленная вложила кубок Мансура в руку мою,
С четырех сторон обкладывали меня огнем, никто не знает моих
бедствий.

Сгорая, золой стану на пути к возлюбленной,
Сгори я тысячу раз в день — от Друга лицо не отверну свое.

Душа моя Ферхадом стала для кирки любви, я устремился
[к Истине],
Неустанно горы прорубаю, совсем не спрашиваю мою Ширин.

Юнус говорит: «О мой Султан, от любви к Тебе сгорела моя душа,
Если Ты принесешь мне исцеление, тогда не умрет душа моя».

Ey dost işkîn denizine girem
garkolam yürüyem...

О друг, я войду в море любви, погружусь, поплыву,
Оба мира ареной станут, свое время провлачу — и поплыву.

В море войду, погружусь, ни алифом, ни мимом *, ни дадем *
не стану,
В саду Друга соловьем обернусь, розы соберу — и пойду.

Превратюсь в соловья, запою, сердцем стану, тело сдержу,
Руками голову охвачу, в путь к Нему отправлюсь, поплыву.

Превратюсь в соловья, улечу, сколько сердец поведу,
Все время лицом припадая, поплыву.

По счастью, достиг я встречи с Ним, испил шербет * свиданья
с невестой,
Этот город, «Тебя» и «меня» покину — и поплыву.

Юнус — скиталец в любви, несчастный из несчастных,
В Тебе — исцеленье от моего горя, испросив лекарства, я поплыву.

Uş yine ışkın beni mest ü harab eyledi...

Вот снова Твоя любовь меня опьянила, опустошила,
Дом сердца она сожгла, сердце в кебаб превратила.

Согнулся, как ветка, мой стан, стенаю я ночью и днем,
Протащила [Твоя любовь] меня на аркане, в арфу и лютню превратила..

Не стыдитесь, друзья, что плачу я,
Что я сделаю, что подделаю — бог вынес свое решение.

.

Если желаешь, факих, уповай на 'бога, приди,
К 'скольким, подобным Юнусу, 'бог обратился.

Абдюррезак — суфийский шейх (см.), более известен под именем Шейх Синан. Рассказ о нем вошел в поэму «Беседа птиц» персидского поэта Аттара (XII—XIII вв.).

азан — призыв к молитве. Читается с минарета специальным лицом — муэззином, состоит из семи формул, первая из которых «Аллах велик».

акче — букв. «белячок», мелкая серебряная монета.

алиф (элиф) — первая буква арабского алфавита; изображается вертикальной чертой. По суфийской терминологии — символ «единства бытия», ключ к познанию истины.

ахи — городское ремесленное братство, игравшее в XIII—XIV вв. значительную роль в общественно-политической и духовной жизни Ближнего Востока. Членам этого братства надлежало вести строгую, праведную жизнь.

Бабá Тапдук (Тяптык), или *Тапдук (Таптык) Эмре* — шейх, наставник Юнуса Эмре, мюридом (учеником) которого поэт был, согласно легенде, сорок лет.

Балькис — библейская царица Савская, по легенде, влюбившаяся в царя Сулеймана (Соломона) и ставшая его женой.

Барак — известный шейх (см.) Барак-Бабá, старший современник Юнуса Эмре, один из его духовных наставников.

бейство — 1) удельное владение бея, княжество; 2) благородство, знатность.

Букрат — Гиппократ, знаменитый греческий врач.

Бурак — белый волшебный конь, на котором пророк Мухаммед совершил, согласно преданию, небесное путешествие к престолу Аллаха.

Верхние страны — здесь: Иран и Азербайджан.

восемнадцать миров — восемнадцать форм инобытия бога: Абсолютный разум, Абсолютный дух, девять небес, четыре первоэлемента, три вида природы: неживая, растительная и животная.

восемь раев — восемь райских садов. Согласно представлениям мусульман, в раю находится восемь садов, называемых также «кругами».

Все двадцать восемь букв — арабский алфавит состоит из 28 букв.

гази — борец за веру (ислам), победитель неверных.

гурии — (арабск. хури) — райские девы.

гяур — неверный, немусульманин, безбожник.

даль — одна из букв арабского алфавита. Здесь одна из букв, составляющих слово «адам» — «человек».

два мира — мир земной и мир небесный.

двойственность — Для суфиев пребывание в состоянии «отрыва» от бога, в то время как основная их цель — единение, единство с богом.

девять львов — здесь: девять небес.

девять отцов — здесь: девять сфер неба (см. девятое небо).

Дестан — прозвище Сама, деда Рюстема (см.), который хотел отречься от своего младшего сына Заля. В литературу вошел как олицетворение хитрости и коварства.

Джалинус — знаменитый врач и естествоиспытатель Гален (134—201), сочинения которого были хорошо известны на Востоке.

Джебраил — мусульманская форма имени архангела Гавриила.

джинны — демоны, духи пустыни, подчиняющиеся Сулейману (см.).

Джирджис — христианский святой Георгий Победоносец, почитаемый и у мусульман.

джуббе — род мантии, плаща.

див — дэв, злой дух; сказочный персонаж, огромное существо, враждебное человеку.

Зекерия — новозаветный Захария, в легенде о котором рассказывается, что он хотел скрыться от преследователей, войдя в дерево, но сатана помешал этому, и Зекерия был жестоко убит.

зикр — радение дервишей.

Ибрагим — пророк; библи. Авраам.

Ибрагим Эдхем — суфийский святой; согласно его жизнеописанию, шах Хорасана, сменивший корону и трон на отшельничество и умерший в бедности.

Ильяс — библейский пророк Илья, вознесенный, по преданию, живым на небо.

имам — букв. «предводитель»; предстоятель на молитве в мечети; духовный глава мусульманской общины.

Имран — отец пророка Моисея (Мусы).

Исмаил — сын Авраама (библи.). Согласно мусульманскому преданию, должен был быть принесен в жертву богу своим отцом (по библейской версии, жертвой должен был стать Исаак).

кади — мусульманский судья, разбирающий дела и выносящий решения на основании шариата (совокупности мусульманских религиозных и правовых норм) и фикха (мусульманского права).

Карун — библи. Корей; за страсть к накопительству был поглощен землей вместе со своим богатством.

Каф — мифическая неприступная гора, расположенная на «краю света».

кямет — призыв муэззина к намазу (см.).

Кевсер — река, которая, согласно мусульманским представлениям, течет в раю.

Кенан — библи. Ханаан — Палестина.

Кирамен и *Катибин* — два ангела-стража, записывающие деяния человека: один — на правом плече, другой — на левом.

Лейли — возлюбленная Меджнуна (см.); героиня арабской легенды, получившей распространение и у иранских, и у тюркских народов.

Локман — легендарный арабский врач и мудрец.

Мансур — Мансур аль-Халладж — знаменитый арабский суфий, провозгласивший себя богом («Я есмь бог!») и казненный за ересь в Багдаде в 922 г.

Мевляна — букв. «наш господин». Так называли мусульманских шейхов и ученых. Здесь имеется в виду великий персидский поэт Джалаледдин Руми (1207—1279), живший в столице Сельджуковского султаната г. Конье; старший современник Ю. Эмре.

Меджнун — букв. «одержимый»; герой арабской легенды о Лейли и Меджнуне. Потеряв рассудок от несчастной любви, он бежит от людей в горы, скитается в пустыне, где обитают дикие звери. Возможно, что Меджнун — личность историческая, бедуйнский поэт Кайс ибн аль-Мулаввах. Имя Меджнуна стало олицетворением безумной любви.

мим — одна из букв арабского алфавита. Здесь — одна из букв слова «адам» — «человек».

михраб — ниша в мечети, расположенная в направлении к Мекке. Во время молитвы в мечети мусульмане обращались лицом к михрабу.

Муса — ветхозаветный пророк Моисей, поднимавшийся на гору Тур (см.) для беседы с богом.

муфтий — высокое мусульманское духовное лицо, авторитет по вопросам соблюдения шариата.

модеррис — преподаватель медресе — мусульманского духовного училища.

монаджат — род неуставной молитвы, моление.

Мюнкир и *Некир* — два ангела, которые, по мусульманским верованиям, допрашивают умершего о вере и содеянных грехах.

намаз — ежедневная пятикратная молитва, совершение которой является одной из важнейших обязанностей мусульманина; первая молитва совершается перед восходом солнца, последняя — по наступлении полной темноты.

На небе девятом. — Согласно средневековой мусульманской космогонии, небо состоит из девяти сфер: семи сфер, соответствующих семи планетам, и двух, расположенных над ними.

Немруд — легендарный тиран, который, согласно преданию, приказал бросить в горящую печь пророка Ибрахима (Авраама), за что был наказан Аллахом: в ухо Немруда влетел комар, проникший затем в мозг, и Немруд умер в страшных мучениях.

Нефес — духовный стих. Одна из народных песенных форм суфийской поэзии.

Номан — царь государства Хира, вассал Сасанидов, поднявший восстание против Хосрова Ануширвана (см. Нушерван), за что последний приказал казнить Номана, бросив его под ноги слону.

Ночь откровения — ночь «ниспослания» Корана, когда существовавший, по мусульманской догме, предвечно Коран был как «откровение» передан Аллахом пророку Мухаммеду через посредство Джебраила (см.).

Нушерван — Хосров Ануширван (531—579), царь из династии Саса-

нидов, прозванный справедливым. Его имя стало в литературе олицетворением справедливости.

Нух — библейский Ной, мусульманской пророк, легендарная история которого вошла и в Коран.

о четырех религиях говорили, душа семь прошла. — Здесь речь идет о четырех последовательных стадиях суфийского пути к богу (ш а р и а т — «закон», следование всем предписаниям ислама; т а р и к а т — «путь», добровольное отречение от мира, подчинение воле наставника-шейха; м а р и ф а т — «познание», духовное озарение, во время которого суфий мог достигнуть временного общения с богом; х а к и к а т — «истина», полное слияние с богом). Имеются также в виду семь этапов духовного совершенствования суфия (покаяние, осмотрительность, воздержание, бедность, терпение, упование на бога, покорность).

Печать Сулеймана — магическое кольцо, которым, по преданию, обладал царь Сулейман (библ. Соломон), дававшее ему власть над стихиями, животными и духами.

Рыдван — имя ангела — стража райских врат.

Рум — Византия, земли Малой Азии.

Рюстем — герой иранской мифологии, главный персонаж поэмы Фирдоуси «Шах-наме».

Салтук — известный суфийский шейх (см.), очевидно, старший современник Юнуса Эмре, герой апографической повести «Салтук-наме».

Сельман — один из сподвижников Мухаммеда, особо почитаемый некоторыми сектантами.

семь драконов — семь планет.

семьдесят два народа — по мусульманскому преданию, на земле обитают 73 народа, из которых один — избранный, а 72 — пребывают в невежестве.

Сердце, тебе близок Багдад. — Очевидно, намек на пословицу: «Aşık a Bağdat uzak değil» — «Для влюбленного Багдад недалеко».

сура — глава Корана — священной книги мусульман. Всего в Коране 114 сур, расположенных по принципу убывания величины.

Сырат — мост, «тоньше волоса, острее меча», который, согласно мусульманским представлениям, возведен над адом. Праведники проходят через этот мост в рай, грешники должны свалиться в ад.

Тайяр — Джафер Тайяр — знаменосец пророка Мухаммеда, павший за веру.

Тапдук — см. Баба Тапдук.

тарикат — букв. «путь»; учение о духовном совершенстве в суфизме; стадия восхождения суфия к богу — истине.

тач — корона, венец; здесь: колпак, который носили дервиши некоторых братств.

тефсир — комментарий к Корану.

Тур-гора — библейский Синай, на который поднимался Моисей беседовать с богом.

Феридун — мифический правитель Ирана, свергнувший, по преданию, тирана Зохака.

Фирава — фараон, сражавшийся с Мусой (библ. Моисеем).

фирман — султанский указ, скрепленный государственной печатью.
френк — европеец, иностранец.

Хабиб — одно из имен пророка Мухаммеда. Здесь намек на историю чудесного посещения Мухаммедом престола Аллаха, во время которого было произнесено 99 тыс. слов.

хаджэс — паломничество в Мекку, являющееся одной из пяти основных заповедей ислама.

Хаман — легендарный везир Фиравна (см.).

Хамза — Хамза ибн Абд аль-Мутталиб, дядя пророка Мухаммеда, заслуживший славу храброго воина, «льва Аллаха и его посланника»; в легендах Хамза преодолел сказочную гору Каф (см.), что «на краю света».

хан — постоянный двор, караван-сарай.

харадж — налог, которым облагались все немусульмане, подданные государства.

Хасан Гийикли — один из суфийских шейхов, современных Юнусу Эмре. Выходец из Ирана.

ходжа — здесь: духовное лицо; учитель, наставник.

Хызыр — (араб. Хидр) — пророк, по преданию, испивший живой воды и обретший бессмертие.

хырка — дервишский плащ.

четыре матери — т. е. четыре первоэлемента: огонь, воздух (ветер), земля, вода.

четыре священные книги.— Имеются в виду почитаемые мусульманами Пятикнижие Моисея, Псалтирь, Евангелие, Коран.

четыре змеи — здесь: четыре первоэлемента.

шейх — глава или старейшина племени у арабов; духовный ~~представитель~~
наик, глава ордена дервишей.

Шербет — сладкий напиток.

шехрияр — правитель, государь.

Эйюб — библ. Иов. В литературе выступает олицетворением страдания и терпения.

Юсуф — здесь: библ. Иосиф Прекрасный, легенда о котором составляет суру 12 Корана. История любви Юсуфа и жены Кефтира (библ. Пентефрия) Зелихи легла в основу многих ирано- и тюркоязычных поэм. Здесь имеется в виду легенда о том, как Юсуф продавался в Египте на базаре.

яйла — летнее пастбище в горах.

Якуб — библий. пророк Иаков, отец Юсуфа; выступает олицетворенным безутешного горя.

Предисловие	3
Глава I. История изучения жизни и творчества Юнуса Эмре	7
Глава II. Философские и этические проблемы в поэзии Юнуса Эмре	23
Глава III. Основные аспекты лирики Юнуса Эмре	47
Глава IV. Некоторые вопросы поэтики	68
Глава V. Поэма «Рисалет аль-нухия»	88
Заключение	97
Список литературы	106
Приложения	
Страницы	109
Примечания	171

Новые открытия — кадин гесес

Заведущий Борисович Куделин

ПОЭЗИЯ ЮНУСА ЭМРЕ

К вопросу о гуманизме
в литературе средних веков

Утверждено к печати Институтом стран Азии и Африки
при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова

Редактор А. А. Янаева. Младшие редакторы Г. С. Горюнова и Г. А. Буря.
Художник Л. С. Эрман. Художественный редактор Б. Л. Ресникова. Техни-
ческий редактор З. С. Теплякова. Корректор В. В. Воловик

ИБ № 14015

Сдано в набор 6.09.79. Подписано к печати 14.02.80. А-01736. Формат 84х108.
Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.
л. 9,24. Уч.-изд. л. 8,73. Тираж 3000 экз. Изд. № 4499. Тип. з. 10.01.
Цена 55 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»

Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Редакция издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 2